ТЕРРИТОРИЯ СЛОВА

Za slovo russkoe

№1 (8) ИЮЛЬ

2022

Литературно-художественный альманах

Руководитель проекта
Александр Сигида

Главный редактор
Людмила Гонтарева
Редактор-корректор
Анна Вечкасова

Дизайн обложки
Сергей Артёмов

Альманах
«ТЕРРИТОРИЯ СЛОВА»
является периодическим
печатным изданием,
выходящим при содействии
Союза писателей России.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Николай ИВАНОВ
г.Москва, РФ..... 5
Борис ОРЛОВ
г.Кронштадт, РФ 9
Сергей ПОРОХОВ
г. Санкт-Петербург, РФ 13
Милан ТЕШИЧ
г. Белград, Сербия —
г.Санкт-Петербуог, РФ..... 21

ПРОЗА и ПОЭЗИЯ

Юрий КОВАЛЬЧУК
г.Луганск, ЛНР..... 24
Фёдор БЕРЕЗИН
г.Донецк, ДНР..... 32
Игорь ЛЫСЫЙ
г.Донецк, ДНР..... 35
Александр СИГИДА
г.Молодогвардейск (Атамановка),
ЛНР..... 48
Виктор МОСТОВОЙ
г.Стаханов, ЛНР — г.Москва, РФ 54
Сергей КРИВОНОС
г. Сватово, ЛНР 57
Наталья СОВЕТНАЯ
г.Минск, Беларусь —
г.Санкт-Петербург, РФ..... 61
Александр КЕРДАН
г.Екатеринбург, РФ 77
Александр САВЕНКОВ
г.Горловка, ДНР..... 80
СИГИДА
Александр Александрович
г.Молодогвардейск (Атамановка),
ЛНР — г.Донецк, ДНР..... 84
Виктор ПЛЕСКУН
с. Пархоменко,
Краснодонский район, ЛНР..... 88
Светлана ТИШКИНА
г.Луганск, ЛНР 92
Ольга СТАРУШКО
г.Севастополь, РФ..... 99
Анна ВЕЧКАСОВА
г.Краснодон, ЛНР – г.Видное,
Московская обл., РФ..... 105
Владислав РУСАНОВ
г.Донецк, ДНР 115
Марина БЕРЕЖНЕВА
г.Балабаново,
Калужская область, РФ..... 118
ВАСИЛИЙ ТОЛСТОУС
г. Макеевка, ДНР..... 122
Марк НЕКРАСОВСКИЙ
г. Луганск, ЛНР 125
Нина ДЕРНОВИЧ
г.Молодогвардейск (Атамановка),
ЛНР — х.Вишневецкий, Каменский
район, Ростовская область, РФ..... 129

Александр ЦЫБА
г.Енакиево, ДНР 132
Александр ДАЦЕНКО
г.Воронеж, РФ 135
Елена ЗАСЛАВСКАЯ
г.Луганск, ЛНР 141
Андрей АНТОНОВ
г. Санкт-Петербург РФ..... 145
Андрей ДОБЖАНСКИЙ
г.Луганск, ЛНР – г. Воронеж, РФ 147
Светлана РАЗМЫСЛОВИЧ
г.Великие Луки,
Псковская область, РФ 153
Елизавета ХАПЛАНОВА
г. Макеевка, ДНР 156
Анна ТОКАРЕВА
г.Егорьевск, Московская область, РФ 159
Ольга ЗАБОРСКАЯ
г.Смоленск, РФ 163
Любовь СЕРДЕЧНАЯ
г.Витебск, Беларусь — г. Смоленск —
г. Санкт-Петербург, РФ 166
Александр ЛУЧИН
г.Смоленск, РФ 168
Алеся КАЗМЕРЧУК
г.Луганск, ЛНР..... 170
Александр МАРФУНИН
пос. Лесной, Московская область, РФ 171
Ирина ЧЕРНИЕНКО
п. Урало-Кавказ,
Краснодонский район, ЛНР..... 174
Оксана ЕГОРЦЕВА
г. Горловка, ДНР..... 176
Людмила ГОНТАРЕВА
г.Краснодон, ЛНР 177

НАШИ ДРУЗЬЯ ИЗ СЕРБИИ

Валентина ЧИЗМАР
г.Нови Сад, Сербия 181
Мирьяна МАРКОВИЧ
г. Сремска-Митровица, Сербия..... 183
Дивна БИЕЛИЧ
г. Нови Сад, Сербия 189
Веселинка СТОЙКОВИЧ
г.Вранье, Сербия 190
Дионисий-Деян НИКОЛИЧ
г.Белград, Сербия 192
Зоран НЕДЕЛЬКОВИЧ
г. Кралево, Сербия..... 194

Редколлегия благодарит Санкт-Петербургское региональное отделение партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» и лично Сергея Михайловича Боярского за помощь в издании этого выпуска «ТЕРРИТОРИИ СЛОВА».

территория
СЛОВА

Николай ИВАНОВ
г.Москва, РФ

Председатель Союза писателей России.
Автор более 30 книг прозы и драматургии.
В прошлом — офицер-десантник, военный журналист, главный редактор журнала «Советский воин»

ТОЧКА «НОЛЬ»

1.

Русские писатели никогда не хвалили войну. Они поклонялись солдату на войне.

Но русские писатели никогда и не позволяли топтать наши родовые символы. Издеваться над памятью тех, кто защищал Отечество. Переписывать историю в угоду врагам. Растаптывать у людей их человеческое достоинство. Уничтожать родной язык.

2.

Мы годами недоумевали, почему власть ласкала и привечала тех, кто явно ненавидел Россию. В ситуации с Украиной они первыми выползли на площади, в телеэкраны и соцсети со скорбным ахеджаковским выражением лица «мне стыдно за Россию», и при ближайшем рассмотрении подтвердилось: да, в первых рядах «стыдливцев» снова те, кто имеет государственные награды — начиная с орденов «За заслуги перед Отечеством» разных степеней, до заслуженных и народных деятелей всяческих искусств. Интересно, кто их выдвигал и кто подписывал представления? Кто позволял создавать всевозможные фонды под видом благотворительности? Кто включал их в списки представлять нашу страну и русскую литературу на всевозможных международных книжных ярмарках-выставках?

Не оттого ли украинские националисты наряду с обращением за помощью к НАТО и коллективному Западу взмолились и к «пятой колонне» в России: «Наших бьют», — не понимая, что тем самым поставили знак равенства между ними и бандеровцами? И не надо «пятиколоночникам» говорить, что они не видели фашистских флагов у тех, о ком сегодня рыдают. Не ведали, что с детских садиков младенцев учили кричалкам «Москаляку на гілляку». Не понимали, что рядом с нами родилось нацистское государство, в котором людей, говорящих на русском языке, именовали «особями». Что нормой стало после сожжения людей в Одессе подавать в ресторанах блюда «Жареный колорад» и «Печень ополченца»...

Все эти маниакальные превосходства «бандеровской расы» в первую очередь являлись проблемой страны, допустившей у себя подобное. Но у медали две стороны. Горящие факелы, шествия, даже пляски у пожарищ Донбасса — они до тех пор остаются внутриукраинскими, пока не встает вопрос безопасности соседей.

И здесь уместен прямой вопрос господам «нетвоенцам». Неужели не хватает ума хотя бы спросить себя: ведь наверняка не просто так Путину захотелось повоевать? Наверное, были всё же очень серьёзные основания, о которых мы не знаем или знать не желаем?

3.

Уже сейчас приоткрываются тайны.

Первая — о деятельности 15 военных американских биолабораторий, уже работавших в\на Украине, подальше от США и поближе к России. Две самые мощные готовились к открытию в Киеве и Одессе как раз в день начала операции.

Уже не тайна и договоренности Эрдогана и Зеленского о совместной работе Украины и Турции по возможному созданию пусть и «грязной», но атомной бомбы. И первое, что сделал президент Украины после сделки — он начал шантажировать этим Россию. В мире давно утвердилось мнение: когда открывают форточку в эту страшную действительность, её требуется не просто захлопнуть обратно, а и заколотить гвоздями «сотка».

И тем более сегодня знаем, что удар специальных сил России опередил всего лишь на несколько часов выстроенную в боевой порядок технику ВСУ и нацбатов для уничтожения Донбасса. Страшно представить каток, который бы покатился по земле, восемь лет до этого находившейся под постоянными обстрелами Украины. И знаете, на чём бы акцентировали внимание западные пропагандисты? «Вот так Россия помогает своим гражданам»! Затем бесконечные провокации на границе, одна из которых вынужденно переросла бы в вооружённый конфликт на условиях США. Так что главное — Украина отдала себя под плацдарм для нападок на Россию.

4.

Писателя, в отличие от блогеров, интересует в первую очередь ответ на вопрос не «как ввели войска», а «почему их ввели».

Эти вопросы никогда не задаёт себе наша крикливая, нашпигованная средствами массовой информации, деньгами, оппозиция. В информационном плане ситуация ещё вчера один в один повторяла Чечню, когда «незабвенные» и всем хорошо известные правозащитники, депутаты и журналисты определённых редакций обливали грязью наших солдат и офицеров, жертвенно отстаивавших в девяностых годах целостность России.

И вот у них родились достойные подражатели. Однако время «Z» дало и первый факт самоочищения страны: и закрытие самых одиозных СМИ, и закон о лжи, на которой сидела и бесконечно кормилась интеллигенция, давно оторвавшаяся от народа.

Но будем знать, что она никуда не исчезла. Она всегда прикрывалась другими. И сейчас их главная задача — сформировать 6-ю колонну так называемых «всепропальщиков». Они пока не враги Отечеству, но будет делаться всё, чтобы ими пополнить ряды клеветников и ненавистников собственной Родины.

5.

Война не нужна России. Она не нужна была и Украине. «Рідну неньку», как неразумное дитя, подвели к ней «добрые» дяди, все последние годы подзуживавшие и поощрявшие тявканье из-под забора. Гавкнешь — получишь печеньку. Промолчишь — останешься без сладкого на ужин.

Но мы знаем: что бы ни делалось в последние годы подобными доброжелателями — это не за Украину, а исключительно против России! Запад уверовал сам и приучил нашего ближайшего соседа и собрата к тому, что Россия отныне — это всего лишь коврик перед дверьми, о который нужно и можно вытирать ноги.

Восемь лет исключительно Россия добивалась того, чтобы Украина признала Донбасс своей территорией, как и предписывали Минские соглашения. Это мы, Россия, добивалась! Но усвоено было совершенно другое: «колорадов» надо давить танками и сжигать. Запад бросил Украину в огонь, оставшись, как всегда, наблюдать со стороны и ждать своей личной выгоды. Ничто не ново под луной.

Можно было бы что-то понять, если бы Запад вёз на Украину гуманитарную помощь или книги своих великих писателей-классиков. Но он вёз исключительно оружие, бронетехнику, оружие и вновь бронетехнику. Вместо тех же фестивалей дружбы на Украине шли, с каждым годом

становясь все масштабнее, всё ближе к границам России, военные учения.

И подошёл миг, когда стало понятно: Запад хочет войны. Украина всего навсего — таран, которым руководство страны согласилось быть. Война подошла к воротам России. Конфликт выходил на другой уровень, на уровень 1941 года, когда Сталин до последнего надеялся на благоразумие противника. Можно было и сейчас его ждать, оставаясь в белых манишках. Но интересно, что бы кричали нынешние ультралибералы, начнись провокации на нашей границе? А то, что они кричат все последние годы на Сталина: не смог предвидеть, не защитил, проморгал, побоялся взять ответственность…

В какие-то моменты неизбежности надо начинать первым. Нашёлся человек, который взвалил на себя эту колоссальную ответственность. В нашу раскрытую ладонь, которую мы протягивали соседям все эти годы, через которую руководство страны умоляло начать переговоры, отвести угрозу от наших границ и дать гарантии безопасности, откровенно и хамски наплевали. Нам надо было и дальше просто утереться? Осознавая, что мы находимся у критической черты, в своеобразной точке «Ноль», после которой страна обрекается только на поражения?

Но наша ладонь вдруг превратилась в кулак!

Сейчас время слова и дела. Дело сделано. Но из истории знаем: во время войны обязательно проявляются предатели, власовцы и бандеровцы, готовые стрелять в спину своим.

Пришло время и Слову.

6.

Я хочу выразить благодарность нашему Союзу писателей России.

Мы уже увидели деятелей культуры, побежавших под телекамеры засвидетельствовать своё почтение Западу.

Некоторые, наоборот, попрятались в щели, боясь высказать и обнародовать свою позицию — тоже на всякий случай.

А вот наши региональные руководители буквально потребовали от меня как председателя чётко и внятно обозначить свою позицию, хотя секретариат в это время уже готовил Заявление Союза писателей о сложившейся ситуации. Оно полностью отразило мнение подавляющего большинства членов СП России. Хотя могу сказать и точно: два человека, две молоденькие женщины, ещё недавно выставлявшие свои фото с билетами, сделали селфи с нашим Заявлением, заявляя о своём несогласии. Ради Бога. Вас могут принять в свои распростёртые объятия другие союзы.

И второй штрих. При обнародовании знакового письма в «Литературной газете» в поддержку армии «Кто хочет жертв?» буквально за первые часы от писателей России пришло более двухсот подписей! Это составило две трети от общего количества подписавших — и в том числе данный факт придал уверенность газете в необходимости публикации. И снова цифры статистики: всего лишь два писателя, до которых дошёл текст, отказались ставить свою подпись. Только что прислали скан из соцсетей: ещё одна женщина «бегает» по интернету с матерными текстами в адрес России и президента.

Пять человек на весь Союз! Наверное, кто-то проявится ещё. Наверняка проявится. Но наша сплочённость и ответственность, гражданская зрелость позволяют мне сказать «спасибо» нашему союзу единомышленников. Мы вместе, никто никуда не сбежал, не переметнулся, не забился в щели.

Работаем дальше во времени, которое можно обозначить как «Точка «Ноль», неожиданно ставшая символом нового времени, когда Россия перестала отступать в войне, навязанной нам сразу после распада СССР.

НАРИСОВАТЬ РАДУГУ ЧЁРНЫМ КАРАНДАШОМ

Ответ на решение Верховной Рады Украины запретить ввоз книг из России, Белоруссии и Донбасса.

Нельзя повернуть вспять Днепр. Нельзя остановить ветер. Нельзя уничтожить высказанную человеческую мысль. Точно так же нельзя запретить русскую литературу. Хочется кому-то или нет, но она живёт у нас на подкорке, является частью нашего менталитета, проявляется в том, как мы воспитываем своих детей. Русская литература — как звёздное небо над головой. И даже если украинские «решалы» наденут чёрные очки, чтобы не видеть созвездий, они не исчезнут с неба. А вот очки когда-то всё же придётся снять, потому что русская литература была и будет вне зависимости от чьих-то желаний. Просто те, кому запретили наше слово, они сами выпадут из цивилизационного процесса, обеднеют ровно на то время, на которое продлится этот запрет.

Такое ощущение, что украинская власть хочет нарисовать радугу одним карандашом. Причём чёрным. Но в ней сотни оттенков, и у русской литературы в этой радуге — самые яркие цвета.

Я – НЕ ПРЕДАМ!

Из выступления на концерте «Za Победу», посвящённом поддержке воинов Российской армии, в музее на Поклонной горе.

Промыслительно: буква Z, исстари обозначавшаяся в нашем алфавите как «Земля», вдруг вновь стала русской и её мгновенно выучил весь мир. Через столетие она вновь ворвалась в наш обиход, как в 45-м пришли к нам слова «Великая Победа», в 61-ом — «Космос», в 2014-ом — «Бессмертный полк».

Вписанная совершенно спонтанно в документы неким армейским штабистом как наиболее удобный знак для обозначения своих войск, она вдруг объединила, выстроила круговую оборону и вокруг традиционных культурных и духовных ценностей внутри страны.

Z — означает конец отступления, заискивания, полупоклонов и расшаркиваний, выплеснула наконец-то из русской закваски те добавки, которые мешали нам выпечь полноценные хлеба.

Z — это направление главного удара по вседозволенности, желанию «дорогих партнёров» властвовать над нашими умами и территориями, исследованиями и производствами, законами и психологией, над нашей молодёжью и нашим будущим.

Z — это родник, вдруг пробившийся сквозь железобетон западных условий и болотную жижу отечественных ультралибералов и русофобов, набравших критическую массу в области образования, науки, культуры, финансов. Она — конец разрыхлителям, очищение от ржавчины внутреннего стержня.

Z — это прерванная цепочка испытания боевых вирусов над славянским генофондом и заслон свастике, жирно нависшей над памятью защитников Отечества, над моим партизанским брянским лесом.

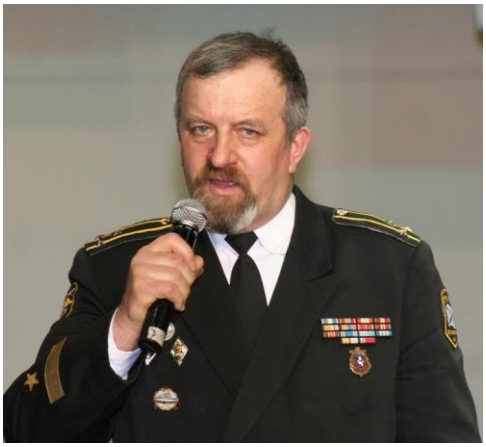
Z отныне и навсегда изменила психологию войны, когда выполняющим спецоперацию бойцам не нужны чужие территории, но при этом они идут на личную жертвенность ради сохранения жизни других. Z — это немыслимое ещё вчера единство армии, народа и власти.

Z — это сохранённое достоинство Отечества. Сбережение кода нации, не утратившей готовность прийти на помощь ближнему и не предавшей свою историю.

Я, русский офицер и русский писатель, принимаю Z в свой внутренний мир. Внешний мир сложен, переплетён мириадами нитей, но время русской «Zемли» уже не замолчать и не предать забвению.

Я — не предам!

Борис ОРЛОВ
г. Кронштадт, РФ



Секретарь Союза писателей России, председатель правления Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. Главный редактор газеты «Литературный Петербург», член Санкт-Петербургского союза журналистов, Православного общества Санкт-Петербургских писателей. Академик Петровской академии наук и искусств. Лауреат многочисленных литературных премий, в том числе, «Золотой кортик», им. К. М. Симонова, им. В. С. Пикуля.

Автор 15 книг стихов.

Капитан 1-го ранга запаса. Имеет правительственные награды.

РУССКИЙ МИР — ЭТО МЫ С ВАМИ

С председателем Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России Борисом Орловым беседует Алексей Бакулин.

— Борис Александрович, сейчас все русские люди стараются по возможности помочь нашей армии, помочь солдатам и офицерам, участвующим в спецоперации на Украине. Скажите, Союз писателей России, его Санкт-Петербургское отделение тоже помогают русским воинам?

— Я вам скажу: разумеется, да! Как только началась спецоперация, я лично подписался под первым же письмом деятелей Российской культуры в поддержку спецоперации. Это письмо от 4 марта, — оно подписано такими людьми, как Николай Бурляев, Захар Прилепин, Владимир Крупин и многими другими, — всего более 150 подписей. В противовес либеральной тусовке, которая до сих пор верещит о «вторжении», на нашем сайте «Санкт-Петербургский Дом Писателей» вы найдёте очень много материалов в поддержку спецоперации. В конце апреля в Доме Писателей проходил вечер в поддержку, — его даже показывали потом по ТВ. На недавний Санкт-Петербургский книжный салон мы пригласили четырёх писателей из Донбасса, их достойно встретили в Национальной библиотеке. Видите, у меня в кабинете висит большой флаг Донецкой Народной Республики! Самые тёплые взаимоотношения у нашей организации с донбасскими литераторами, — и завязались эти отношения задолго до нынешней военной весны. К примеру, три года назад мы проводили поэтический конкурс «Донбасс в труде и в бою», — в нём приняли участие поэты из многих стран, и по его итогам мы выпустили сборник стихов «Донбасс — Петербург». Когда к нам приезжают поэты из Донбасса, мы обязательно проводим их творческие вечера, — такая поддержка для них очень важна. Председатель Союза писателей России Николай Фёдорович Иванов постоянно бывает в Донбассе, — он не раз выезжал туда с молодыми писателями, и не раз принимал участие в отправке гуманитарных конвоев. Мы посылали в Донбасс свои книги…

Я вам так скажу: Союз писателей России — это одна из духовных скреп, соединяющих Русский мир, и нам ли не поддержать каждый шаг государства, направленный к укреплению Русского мира?

Мы готовы к борьбе за будущее России, у нас есть силы. Я всегда говорю, что современная русская литература существовала, существует и будет существовать. Да, за прошедшие 30 лет либералы обнесли её железным занавесом. После госпереворота, после прихода к власти Ельцина, они обрубили финансирование государственно-патриотической литературе. Вспомните: в 90-е годы слово «патриот» было для либералов ругательным. Они без конца кричали о «коммунистической

цензуре» в Советском Союзе, а сами тем временем установили цензуру гораздо более жёсткую: цензуру рубля — писателям не платили. Если кто-то из патриотических литераторов приносил в редакцию своё произведение, написанное в традициях русской литературы, — порою прекрасное произведение, — то ему говорили: «Это для нашего издательства не формат!». Из русской культуры они создали себе кормушку.

А сейчас они видят, что кормушка от них отодвигается, и лихорадочно ищут новую: в Израиле, в Прибалтике… Они ещё пытаются надавить на наше государство, подписывают какие-то протесты, — эта так называемая интеллигенция… Не знаю я, что это за интеллигенция такая, и почему эти люди берут на себя роль русской интеллигенции? Ещё и русской себя называют, — не российской даже, но русской!..

Но как может русский интеллигент — настоящий русский интеллигент! — говорить то, что я услышал от одного московского либерального литератора? Он утверждал следующее: «Хозяином, мол, своей судьбы может быть только атеист: он делает всё, что хочет, его ничто не ограничивает, а у православного есть ограничители — Бог, заповеди… Но человека нельзя сдерживать, иначе он прекратит развитие…» И даже: «Если перед вами стоит выбор — с одной стороны вам чего-то хочется, а с другой вы что-то обязаны, — плюньте на долг и делайте то, что вам хочется». И ведь в последние 30 лет такие мысли были основой для воспитания молодёжи, и на этом пути либералы сумели зайти весьма далеко.

Прежде они нередко пытались запугать нас вопросом: «Вы что же, против рынка?» (как когда-то: «Вы против политики партии?») Но мне рынок напоминает ядерную реакцию: эта реакция может быть управляемой и неуправляемой. Если она управляема, то она работает на человека, а неуправляемая вызывает ядерный взрыв. То же самое и рынок. Рынок, если им не управлять, может привести к катастрофе, — что у нас сейчас и произошло.

Я бы сказал: сегодня пришло время управляемого рынка или даже мобилизационной экономики, потому что страна наша огромна, богатства её огромны, но народ ими не пользуется. Мы знаем, что нас ограбили, наши богатства вывезли за рубеж, в офшоры… Пора возвращать наше достояние — в том числе и культурное.

Писатели-патриоты не смотрят на государство, как на кормушку, они не просят многого — только помощи в издании книг. И надо сказать, государство нам сейчас помогает. Но мы не хотим быть только потребителями, мы в свою очередь готовы помогать государству теми средствами, которые нам доступны, в первую очередь художественным словом. После начала спецоперации стало легче, в стране произошло определённое очищение: так называемые «носители русской культуры» убежали в Израиль… Что ж, обойдёмся и без вас, ребята-израильтяне, развивайте свою культуру, израильскую, а мы уж как-нибудь будем соблюдать наши традиции, развивать нашу русскую культуру.

Наше либеральное сообщество встало на сторону таких персонажей, как Зеленский… Скажите, а вам Зеленский не напоминает никого из героев древней истории? У меня, к примеру, вырисовывается чёткая параллель между главарём современных бандеровцев… и римским императором Нероном! Тем самым Нероном, который считал себя великим артистом, владея империей, пытался играть в театре, а потом взял и поджёг Рим, чтобы полюбоваться величественным зрелищем гибели родного города. И сейчас я смотрю на Зеленского, который бросил в огонь войны собственную страну, и что-то мне говорит, что этот человек и далее пойдёт по стопам Нерона: кто-нибудь из ближнего окружения сделает так, чтобы его устранить.

— Каковы ваши впечатления от нынешнего книжного салона?

— Мне очень понравился салон. Я бы выразил своё впечатление так: произо-

шло культурное импортозамещение. Запад, выступающий против нас с санкциями, послал на салон гораздо меньше своих представителей, чем обычно, а наш губернатор сделал очень умный ход: во-первых, писателям дали возможность участвовать на салоне бесплатно, а во-вторых, пригласили очень много русских авторов со всех концов России. Я с огромным удовольствием общался с нашими писателями из глубинки. А на главной сцене тем временем выступали самобытные русские ансамбли, сказочники рассказывали русские сказки, певцы пели русские песни. Почти забытое чувство проснулось в душе: я в России, я русский человек, я среди Русского мира. И хотя отдельным московским либералам удалось приехать сюда, но в целом преобладало чувство очищения, и понятно стало, что такое культурное импортозамещение. Александр Дмитриевич Беглов, наш губернатор, молодец, что решился на такое.

Мне всё понравилось, даже само расположение на Дворцовой площади. Здесь всё было компактно, всё было легко найти. И стержневыми пунктами программы опять оказались круглые столы, дискуссии Санкт-Петербургского отделения СП России. Я надеюсь, что в следующем году салон пройдёт в таком же формате, к нам приедут авторы со всей России, и мы будем частицей Русского мира. Пусть приедут и иностранцы, — те, кто нам друзья: китайцы, вьетнамцы, представители Средней Азии, — и будет нормальный международный книжный салон. Не русофобский книжный салон, а тот, который отстаивает традиционные человеческие ценности, который борется с фашизмом своими методами.

— Что вам особенно запомнилось на салоне?

— Я был на пленарном заседании и скажу вам, что очень хорошее впечатление произвело на меня выступление Сергея Степашина. Он в частности сказал, что печатная книга — она была, есть и будет, никакие электронные книги, никакой интернет её не победят, только на печатной книге можно учить подрастающее поколение. Мне сразу вспомнилось, как я отыскал недавно свой школьный учебник для 4 класса — «Родную речь». Я читал эту «Родную речь», и тут же наизусть повторял стихи русских классиков, рассказы наших великих писателей… Как там чётко всё было распределено по разделам: «Семья», «Сказки, былины», исторические рассказы о Ломоносове, о Суворове… Как писал Есенин: «Это всё мне родное и близкое, от чего так легко зарыдать».

А что такое интернет? Нам недавно показали, чего он стоит: кто-то нажал кнопку, и ты уже не можешь войти туда, куда прежде входил беспрепятственно. Года четыре назад я говорил с одним молодым человеком. Он убеждал меня: «Интернет всемогущ!..» — «А если его отключат?» — «Ну, как это отключат? Такого не может быть!» Для него интернет и иные современные технологии так же вечны и нерушимы, как явления природы, — восход солнца, например. Но сейчас всем стало ясно, что это не так.

Интернет в том виде, в каком он существует сейчас — это орудие глобализма. А глобализм — это тупиковый путь, ведь каждый человек, каждый народ существует в своих традициях, — тем он и интересен. Цветы — это красиво, розы — это красиво, но что будет, если из всего многообразия цветов на земле останутся только розы? Вот и народы должны быть различны… В своё время либералы упрекали Советский Союз: «Там все были причёсаны под одну гребёнку!» А у самих-то значительно хуже вышло: советские-то люди были намного интереснее, чем эти примитивные глобалисты, советские люди могли размышлять. Ведь реально отучили молодёжь мыслить! У них теперь отними смартфон — считай, что голову отнял: все мозги в смартфоне.

Говорят, что в новом учебном году в школах с 1 класса будут изучать историю нашей страны. Это необходимо! Историю молодёжь не знает! И ещё надо вернуть тот важнейший предмет, который в своё

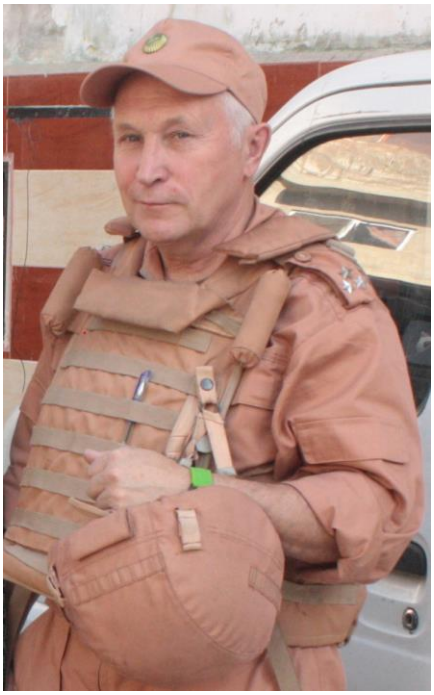
время отменил Хрущёв — «Логику». Сейчас молодые люди не могут логически мыслить, сопоставлять один факт с другим. Они рассуждают на уровне инстинкта, а ведь такими легче управлять.

— Какой бы вы хотели видеть Россию после спецоперации?

— Я бы хотел видеть Россию, которая вернулась к своим духовным истокам. Я хочу видеть Русский мир. А Русский мир — это когда все народы объединены, но каждый народ живёт в своём национальном доме. У нас всегда все мирно сосуществовали, и людям в Советском Союзе спокойно жилось. Это был не тоталитаризм отношения, это были самые человеческие отношения. Все мы праздновали советские праздники, но и церковных не забывали. В моей родной деревне праздновали 7 ноября, День Победы, но было и два приходских праздника: Воздвижение Креста Господня и Рождество Христово, — в соседней деревне стояла церковь Рождества Христова, и мой прадед был там церковным старостой. Традиции надо чувствовать, надо их не забывать, тогда мы и отстроим Русский мир. Сейчас общество разбили, как тарелку, — на мелкие осколки. После спецоперации нужно будет эти осколки склеивать — работа очень трудная, но необходимая. У нас просто выбора нет: общество необходимо склеить заново.

Источник: сайт «Русская народная линия».

Сергей ПОРОХОВ
г. Санкт-Петербург, РФ



Председатель правления Ленинградского областного отделения Союза писателей России, член Союза журналистов СССР и Санкт-Петербургского СЖ. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, руководитель отделения литературы и журналистики.

Окончил Казанское суворовское военное училище, Орджоникидзевское высшее общевойсковое командное училище редакторское отделение Военно-политической академии. Полковник запаса.

Служил командиром разведывательного взвода, заместителем командира разведывательно-десантной роты. С 1982 года работает в военной печати: в дивизионных газетах на Дальнем Востоке, в газете Группы советских войск в Германии «Советская Армия» и Ленинградского военного округа «На страже Родины», «Красная звезда» Министерства обороны РФ, «Русский витязь» на авиабазе Хмеймим (САР), в пресс-службе ЛенВО, в журнале Министерства обороны РФ «Ориентир».

ДЕФАШИЗАЦИЯ. ОНА НУЖНА НЕ ТОЛЬКО УКРАИНЕ

24 февраля 2022 года Президент России В.В. Путин объявил о начале спецоперации на Украине. Целью ее была объявлена демилитаризация и денацификация Украины. Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации отдал приказ на использование армии.

Заявление главы российского государства было одновременно и призывом к мировому сообществу о противодействии нацизму, который возрождается во многих странах мира и пышно расцвел на территории Украины.

Это было призывом к лидерам и народам стран, которые когда-то были союзниками по антигитлеровской коалиции, чтобы вновь сплотиться для борьбы со все нарастающей угрозой миру.

Обращение Президента России было адресовано и к народу Германии, который семь десятилетий назад прошел процедуру денацификации, который должен помнить о своей особой ответственности за сохранение мира. Однако мы знаем, что денацификацию Западной Германии свернули очень быстро — военный министр Франц Йозеф Штраус, выступая 25 июля 1961 года с речью в Калифорнии, сформулировал суть политики реванша: «Вторая мировая война еще не закончена». И, как свидетельствуют сегодняшние события, нацизм в Германии не был искоренён.

Обращение было адресовано лидерам стран, в которых потворствуют неонацистским группировкам, а также непосредственно к участникам неонацистских объединений…

Создан новый фашистский интернационал?

В мае 1945 года в Европе стихли выстрелы и разрывы мин, снарядов, бомб Второй мировой войны. Через полгода огонь войны был погашен и в Азии. Германский нацизм и японский милитаризм были повержены. Разрушенные города, десятки миллионов погибших и искалеченных, уничтоженная промышленность – казалось бы, народы всего мира получили вечную прививку от фашизма, милитаризма, национальной нетерпимости.

И вот через 76 лет из России прозвучал призыв к борьбе с возродившимся нацизмом. Вооруженное сопротивление на Украине в 2014 году сдерживало его. Од-

нако прошедшие 8 лет позволили ему укрепить свои позиции на Украине, подготовиться к войне с Россией. Россия нанесла по врагу, по украинскому нацизму, упреждающий удар.

Что должны были бы сделать наши бывшие союзники, если бы находились в здравом уме и твердой памяти? Сомкнуть ряды и вместе с Россией приступить к уничтожению общего врага. Если не согласны с мнением российского руководства, они должны были выразить сомнение: действительно ли речь идет о борьбе с нацизмом, может быть, лидер России заблуждается.

Однако сомнений относительно того, что руководство России, народ которой практически единодушно поддержал специальную военную операцию, заблуждается, не было. Европа и Америка, Азия, Африка и Австралия — весь мир молчаливо согласился, что Россия борется с нацизмом. Этому существует немало свидетельств того, что российское руководство, прежде чем перейти к реальным действиям, многие годы ставило вопрос о необходимости борьбы с нацизмом.

Ежегодно, начиная с 2005 года, в декабре принимаются резолюции Генассамблеи ООН «Героизация нацизма: недопустимость определенных видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». Почти две трети представителей государств планеты каждый год отдавали свои голоса за принятие этой резолюции. Всего два-три государства — при этом обязательно США — голосовали против одобрения этой резолюции. Воздерживалась при голосовании по резолюции треть государств — страны НАТО, а также европейские и азиатские союзники США. Начиная с 2014 года, года государственного переворота на киевском Майдане, против этой резолюции голосовали только два государства – США и Украина.

В декабре прошлого года резолюцию, осуждающую героизацию нацизма, поддержало 130 государств, против её одобрения были США и Украина. Воздержалось 49 государств, в том числе постоянные члены Совета Безопасности – Франция и Великобритания, а также первые жертвы агрессии нацизма в Европе – Австрия, Чехия и Польша, а в Азии – Республика Корея. Воздержались от положительной оценки резолюции сама Германия и её бывшие союзники во Второй мировой войне: Италия, Япония, Хорватия, Венгрия, Финляндия, Словакия, Болгария, Румыния.

Начиная с 2014 года, в самой Украине звучали голоса против нацификации страны. На сайте главного оппозиционного проекта Украины «Голос Правды», к примеру, было опубликовано такое обращение Виктора Медведчука: «Переписывание истории и навязывание украинцам новых героев из числа пособников нацизма и фашизма уже возведены в Украине в ранг государственной идеологии.

Разгул неонацистов и бесчинства фашиствующих группировок, полная вседозволенность национал-радикалов, насилие по отношению ко всем инакомыслящим, травля граждан по языковому, этническому, религиозному признакам и практика преследования политических оппонентов по сфабрикованным уголовным делам — вот реалии современной Украины. А власть не просто закрывает глаза на все эти преступления, она использует их в собственных интересах и даже выступает инициатором большинства из них, пытаясь запугать общество, устранить политических конкурентов и установить диктатуру в стране».

Политические лидеры коллективного Запада отказывались препятствовать героизации нацизма, закрывали глаза на шествия неонацистов по Украине, не слышали зигующих молодчиков на улицах Киева и Львова, Вильнюса, Риги и Таллина. А когда они были уведомлены о начале специальной военной операции по искоренению нацизма, когда они по сути получили предложение участвовать в денацификации Украины, вдруг выяснилось, что из так называемых нейтральных государств

сложился фашистский интернационал, горячо поддерживающий нацизм Украины.

С началом спецоперации на Украине по меньшей мере три десятка стран приняли участие в поставках оружия на Украину, в том числе Соединённые Штаты Америки, Британия, Франция, Германия, Италия, Испания, Швеция, Ирландия, Польша, Румыния, Чехия, Словакия, Словения, Финляндия, Эстония, Латвия, Турция и др.

Какие-то страны передают оружие по «идейным» соображениям. Какие-то решили подзаработать (продажа оружия — неплохой бизнес). Для кого-то это самый дешёвый способ утилизировать устаревшее оружие и военное снаряжение. Но несмотря на различные формы поддержки украинского нацизма из всех этих стран запахло могильной гнилью, гнилью фашизма.

Когда речь зашла о санкциях против нашей страны, на погребальный колокол отпевания России бодренько так откликнулось еще большее число стран. Они решили поддержать профашистскую политику Вашингтона.

Позиции обозначены. Ограничиваться только демилитаризацией и денацификацией Украины нельзя.

Декоммунизация вместо денацификации?

После окончания Второй мировой войны в Европе Германия должна была подвергнуться денацификации. Кроме совместно проведенного Нюрнбергского трибунала каждый из союзников проводил её в своей зоне оккупации. Но наши союзники проводили её со многими оговорками и допущениями, укрывали нацистских преступников на территории США, лояльно обошлись с ними в Германии. Достаточно сказать, что началась так называемая денацификация и демилитаризация Германии с сохранения разоруженных подразделений вермахта в своих организационно-штатных формированиях для подготовки к операции «Немыслимое». Англо-американские части совместно с германскими, оружие которых находилось на складах, 1 июля 1945 года должны были ударить по советским войскам, находящимся в Германии. Планы эти были сорваны советской разведкой и военным командованием.

В союзных Германии странах, заблаговременно, до окончательной победы покинувших фашистский блок и присоединившихся к странам антигитлеровской коалиции, аналогичные процессы вообще не проводились. Разве что осудили наиболее рьяных военных преступников. Более того, в США и ряде европейских стран (Франция, Греция, Италия и т.д.) против коммунистов, участников движения Сопротивления и антивоенных активистов в послевоенные годы были организованы «охота на ведьм», кровавый террор.

В странах так называемого социалистического содружества работа против коллаборационистов и денацификация тоже велась недостаточно активно. Косвенным свидетельством тому стал политический кризис в Германии (1948-1949 гг.), Венгерский мятеж (1956 г.), чешские (1968 г.) и польские (1980 г.) события. Да и в самом Советском Союзе те же бандеровцы в начале 60-х годов были освобождены из мест лишения свободы, почувствовали себя вольготно.

Зато декоммунизация стран бывшего социалистического лагеря набирала обороты. В 1991 году она была объявлена президентом России Борисом Ельциным официальной политикой даже на территории бывшего СССР. Выступая 17 июня 1992 года в Конгрессе США, он заверил бывших противников: «Мир может вздохнуть спокойно: коммунистический идол, который сеял повсюду на земле социальную рознь, вражду и беспримерную жестокость, который наводил страх на человеческое сообщество, рухнул. Рухнул навсегда. И я здесь для того, чтобы заверить вас: на нашей земле мы не дадим ему воскреснуть!»

В связи с тем, что фашистский блок накануне поражения распался, социально-политическому явлению «фашизм» в послевоенные годы не была дана правовая оценка, оно не было осуждено. Обвини-

тельные разговоры свелись к осуждению только нацизма, преимущественно германского нацизма.

Зло не было наказано, и это привело к возрождению фашизма во многих странах мира в самых разнообразных формах. На Украине фашизм обрел преимущественно форму украинского нацизма и яростной русофобии. Но не только. Бывшим футбольным фанатам-отморозкам (они отличились в расстреле наших пленных), представителям криминала, иностранным наёмникам по всей видимости безразличны идеи украинской незалежности, хотя они бесчинствуют в одном ряду с нацистами. Да и многие ярые поборники украинизации, как обнаруживается, связывают свое будущее с «европейской мечтой», с восторгом меняют свою жёлто-блакитную родину на страны Евросоюза или Израиль, США, Канаду. У самых отпетых укронацистов по два-три паспорта в кармане.

Так что цели специальной операции не должны ограничиваться денацификацией. Нацизм нужно рассматривать в качестве крайней формы более общего явления, которое получило название фашизм.

«Фашизм – капитализм плюс убийство»

Самым первым антифашистом в России, на мой взгляд, был В.И. Ленин. Его первая большая работа называлась «Кто такие «друзья народа» и как они воюют против социал-демократии». Так называемые «народники» выступили на политическую арену с программой массового террора против государственной структуры России, разворачивающейся на путь капиталистического развития. Корпоративный дух общины, в которой появлялись свои вожди в виде кулачества, возникали иерархические структуры, закреплялась прямая эксплуатация бедноты, репрессии по отношению к слабым и давление на общину с целью сломить ее волю и подчинить влиянию вождей, сохранялся местечковый национализм и антисемитизм — все это создавало предпосылки для создания фашистских структур. И возглавить эту смену государственного устройства хотели как раз «народники». Эти идеи были развиты на территории Галиции в первой половине XX века, а через столетие воплощены в жизнь на территории современной Украины.

Кстати, политическая терминологии 20-х годов XX столетия в России рассматривало слово «народничество» как синоним слова «фашизм». Теперь, надеюсь, понятно, почему социалисты и социал-демократы повели непримиримую борьбу с ними, а затем и с пришедшими им на смену «эсэрами» — социалистами-революционерами. И после окончания Первой мировой войны, когда идеи фашизма стали распространяться в Италии, Германии, даже в США и Англии, в советской России эсеровские мятежи были подавлены. В Германии «народники» получили название национал-социалисты. Мимикрия — одно из свойств политиков, которые умеют использовать чужие лозунги, если они привлекательны для масс.

И все-таки что такое фашизм? Казалось бы, определение этой идеологии можно найти в политологических словарях. Уверяю вас, сделать однозначный выбор понятия — занятие неблагодарное. Даже Российская академия наук не сумела дать аргументированный ответ на этот вопрос, хотя задача перед столь уважаемой организацией была поставлена без малого тридцать лет назад.

23 марта 1995 года вышел указ № 310 президента России Б.Н. Ельцина «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации». Этим Указом Российской академии наук предлагалось в 2-недельный срок представить в Государственно-правовое управление Президента Российской Федерации научное разъяснение понятия «фашизм» и связанных с ним понятий и терминов для подготовки предложений по внесению изменений и дополнений в действующее законодательство.

Как оказалось, ни в 1995 году, ни позднее в РАН не создавалась рабочая группа для исполнения этого указа, ничего не было сделано для разъяснения политикам и правоведам. Поэтому у понятия «фашизм» в России сегодня отсутствует официальное научное разъяснение. Именно поэтому в России в настоящее время даже Президент не в состоянии объявить о противодействии фашизму. Он объявляет о борьбе с нацизмом, о денацификации Украины. А так называемые футбольные фанаты, воюющие за деньги наёмники, в том числе иностранные, бандиты всех мастей, утратившие политическую ориентацию и просто психопаты, оказавшиеся в военизированных структурах нацистов? Они могут быть антикоммунистами, русофобами, расистами, патологическими садистами, ненавидеть существующий в России политический режим. Но это не значит, что они нацисты. Им не требуется денацификация, о которой провозгласил Президент России. И это не означает, что они должны уйти от ответственности за совершённые ими преступления. Фашизм, именно фашизм, должен быть искоренен в первую очередь. Иначе после очередной денацификации корни явления, из которого произрастают жестокость и ненависть к людям по социальным, национальным, расовым и прочим основаниям будут произрастать вновь и вновь.

Так что же такое фашизм? Что это за политическое явление, разъяснить суть которого не в состоянии Российская академия наук? Где не поможет наука, там спасает искусство. Обратимся к литературе.

Борис Натанович Стругацкий в одной из своих статей попробовал за незадачливых учёных сформулировать определение: «Фашизм — это очень просто! Фашизм есть диктатура националистов. Соответственно, фашист — это человек, исповедующий (и проповедующий) превосходство одной нации над другими и при этом активный поборник «железной руки», «дисциплины-порядка», «ежовых рукавиц» и прочих прелестей тоталитаризма. И всё. Больше ничего в основе фашизма нет. Диктатура плюс национализм. Тоталитарное правление одной нации. А всё остальное — тайная полиция, лагеря, костры из книг, война — прорастает из этого ядовитого зерна, как смерть из раковой клетки».

Однако это определение, согласитесь, не до конца объясняет сущности явления. Фашистский интернационал по определению, исходя из взаимной национальной неприязни нацистов разных стран и народов, не может быть образован на почве крайних форм национализма. Русские эмигранты после нападения на СССР обратились к гитлеровскому руководству с просьбой участвовать в борьбе против Советов. Немцы даже не стали их слушать. Зато через несколько лет, когда увязли в войне, стали формировать национальные армии и легионы из представителей многих народов Европы и СССР. Нацисты разных стран и народов могут быть только временными союзниками. Они могут взаимодействовать в том случае, если есть некая внешняя сила, управляющая нацистами враждебных друг другу по сути лагерей. Но не может быть расовая, религиозная или корпоративная (криминальная) идея объединяющей фашистов. Что же это за сила, объединяющая нацизм и расизм, религиозный экстремизм и терроризм, ненависть к людям и всему человечеству? Что это за сила, которая восстала против человечности?

Силу, которая объединяет фашистов, назвал Георгий Димитров на Лейпцигском процессе, когда его судили по ложному обвинению в поджоге рейхстага. Он дал одно из самых развернутых определений понятия, которое не могут узаконить в России:

«Фашизм — это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала. Фашизм — это не надклассовая власть и не власть мелкой буржуазии или люмпен-пролетариата над финансовым капиталом. Фашизм — это власть самого финансового капитала. Это организация террористической расправы с рабочим

классом и революционной частью крестьянства и интеллигенции. Фашизм во внешней политике – это шовинизм в самой грубейшей форме, культивирующий зоологическую ненависть против других народов».

Афористично высказал эту же мысль американский прозаик и журналист Эптон Синклер: «Фашизм — капитализм плюс убийство».

И эти оба определения – развернутое и краткое — объясняют многое. Нацизм гитлеровский или бандеровский всего лишь очищает дорогу глобальному финансовому капиталу. Прежде — в основном британскому, ныне — по большей части американскому. Ни для чего другого фашистские структуры, эти инструменты владычества над миром, опасные экстремизмом и непредсказуемостью, финансовому капиталу не нужны. Отработанные солдатики отправляются на свалку истории, попросту утилизируются. Потребуются фашистским структурам новые рекруты — отребье всегда найдется.

Возникает еще один вопрос — что может заставить человека впитать в себя фашистскую идеологию, встать на путь террора, шовинизма, национализма, реакции, бандитизма, быть защитником финансового капитала. На вопрос, на который, как говорилось выше, стесняется найти ответ наука в буржуазном государстве, опять-таки изящно отвечает литература и искусство. Процитируем Лиона Фейхтвангера, писателя, пострадавшего от нацизма и вынужденного покинуть свою родину — Германию. Он обратил внимание: «Фашизм в своей начальной стадии обречён на успех, потому что он возбуждает в человеке скотские чувства, а человек — это животное. Но в конечном итоге фашизм обречён на провал, потому что человек — животное разумное».

Именно низменные чувства, униженное и оскорбленное состояние человека, его неразвитость и неспособность зарабатывать на достойное существование, неадекватные потребности, огрехи в воспитании, наконец, отклонения психики — это не полный перечень того, что опускает человека в скотское состояние, что становится почвой, на которой пышным цветом взрастает фашизм во всех его формах и проявлениях.

Итак, нужно иметь юридически выверенное определение фашизма, требуется создавать правовую базу для борьбы с ним. Нацизм — всего лишь частный случай социального явления, именуемого «фашизм».

Ограничиться только денацификацией на Украине не получится.

В повестке дня создание Международной антибандеровской коалиции

На первоочередную повестку в международной политике выходит создание Международной антибандеровской коалиции. Её естественными членами помимо Белоруссии и России должны стать Польша, Словакия, Венгрия, Румыния, Молдова, Казахстан и Китай. Это те страны, к которым у Украины уже обозначились территориальные претензии. Как не покажется странным, но у украинского нацизма возможны неурегулированные вопросы к США, Канаде и Японии.

Заигрывание с Гитлером после его прихода к власти привело к аннексии чешских Судет, захвату Чехословакии, Австрии, Франции, Дании… Аппетит рос и достиг вселенского размаха. Покатилась волна захватов на север, запад, юг и восток. Германский нацизм вышел из-под контроля его кураторов, пришлось создавать антигитлеровскую коалицию, в которую вошли СССР и его политические антагонисты США и Великобритания.

Здравые силы, пытающиеся остановить фашизм и нацизм, есть сегодня во всём мире. Даже в США сторонники взвешенной внешней политики и противники нацистской Украины открыто заявляют о своей позиции. К примеру, в центре Нью-Йорка напротив известного туристам магазина Macy's прошла акция в поддержку России, ДНР и ЛНР. Собравшиеся держали в руках транспаранты с надписями «Остановите террор неонацистов на Украине», «Нет войне против России и Донбасса».

В начале апреля 2022 года крыло республиканской партии, поддерживающее экс-президента США Дональда Трампа, провело экстренное совещание, на котором выступило против предоставления помощи Украине.

Противников нацизма, пришедшего на Украину, в мире значительно больше, чем его сторонников. Это показывало ежегодное, на протяжении 18 лет, голосование в ООН за резолюцию, осуждающую героизацию нацизма. Более 130 государств осуждало нацизм. И таких государств может стать гораздо больше, если лидеры стран, воздержавшихся от осуждения нацизма, осознают перспективы, которые готовила им бандеровская Украина. Она в момент отделения от СССР мечтала о статусе ядерной державы. Представьте, что сегодня творилось бы в мире, если бы ядерное оружие было у украинских нацистов.

Территориальные претензии Украины обозначены широко и вполне конкретно. «Исконно украинскими землями» националисты считают такие земли, на которых когда-либо проживали и ныне проживают этнические украинцы и их потомки. Это земли, которые уроженцы Украины (в нынешних ее границах) открывали, осваивали, цивилизовали.

К примеру, во времена Гражданской войны 1918-1922 годов Центральная Рада потребовала от России Черноморскую и Ставропольскую губернии в полном составе, Кубань, Крым, Таганрогский округ, часть Воронежской и Курской губерний.

А незадолго до спецоперации России против нацизма на Украине заместитель председателя Украинской республиканской партии и бывший депутат Львовского горсовета Ростислав Новоженец объявил: «Мы потеряли Лемковщину, Надсянье, Холмщину, Подляшье, которое отошло к Польше, Берестейщину, Гомельщину, отошедшую Белоруссии, Стародубщину, Восточную Слобожанщину, Кубань, которая 28 мая 1918 года объединилась с Украиной, мы потеряли Приднестровье, Мараморощину, Южную Буковину, которая сегодня в Румынии».

Некоторые географические названия нуждаются в разъяснении. К историческому региону Слободская Украина, или Слобожанщина относили часть Белгородских земель, в Гетманщину (или Стародубщину) входили Брянские земли.

Таким образом, у Украины по этому краткому перечню есть территориальные претензии к Белоруссии, Польше, Словакии, Румынии, Молдавии, Приднестровью и России.

Украина в представлении Степана Рудницкого, картографа, репрессированного в 1937 году, — это территория, одним краем упирающаяся в Варшаву, а другим — доходящая почти до Назрани.

По словам Олега Тягнибока, «дело территориальных претензий Украины является вопросом времени». Однажды лидер «Свободы» заявил: «Конечно, сегодня будет смешно, если мы заявим какие-то территориальные претензии. Но мы помним, что там есть наши земли. Мы помним, что там живет масса наших людей — украинцев. Этнические украинские земли не ограничиваются границами современной Украины».

Если обозначить предел мечтаний националистов, то это выглядит действительно смешно. А может быть — грустно. Их притязания не ограничиваются Европой, распространяются на Азию вплоть до Тихого океана, захватывая территорию не только России, но и Казахстана, даже часть Китая.

Википедия сообщает о претензиях на современный Краснодарский край: «Малиновый Клин или Кубанщина (укр. Малиновий Клин, Кубанщина) — неофициальное название региона компактного проживания украинцев на Кубани. Первоначально клином украинцы называли земельный надел, а к концу XIX века так стали называть заселённые украинцами земли к востоку от основной территории Украины».

Массовое заселение украинцами земель на востоке, поясняет информре-

сурс, началось после Переяславской Рады. Украинцы вместе с русскими постепенно заселяют бассейн Дона, Кубань, массово переселяются за Волгу, оседают в Приуралье. Возникли Жёлтый Клин (Нижнее Поволжье от Астрахани и Оренбужье), Малиновый Клин (Кубань), Серый Клин (Северный Казахстан и Южная Сибирь), Зелёный Клин (юг Дальнего Востока, включающий земли от Байкала до Сахалина, Приморский и Хабаровский края, а также часть китайской Маньчжурии».

Украинские исследователи объявляют украинцами всех казаков и все когдалибо существовавшие казачьи войска, в том числе Запорожское, Донское, Кубанское, Волжское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Енисейское, Иркутское, Семиреченское, Сибирское, Забайкальское, Уссурийское.

Если следовать подобной логике приобретения Украиной своих исконных земель, то «казаки» добрались и до Америки, а потому часть территории Канады и США, где достаточно плотно проживают потомки выходцев с Украины, тоже могут быть объявлены сферой интересов украинских нацистов. Кстати, плотность украинцев, проживающих на некоторых территориях той же Канады значительно выше, чем на ряде земель в России, на которые претендуют украинские националисты. Канада уж точно должна быть благодарна России за усмирение украинского нацизма. Её политикам следовало бы задуматься о противодействии украинскому сепаратизму, а не накачивать оружием Украину.

Вопрос противодействия нацизму в мировом масштабе был поставлен столетие назад, когда в Германии на политическую арену вышла националистическая партия фашистского типа. За первые пятнадцать лет своего существования на фоне реваншистских идей она сумела прийти к власти, а еще через шесть лет развязала мировую войну. Сторонники фашизма — этого «бремени белого человека», как сказал Киплинг по поводу расистской политики Великобритании — находились в европейских странах-союзницах фашистской Германии, а также в завоёванных ею государствах. Французские, итальянские, испанские, датские, норвежские, чешские, польские, финские, многих других стран, к сожалению, также русские и украинские полки и дивизии воевали на стороне фашизма, воевали против стран антигитлеровской коалиции.

Украинский фашизм имеет гораздо более глубокие корни, чем гитлеровский. Оторванное от основной России еще при Данииле Галицком, двоюродном брате Александре Невского, население подверглось католической экспансии, находилось в сфере влияния поляков, венгров, литовцев, румын, австрийцев, германцев. Распад Австро-Венгерской империи привёл к созданию независимых Венгрии, Чехии, Словакии. Распад Российской империи привел к созданию Польши, республик Прибалтики. Открылся простор для свободного национального развития Украины. Советская власть даже переборщила в потакании националистическим притязаниям в Малороссии. И национализм, любовь к собственному народу, перерос в нацизм. Грань-то для некоторых незримая.

Сегодня только одна страна — Россия сражается против стран, объединенных идеей поддержки нацистской бандеровской Украины, объединенных идеей фашизма. Россию поддерживают Китай, ЮАР, Индия, Пакистан, Бразилия, Мексика. Они отказались считать её агрессором и участвовать в санкционном давлении на нашу страну. Есть уверенность, что этот список расширится по мере того, как в Европейском Союзе начнут осознавать, какой монстр вырос на его границах.

Необходимость борьбы с фашизмом обязаны осознать люди всей Земли. Тем более, что фашизм уже обосновался во многих странах планеты, в так называемых цивилизованных странах.

Нужно помнить, что «Фашизм — капитализм плюс убийство».

Лидеры «золотого миллиарда» не скрывают, что готовится убийство больше половины населения планеты.

Милан ТЕШИЧ
г. Белград, Сербия — г. Санкт-Петербург, РФ

Писатель, поэт и переводчик. Член Союзов писателей России и Сербии.

Академик Петровской Академии наук и искусств. Профессор. Д-р. Независимый эксперт.

СИЛА СЛОВА — СИЛА ЯЗЫКА

В многовековой истории существования человечества — его племён, родов, государств — переплетаются истинная история и мифы об исчезновении целых народов без серьёзных объяснений причин этому. Недостаточно уделяется внимания тому, что потеряны языки, культуры, истории ушедших в небытие народов.

Нам навязывают теории разнообразных ложных философов, недоученых учёных и гипотезы, представленные ими по заказу их хозяев — управляющих Миром через тёмные западные силы, которые определяли историю развития цивилизаций и всё, что было им необходимо, для долгого процесса уничтожения славянства.

Мир всегда находился в противостоянии разных цивилизаций. Во всём существуют тёмные и светлые полосы. Каким-то образом в запретной для нас истории на светлой стороне были славянские народы, которые всегда жили в согласии с природой. Получали от природы всё необходимое и сколько надо. Славяне не стремились уничтожать природу с целью быстрой прибыли и неразумного её использования, потому что, уничтожая природу, — истребили бы самих себя как составную её часть. Тёмная полоса — агрессивно настроенная часть мира — старается довести однополярную систему до быстрого неразумного развития и исчерпания природных ресурсов, до воплощения неравенства и уничтожения природы, т.е. самих себя как части этой системы. Основная дилемма — кто из сильных Мира сего поставил такие задачи перед человеческой цивилизацией и когда случится падение в пропасть обеих или одной стороны.

Нашу историю они писали по-своему. Переписывали и придумывали всё, что им было надо для реализации их подлых намерений, о которых мы не подозревали; присваивали нашу культуру, духовность и др., и уничтожали ненужное им. Поэтому у славянских православных народов самое неожиданное прошлое.

Основными задачами, которые ставят сильные Мира сего своим наёмникам для уничтожения народа, являются:

— уничтожение языка, которое может привести к потере главной отличительной черты человека от животного — членораздельной речи, говора,

— уничтожение культуры,

— физическое уменьшение численности населения.

И как результат этих действий — УНИЧТОЖЕНИЕ НАРОДА.

Смерть народа обычно не наступает только вследствие физического истребления, хоть и такое известно. Она приходит как следствие гибели культуры, потери воли и желания определенной группы людей продолжать считать себя частью какого-либо народа, словом, — быть тем, чем они были до этого. В этом сила языка — слова — сохранять волю к самовоспроизводству, сопротивляться исчезновению чувства ценности собственной идентичности.

Уничтожить язык — уничтожить народ. С изменением языка — изменяется и народ, поскольку изменяется его понятийный аппарат, его самосознание и идентичность. СМЕРТЬ ЯЗЫКА — СМЕРТЬ НАРОДА.

Наконец, мы стали понимать коварные намерения подлых друзей, использующих все способы для достижения цели.
Язык — величайшая и неразгаданная тайна и, судя по всему, не имеющая полной своей разгадки. Если язык и «обогащается», то главным образом техническими терминами, всяким словесным мусором, вульгаризмами, заимствованиями иностранных слов. Наблюдается тенденция не к обогащению языка, а к неоправданному его упрощению, обеднению. Для подтверждения этого достаточно послушать, как говорят сегодня политические деятели, парламентарии, дикторы радио и телевидения, актёры. Наши красивые славянские языки терпят бедствие от ненормативной лексики, которую используют в своей речи все слои населения, даже представители прогрессивной интеллигенции.

Сила языка направляется не в ту сторону.

Учитывая все написанное, можно коротко рассмотреть, что сейчас тёмные силы использует для уничтожения славянского мира. Это началось в Югославии как подготовка — сопровождение социального эксперимента для уничтожения государства с использованием языка для разделения страны. Долгое время в Мире развивался экстремизм и терроризм. Напомним, что экстремизм является идеологией — стратегией терроризма, и его поддерживает Англия. Содействуя терроризму, США используют непосредственных исполнителей Германию, Францию и остальных членов НАТО, потому что США стараются все делать чужими руками. О том, что за войной в бывшей Югославии стоят США и ведущие западноевропейские страны, сказано уже много. После этой войны и образовались Хорватия и Босния и Герцеговина. А Черногория оторвана от Сербии усилиями проамериканского ставленника президента Мило Джукановича, который в 2006 году провел референдум о независимости Черногории.

До реформы сербского языка в середине XIX века Вуком Караджичем, который реформировал сербский язык и заложил основу его нынешнего правописания, был сербский язык. Что Караджич имел в виду, когда предложил сербский язык называть сербохорватским? До того хорватского языка не существовало как такового. Между тем, Хорватия, Черногория и в целом вся западная часть того, что потом стало Югославией, на протяжении веков были ареной прямого столкновения Православной церкви и Ватикана.

Святой престол не преминул воспользоваться «экспертным заключением» Караджича: всю вторую половину XIX века и до наших дней Ватикан работал над обособлением Хорватии от православной Сербии. В результате, сербы и хорваты — один народ, говорящий на одном языке, — много раз, особенно в XX веке, оказывались вовлеченными в кровавые схватки между собой. Сербский язык во всем мире (следуя Вуку Караджичу) назывался сербохорватским вплоть до последних дней бывшей Югославии. После отделения Хорватии от Югославии в 1991 году мир узнал о появлении нового — «хорватского языка».

То же самое — в Боснии. Боснийцы являются этническими сербами, обращенными в мусульманство еще во времена Османской империи. Они проживают на территории исторического югославского региона Босния и Герцеговина. Теперь боснийцы требуют, чтобы язык, на котором говорят народы Боснии и Герцеговины, назывался боснийским.

Сегодня сербы — разделенный народ. Сербам очевидно, что США и другие страны Запада проводят целенаправленную политику уничтожения сербской идентичности посредством сужения территории, на которой официально говорят на сербском языке. Политическими решениями сначала придуманы новые нации, затем нациям добавлены новые — искусственно сформированные национальные языки, а при этом Сербия в своем языке ничего не меняет, только уменьшается численность сербского народа.

А процесс расчленения Сербии ещё не закончен. В Сербии, кроме края Косово,

который провозгласил независимость, есть ещё несколько районов, которыми ЕС и НАТО могут шантажировать Сербию, если её власти намерены добиваться членства в этих организациях. Это — юг Сербии, где живет много албанцев; область Рашка, где много мусульман; и северная область Сербии Воеводина, где живут люди разных национальностей, и где около 13 % населения — венгры. Во всех этих районах могут быть поддержаны сепаратистские тенденции, которые и так уже существуют. Запад над этим вопросом давно работает.

К чему привели длившиеся весь век эксперименты с изобретением и искусственным взращиванием «украинского языка», мы видим сегодня. Создана «независимая» Украина, существование которой понятно и оправдано Западом только в виде врага и противовеса России. Те же самые процессы были запущены в свое время на Украине, где еще в начале XX века никто и не говорил об «украинском языке». Все знали, что есть малороссийское наречие русского языка. Ещё сатирик М. Н. Задорнов говорил об английском языке. Может, назвать языки соответствующих стран «американским», «австралийским»? Ведь «украинский», «боснийский», «черногорский» языки почему-то существуют.

А мы считали его сатириком-юмористом и смеялись над его «шутками», пока американцы запретили ему въезд в страну. Слова Задорнова оценили как опасные для США.

Караваны идут, мы считаем верблюдов, но не успеваем отличить врагов от друзей.

Юрий КОВАЛЬЧУК
(1983-2021)

Журналист. Участник ополчения города Краматорска. Военный корреспондент.

Родился и проживал в городе Новая Каховка Херсонской области. В связи с событиями 2014 года одним из первых приехал на Донбасс и вступил в ополчение ДНР.

В 2017 году попал в плен и был осуждён на 5 лет за участие в боевых действиях на стороне ополчения. После обмена из украинского плена проживал в Краснодонском районе.

Автор сборника рассказов о событиях на Донбассе в 2014 году. Художественные произведения печатались в сборниках «Время Донбасса», «Донбасс-Петербург», журналах «Александръ», «Северо-Муйские огни», альманахе «Территория слова», международном альманахе «Глаголъ». Публицистические статьи вошли в сборник «Россия и Сербия на поворотах истории» (Москва, 2019), «Записки Балканиста» (2019-2021).

Лауреат литературной премии Партии «Справедливая Россия» в номинации «Молодая проза России» (2019), победитель (посмертно) литературной премии Партии «Справедливая Россия» в номинации «Молодая публицистика России» (2022).

КРАСНАЯ ПЫЛЬ

В общем, чего там говорить, все мы очень устали. Вражеская арта била почти безостановочно. Мы с Танцором ездили на многоэтажку «Звезда», что возле мечети, — взломали дверь на чердак и выбрались на крышу. Я использовал мощный бинокль, чтобы осмотреть территорию Донецкого аэропорта. Впечатление было шокирующее. В панораме всё это сильно напоминало Великую Отечественную. Падало, нет, сыпалось, повсюду… Даже странно было, что мы ещё час назад находились там и через час снова вернёмся в это пекло.

Обстрелы были безостановочными — *укропы* стреляли всем, что только находили на складах. Однажды, когда мы стояли на позициях у Свято-Иверского монастыря, попали под фосфор — одному парню тогда сожгло руку. Мы не были знакомы. Вообще фосфор запрещён всеми конвенциями, но разве это когда-то кого-то останавливало? Глубокая озабоченность, твою мать.

Огненные сопли тянулись с неба и сжигали всё — запросто могли прожечь бронежилет; бойцы сгорали на глазах у обезумевших от зрелища соратников. К счастью, такое случалось нечасто.

Зато обстрелов ракетами «Град» или гаубицами хватало с головой — где-то там я оставил Вагида — очередной залп РСЗО унёс жизнь дагестанца. Смешно: незадолго до смерти он ездил домой и, чтобы он снова не пошёл воевать, мать украла у него паспорт, а отец договорился, чтобы его задержала полиция. Не удержали — поехал. Только ненадолго.

Назад мы мчались на раздолбанной «Ниве» — недавно нам парочку прислал Жириновский. Владимир Вольфович откликнулся на просьбу — нам не на чем было забирать двухсотых, а брать машины из гаражей аэропорта Гиви запретил. Впрочем, если бы мы всегда слушались командиров, нас бы, наверное, уже не было в живых.

Выскочили на улицу Стратонавтов — почему бы тут не снимать фильмы про постапокалиптическую реальность? Теперь здесь осталось всего несколько жителей, которые, несмотря на ковровые бомбёжки, продолжают бросать вызов действительности. Попадаются и мародёры — они недолго живут. Мы в них стреляем.

Едем, не думая о том, что в какой-то момент может и по нам прилететь. Весело скачем по *обгрызанному* асфальту, да уж лучше бы он был грунтовой дорогой. Нам сегодня дальше, чем обычно. Сегодня мы не на монастырь и не в Весёлое. Сегодня мы в терминал. Танцор гонит так, что я на всякий случай молюсь, закрыв глаза. Его не осуждаю — с диспетчерской башни работают поляки со своими грёбаными «Барретами».

Кое-как проскочили. Пару выстрелов было, но мне кажется, что не по нам. В любом случае, благополучно. Я почти выпал из машины — за рулём был Танцор, а он презирает условности и вообще ницшеанец. Он даже не останавливался – просто сбросил скорость, и мы с Уругваем выкатились на грязный асфальт; я едва успел выдернуть с сиденья свой сорокалитровый рюкзак, и машина рванула.

Мы не стали искушать поляков или ещё какую нечисть и побежали с Уругваем в терминал. Я, конечно, недорого стою, а вот Уругвай классный боец. Он из Николаева, и до войны мы были косвенно знакомы. Его судили за покушение на местного мэра, конечно, по надуманным обстоятельствам, но потом обменяли, и он принял участие в работе отдела военных корреспондентов МО ДНР. В итоге служит, по сей день, насколько я знаю.

Тогда он меня познакомил с таким явлением как «красная пыль»: к нам поидиотски заехала укропская БМП-2 с пехотой на броне, и бойцы дали по ним очередь из пулемета «Утёс». Броне это не повредило. А вот те, кто ехал на ней, превратились в красную пыль.

Нас встретил Ярёма — тот ещё раздолбай. Но кого только не тянет на эту бойню! В особенности, если у тебя хохляцкие артиллеристы порешили всю семью за раз. Он хорошо умеет ставить мины, и вообще неплохой парень, только много употребляет. Я боюсь воевать рядом с такими. Даже в худшие времена я предпочитаю воевать на трезвую голову. Это плохо. Для меня война наркотик. Я уже никогда не спрыгну.

Скажу вам спойлер — я выжил, потом просился в Сирию, но меня не взяли. В итоге я выжил. А, ну это ж я пишу!

Мы с Уругваем отгрузили ребятам всё, что можно было подарить до зубов вооружённым людям — таблетки аспирина и парацетамола, «вогов» (гранат для подствольника) и пачки патронов 7,62. Презираю тех, кто в городе стоит на охране зданий, держа в руках калаш на 7,62. Этого калибра смертельно не хватает на фронте, он может пробить броню БТР — так я слышал. В любом случае, нужнее они на передовой, чем в городе.

На этот раз у нас особая миссия. Мы ждём «танчик». У нас тоже был один, но недавно его сожгли превосходящие силы укропов. Он у меня даже на фото есть — мы так и не смогли подойти, чтобы достать тела танкистов и похоронить их — там всё жутко простреливается. Кенотаф для неизвестных героев. Мы ведь даже не знаем, как их звали.

На самом деле у нас для «танчика» немного барахла — моё ПТРД (в принципе, штуковина бессмысленная, если речь идёт о Т-72 или о чём-то помладше), пару РПГ-7, дюжина шмелей (абсолютно бесполезных на таком расстоянии) и «Утёс». Короче, мы можем оказать сопротивление, но не являемся фактором риска.

Вообще, танк для нас это ад. В отличие от арты или РСЗО, которые сыплются с неба на наши грешные головы, но не достают через плиты перекрытия, танк бьёт прямой наводкой прямо в окошечко. Ты только стрельнул — и вот тебе прилетает подарок, от которого ты почти что труп. Или сразу труп. Кому как повезёт. Уругвай вечно таскает с собой осколок, который должен был прошить ему пах, но застрял в его кожаной портупее. А он был в соседней комнате, когда жахнул *укропский* «танчик».

Этот нам очень насолил, и мы давно его ждём. К сожалению, нельзя поставить мины — это же чёртова взлётная полоса и вообще это всё асфальт! У нас, правда, была одна противотанковая граната времён Великой Отечественной — с парашютиком, но я сомневаюсь, что она помогла бы против современных танков. Впрочем, мы так и не попробовали. Героев, желающих приблизиться на достаточное расстояние, чтобы метнуть раритет, так и не нашлось.

На этот раз у нас был козырь — Мотор, а мы в тот момент находились с людьми Мотороллы, который обещал прислать нам ПТУР. Будет реальный шанс взорвать эту чёртову коробку. Понятно, что появятся новые, но нам, по крайней мере, хотелось отплатить за наших братьев в том танке, что сгорел у нас на глазах, на задворках терминала.

Говорят, терминал брали добровольцы из Чечни. Я такого не видел, но верю товарищам. Вроде как, они вырезали *весь укроп*, хотя и с потерями. Надо сказать, что тут полно добровольцев и более экзотичных — у меня есть побратимы из Сербии, Литвы, Голландии, Ирландии… Представляете, ирландца мы называем Лепрекон. Он низок ростом и коренаст, но он реален — кажется, его зовут Майкл. Простите, я отвлёкся.

Кто бы ни брал терминал, но до сих пор достаточно в окно закричать «Аллах Акбар», чтобы эти упыри попрятались на пару минут. Вероятно, тогда им добровольцы из Ичкерии всё-таки доставили проблем. Пока мы, как дурные, орём в окна про Аллаха, наши ребята быстро перемещаются с целью занять выгодную позицию.

Мы ждём танчик. ПТУР прибыл, и его оператор суетливо колдует над приземистой установкой.

Технику чуешь издали. Она рвёт асфальт траками, а едет так громко, что если ты хоть раз в жизни слышал, то потом услышишь даже за десятки километров.

Я знал, что что-то не в порядке. Я чувствовал. Я видел. Но теперь уже поздно. На нас выехало аж три танка, и мы, замявшись на долю секунды, рассмеялись одновременно. Это пустой смех, на самом деле. Но это большое облегчение. Релакс человека, который больше ни за что не отвечает. Который больше никого не обидит. Который сейчас умрёт.

Если вы никогда не умирали, вам этого не понять. Такое чувство бывает лишь тогда, когда ты уже за пределами жалости и ответственности. Не знаю — не хочется об этом много говорить. Стоит попробовать.

Мы все понимали, что три танка мы не вывезем. Один бы с радостью, но три… — наш ПТУРщик продолжал делать вид, что он готов стрелять, но мы все понимали, что мы смертники. Уругвай поступил честно и стал в обнимку прощаться с ребятами. Я хотел так же, но моё ружьё было на взводе.

В какой-то момент все три башни поглядели на нас своими смешными хоботами, и я подумал: конец. Сейчас первый выстрел — и пыль, гарь… А потом второй — и в Вальхаллу.

Рядом Чужой готовил термобар. Уругвай обнимался со Стрелком. Ярёма, кажется, ушёл в задние комнаты.

И вот наступило то, чего мы так долго ждали. Смертушка. Мы её ждали столько раз в Краматорске, Миусинске… Так вот же… Наконец! Хлопоты закончились.

И в этот момент танки повернули свои башни. Я не шучу — мы уже были готовы помереть, потому что нам всадят аж три танка, но они повернулись от нас.

А знаете, что потом было? Они принялись расстреливать Пески. О, Боги! Там всё горело и взрывалось. Они так хорошо всё делали, что ни у кого из нас не поднялась рука в них пальнуть. Да мы с них пылинки готовы были сдувать — ведь в Песках базировались ВСУ!

Они отстреляли весь боезапас. Там, в Песках, всё горело и взрывалось. Мы стояли в растерянности, глядя на удаляющиеся танки.

На следующий день я уехал в Донецк — пора было скинуть видео на сервер.

В последствии мы всё узнали: это не Х-лучи воздействовали на украинских танкистов; это не осознание гражданской войны развернуло их стволы; это была не совесть… Накануне регулярную часть ВСУ, базирующуюся в Песках, цинично и осознанно покинуло 82 пехотинца в виду явной боязни встречи с мадам с косой. 82 — это так много, что дошло до руководства в Киеве. Там решили по-своему. И от Киева к ним в гости приехал «Правый Сектор», который стрелял на убой, чтобы наказать за дезертирство.

Могу только сказать, что мы стоя аплодировали. Боже, неужели нельзя так сделать, чтобы они самоустранились? Чтобы над гарью вражеских окопов пронзительный ноябрьский ветер гонял сквозь ветлы красную пыль…

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ ДИВАН

Мало кто понимает степь. Конники, наследники половцев и татар, истолкли её в пыль. Великая Отечественная перемолола её. Начинила мёртвыми людьми и разорванным железом. С тех пор многие стреляли друг в друга, хороня друзей и врагов в этой извечной пыли. Так есть, и так будет.

Ямал поднялся с травяной подстилки. Протянувшись, поймал пальцами несколько ветвей хвороста и бросил в огонь. Мало бросил, зато огонь ярко взобрался над поляной на самые верхние ветви. Тут же приземился, пожирая пищу, а потом снова прыгнул вверх, хотя и не так высоко.

Поправляясь, Ямал уже более ловко схватил крепкое смолистое полено и сунул его в жар. Потянулся к баклаге с коньячным спиртом. Воха инстинктивно отдёрнул руку вместе с флягой, но тут же вернул её Ямалу. Погодил, пока тот дважды выпил. Передал Джипу. Затем выпил сам. Вместе помолчали, глотая колючий спиртовой дух и закуривая его скверными сигаретами. Вместе пожалели, что на этом веселье закончилось.

Схватился, встает Ямал! Едва передвигая пудовыми, ватными ногами спросонья, спьяну, берётся за удило и тянет из реки. Матерится, теряя в темноту искры сигареты. Пружинится телом, подтаскивая к берегу ношу, мотает блесну…

Воха несколько раз тяжело стукнул выброшенную на сушу рыбу по голове. Она как будто ухнула, дёрнулась в агонии и затихла. Подобрали улов и бросили его в котелок. Ямал довольно сматывал снасти. Сегодня он разнообразил нехитрый ужин ухой — в котелке не только пойманная им только что в ладонь длиной щучка, но и несколько пахнущих тиной линей и один окунь.

Уха поспела. Лишних тряпок не было, поэтому Ямал снял котелок с огня, схватившись за ушки посудины рукавами кителя. Ухая и дуя на пальцы, оттащил в сторону, в темноту, остывать. Там, наконец, ударил котелком о землю так, что чуть не выплеснул жирное варево и начал приплясывать на фоне звёзд, выделывая коленца и дуя на обожжённые пальцы.

Какое-то время молча плевали в огонь. Потом, соскучившись, Воха встал и пошёл ковырять палкой костёр. Раздвинул превратившиеся в угли седые и едва целые ветви, затем вывернул наружу сырой жар и начал хватать голыми руками печёную картоху.

Ругался матерно и охал, выхватывая из полымя печёные клубни. Потом собрал

назад костёр. Хворостиной, как коз, согнал в кучу картофелины и зазвал остальных. Взял седоватый от золы клубень и, не глядя на прилипшие деревяшки, травинки и даже муравья, вонзил зубы в жёлто-белый горячий ароматный ад.

Ямал притащил остывшую уху. Вытащил ложку и с наслаждением набил полный рот.

— Вкусно!

Рядом, глодая горячее, отфыркиваются товарищи.

— Ещё бы соли!

— Хватит тебе!

— Хлебу передай…

Трапеза, как скорая расправа, пронеслась. Жадно рты поглотили нехитрые блага. Где-то в реке полоснула хвостом крупная рыбина. Сонно вскрикнула в зарослях горлица «чекушка, чекушка…» и снова заснула. Взвыла протяжно выпь….

Развалясь, опёршись на мозолистые локти, лежали они в степи, жадно впитывая взором засыпающие лоскуты огня. Тихо и страшно в степи одному. И дело тут даже не в лихом человеке… Мало кто тут живёт, в этом краю, ни разу не понятом нашей нелепой цивилизацией.

Солдаты никого не боятся — ни Богов, ни чертей. Под руками у них автоматы, на груди обоймы с патронами. Есть подствольники и гранаты. Есть ножи в голенищах и «ПМ» в кожаных портупеях. Есть лихая удача и готовность помереть. Есть много палой листвы врага позади. Много у них всего.

И всё равно каждому в этой первобытной степи нехорошо, неловко ночью одному. Так и хочется шмальнуть в темноту, просто чтобы развеять морок.

Зрит на них тысячью зелёных глаз степная, безмерная ночь. Трещат какие-то полевые твари. Веет ночной ветер. Да так, что ноздри полнит запах сонных, жухлых, полных, назревших летом трав — даже хочется просто улечься и навек глаза закрыть, — так они дурманят. Медленно, тонко слыша всякие звуки, шелесты насекомых и посвист травы, отъезжали в безмолвное.

Огонь, прибитый юго-западным ветром, стелился, будто бы тёк по земле. Стало скучно и зябко от выползающей из реки сырости. Ямал поёжился.

— Джип, сходи к реке. Принеси дровишек.

Едва различимые в темноте контуры Джипа вздыбились.

— А чего я? Там темно. Не хочу я.

Воха бросил в Джипа недоеденной картошиной.

— Иди давай! Волк тряпошный!

Ямал засмеялся. Джип неохотно начал подыматься. Протянул жалобно.

— Да я там ничего не увижу...

Но свирепый Воха метнул в товарища пустой консервной банкой, и тот уныло стал надевать берцы, которые он снял, чтобы дать отдых усталым ногам и проветрить заколдобившиеся носки.

— Он, видать, чёрного ополченца боится. Потому идти не хочет…

Улыбающееся лицо Ямала полыхнуло в огоньке спички, которой он прикуривал сигарету. Джип, заинтересовавшись, бросил развязывать тугие сочленения узлов на шнурках.

— Это что ещё за хрень?

— Да расскажи, Ямал!

Воха тоже сел. Потянулся, хрустнув суставами. Ямал согласился на том условии, что Джип принесёт дров для костра. Тот бросил бесплодную борьбу с узлами и, цепляясь расшнурованными ботинками за густую траву, скрылся в сырой темноте. Долго где-то там, в её утробе, он бродил и ругался, запнувшись о камень. Наконец, вернулся с охапкой толстых веток тополя. Бросил их рядом с кострищем. Несколько сунул в угли. Весёлые огоньки тут же принялись прыгать по древесной коре и тонким веточкам. Стало светлее, уютнее.

— Вот! На пару часов хватит! Рассказывай теперь.

Довольный Джип устроился поближе к огню. Рядом сел Воха. Ямал некоторое время хранил молчание, а затем, с места в карьер, принялся рассказывать.

Мы тогда стояли в N. Была поздняя осень, холодная и ясная. Весь 2014 год был очень холодным — замерзали летом в окопах, мёрзли и осенью в этом несчастном селе. Населённый пункт разнесли вдребезги — целых домов практически не осталось. Жители все ушли. Осталось только несколько совсем древних стариков, которым было не страшно и помереть. Мы же ютились по немногим уцелевшим постройкам. Ни электричества, ни связи у нас толком не было. Жили, как на необитаемом острове; дичали понемногу. Только мы и враг. Украинцы стояли в одной половине села, а мы в другой. Между нами всего с полкилометра расстояния. Время от времени то они, то мы предпринимали попытки наступления, но ничего не получалось. Все позиции уже пристреляны, все окопались, как могли. Не хватало ни им, ни нам сил, чтобы сдвинуть линию фронта. Так и сидели в ожидании неизвестно чего.

Рядом с N, в глубоком тылу, расположились блокпостом казачки. Они откололись от своих в Красном Луче, когда там совсем уж публика зарвалась и начала местных податями облагать. Стало понятно, что просто так им все эти их чудеса не простят, а потому те, у кого в голове масло ещё оставалось, быстро разбежались в стороны. Мы на них внимания не обращали — ни пользы от них, ни вреда. Стоят себе на дороге, окопы вырыли. Ну и пусть себе стоят.

Да вот беда: стали они понемногу вредить. Началось с того, что попытались нашего хряка Порошенку (это бойцы его так прозвали) увести. Мы этого хряка пуще зеницы ока берегли. На тушёнке с макаронами, сами знаете, жить можно и притом весьма успешно. Это ещё Кэп рассказывал, что когда к нему в бригаду заехали проверяющие и начали права качать, мол, больше одной банки тушёнки на бойца в сутки не давать, то он им устроил посещение передовой. Подшаманил, чтобы они там остались на сутки. И сухпайка им выдали в аккурат по банке на лицо. В итоге, в штаб их когда вернули, он им уточняющий вопрос задал: «Сколько бойцу на передовой нужно в день тушёнки?» А те давай руками махать: «Три, — говорят. — Никак не меньше».

В общем, тушёнка и крупы, это всё, безусловно, весьма хорошо, но сильно такое питание надоедает и очень хочется обычного жареного мяса. Вот и берегли мы этого хряка. Хозяева его сбежали куда-то — им в дом нормально так прилетело. Мы его и подобрали. Кормили, лелеяли, надеялись его на какой-нибудь праздник пустить в расход.

Ну и вот однажды казачки, а они у нас время от времени в гостях бывали, както по синей лавочке попытались Порошенку сманить. Отвязал его один умник и потащил в джихадомобиль. А хряк, скотина, свободу почуял, ну и, опять же, взыграла в нём кровь укропская, повалил этого дурака пьяного и погнал к своим родственникам — в смысле, к украинцам на позиции.

У нас в секрете сидел тогда за «утёсом» Вовка-Одессит. Сидит он, значится, кемарит, и тут мимо него в направлении врага пулей пролетает Порошенка. Бежит — только пыль столбом. Вовка, разумеется, понял, что это провокация и что мы вот-вот останемся без ценного ресурса. Самому шашлыка давно хотелось, ну и начал он Порошенку домой заворачивать предупредительными очередями. Пулемётчик он классный — ровно перед свинюкой насыпал. Но животное вместо того, чтобы покаяться и вернуться к нам, запаниковало и стало бегать кругами.

От всего этого шума Лёха проснулся и спросонья начал по нейтральной зоне набрасывать из АГС. Начали рядом с предательской свиньей, пытающейся прорваться к братьям по крови, гранаты ложиться. Порошенка от страху совсем обезумел, начал в воздухе кувыркаться и вообще такие антраша выделывать, что и в Большом театре не увидишь.

В это время от стрельбы проснулись укропы. Решили, что мы на них в атаку пошли и, в свою очередь, открыли огонь. Понемногу начался реальный замес. Наши парни подтянулись на коробочках, артель заработала с обеих сторон, и началась са-

мая настоящая войнушка. К чести нашей сказать, мы тогда на несколько сотен метров отогнали противника. Хорошо поработали. Порошенка успешно эвакуировался ближе к нашим позициям, и мы его подобрали. А на следующий день, чтобы он опять в перебежчика не играл, мы его распустили на шашлыки и суп. Так что, все остались довольны.

Воха и Джип, щерившиеся сквозь колючие бороды жёлтыми от никотина и крепкого чая зубами, вголос захохотали. Ямал довольно осклабился, подкурил от головни и продолжил рассказ.

В общем, начали казачки понемногу *исполнять*. Им же там скучно было, на их блокпосте. Гражданских в районе уже практически не осталось, так что свою власть показать или обилетить кого уже шансов практически не выпадало. ДРГ в те степи практически не заходили — делать там было нечего, да и наша разведка работала замечательно. Короче, затосковали они по боевым действиям и начали крепко усугублять.

Стали происходить такие случаи, что они, как напьются крепко, прыгнут в свои колымаги и к нам на позиции рвутся. Приедут, постреляют, угомонятся немного и домой к себе едут. Герои, чтоб им неладно! А наши бойцы потом ещё до утра ловят «ответку» и поминают их незлым тихим словом. Понятно, что наших такое положение вещей не устраивало. Пытались мы с ними поговорить, но оно же понятно, что трезвый — пьяному не товарищ. Пока они при памяти, обещают больше так не делать. А как «накидаются» — опять к нам едут.

Как-то нашего командира это всё вывело из равновесия — после очередной «ответки» у нас было три 300-х. В итоге он дал приказ: если снова появятся эти дуралеи, оружие у них отобрать, а самих без членовредительства закрыть в погребе до утра, пока не проспятся. Через несколько дней, когда гости снова к нам пожаловали, мы так и сделали.

Отобрали мы у них оружие, немного намяли бока с педагогическими целями, а потом закрыли в тёмном погребе, чтобы казачки там в холоде протрезвились. Они особо-то и не брыкались, но один, видать, что-то успел по рации сболтнуть своему командиру. И через несколько часов тот к нам прилетел собственной персоной.

Вот не приехал бы он, решилось бы всё по-хорошему. Промёрзли бы касатики до утра, потом бы мы их супом да чаем угостили, вернули бы оружие и отправили восвояси, похмеляться. Но этот пьяный идиот в невозможной папахе и с иконостасом каких-то медалек на груди, прямо из машины выскочил с матом и гиканьем, размахивая ручным пулемётом. Кричал, что всех положит, если мы ему братьев не вернём немедленно. Что-то казаку совсем дурное белочка на ухо нашептала.

А палец на курке так и пляшет! Мы его уговаривали успокоиться; упрашивали просто. Но он только орал и орал… А потом то ли оступился, то ли совсем ополоумел, но дал вдруг очередь и попал одному нашему товарищу прямо в пах. Оставил человека инвалидом до конца его дней.

Дал он очередь и застыл. Стоит, шатается, только зенки свои залитые таращит. Я к нему подскочил и ну его прикладом в висок. Он и опал, как озимые. Мы его спеленали, оттащили в сторонку и стали своих отгонять, чтобы не порешили на месте. Раненого в госпиталь повезли – слава Богу, уберегли парня, хотя детей он иметь больше не мог.

А сволочь эта быстро пришла в себя. Лежит, глазами вращает и молчит. Видно по нему: помнит он всё, что сделал. И в голове у него в этот момент проносится вся его жизнь и прокручиваются тысячи вариантов, как же ему, болезному, из всего этого маргарина живым уйти. Лежал он, лежал, а потом как завопит: «Отдавайте меня под суд! В город меня везите!». Несмотря на то, что на душе кошки скребли, многие даже засмеялись. Я ему, чтобы не шумел, тряпку какую-то в рот воткнул.

Стали мы думать, что же с ним, дьяволом, делать. В основном мнения, ко-

нечно, сходились на том, что следует его пустить в расход. Были и такие, кто предлагал всё-таки судить его по закону, отправить в город. Но на самом деле этот вариант не сильно бойцов устраивал — слишком плохо тогда наши суды работали; вполне мог, стервец, уйти от ответственности. Казачков мы из подвала выпустили. Когда рассказали, что произошло, они вмиг присмирели. Стоят, мнутся, никто и слова не сказал, а по всему было видно – жалко им своего старшего.

В общем, решение этого щекотливого вопроса нашёл наш командир. Притом такое решение, что понравилось всем без исключения. Надумал командир дать обормоту шанс. Не то, чтобы слишком большой, но, по крайней мере, реальный. Снарядили мы ему рюкзак полный взрывчатки и поставили такое условие: если донесёт «подарок» до вражеских позиций, может идти на все четыре стороны. Территория там, конечно, открытая и полностью простреливается, но небольшой шанс на успех всё-таки имеется. Понятно, наши снайпера всю дорогу будут контролировать, чтобы дурные мысли ему в голову не лезли и пробирался он в правильную сторону.

Дядька, конечно, со слезами на глазах умолял нас дать ему менее самоубийственное задание, а лучше отвезти его в ближайший город и отдать под суд, но общественность такой квест восприняла с энтузиазмом, и возможности отвертеться у него уже не было.

Что сказать, там и сам чёрт вряд ли смог выйти сухим из воды.

Пробежал он, конечно, недолго. Хоть и пытался ползти, а потом бежал, петляя.

Толку от этого было мало, и уже через сотню метров вражеский снайпер его снял. Попал сначала в грудь, а потом, на всякий случай, в рюкзак со взрывчаткой. Здоровенная, скажу я вам, воронка осталась. А нам на позиции его голова прилетела. Мы его голову похоронили по-христиански. А начальству доложили: «так, мол, и так — героически погиб в бою с превосходящими силами противника».

И вот какая штука: через несколько дней начал на нейтралке появляться силуэт человека, ну один в один наш знакомый, только, разумеется, без головы. И мы его видели, и укропы по нему сколько раз стреляли — да что ему сделается? Позже нам батюшка заезжий объяснил, что поскольку тело его было неупокоено, теперь оно ищет свою голову. И не уйдёт он в мир иной до тех пор, пока не найдёт её.

Позже мы укропов от N отогнали, а призрак этот стал появляться всё дальше и дальше от тех мест. Говорят, что находит он павших бойцов и пытается примерять их головы, а если поймает кого ночью в безлюдном месте, то может и у живого человека башку оторвать…

Ямал со значением поглядел на товарищей, но Джип уже спал. Воха задумчиво курил, уткнувшись огоньком сигареты в белеющее предрассветное небо.

Выпь в последний раз заныла в камышах и улетела куда-то. Начинало всходить солнце.

27.09.2018

Фёдор БЕРЕЗИН
г. Донецк, ДНР

Писатель-фантаст. Лауреат множества литературных премий международного уровня (СНГ), в том числе «Лунная Радуга» (2008), «Харьковский дракон» (2010), «Прохоровское поле» (2015), «Имперская культура» (2022).

Начал публиковаться в журналах в 1998. В 2001 вышло три романа. Первый роман «Пепел» взял «Золотой кадуцей» среди сорока фантастов дебютантов в том же 2001. Автор 20 научно-фантастических романов. Самая известная трилогия - «Красные звезды». Издавалась в Москве многократно. В 2009 на Украине попал под цензурный запрет на продажу роман-предостережение «Украинский фронт». В первой главе романа идет бой в донецком аэропорту.

По специальности офицер-ракетчик ПВО. Служил в разных частях СССР. В 2014 ушел рядовым ополченцем в Славянск. Затем служил на разных должностях в Народной милиции ДНР, в том числе в танковых войсках. Ныне депутат Народного Совета ДНР.

МАНИФЕСТ ЧЕЛОВЕКА

Звёзды мчались
Справа, слева,
И мерцали на пути
Сотни, тысячи квазаров —
Как их можно обойти?

Подчиняясь
Точной мысли,
Звездолет скакал как конь
(«Звездолётом» называю,
Что б мы поняли с тобой).

Тонкий конус…
Звездолета
Искривлял пространства высь,
Так, что все парсеки с «мега»
С любой скоростью неслись.

А в движке…
У звездолета
На цепи бурлил пульсар
И туда, куда укажут
Направлял свой звёздный жар.

Человек сидел…
Удобно,
В чем-то схожем на седло.
Видно – лёжки на диване
Он не знал давным-давно.

Нужность сна,
Да и усталость,
И понятие о том,
Потерял он как хвостатость,
Без хвоста-то мы живем?

Человек…
Ведя машину —
Этот самый звездолет —
Занят был не только этим
Дел ведь был коловорот.

Поднеся к глазам…
Песчинку,
Видоизменив зрачок,
Он считал число молекул
Проверял теорий прок.

Чуть прищурясь…
Как от солнца,
Человек смотрел вовнутрь —
И Вселенная сдавалась,
И могла передохнуть.

С кристаллической…
Решётки
Извлекал он нотный блеск,
И космические смыслы,
Камертонный манифест.

В атомном ядре…
Нейтроны
Он переставлял шутя,
И орбиты электронов
Выгибал туда-сюда.

И сквозь искорки…
Нейронов,
Оформляясь в смысл и песнь,
Пропуская пункт гипотез,
Теоремы слали весть.

Изменив…
Масштаб обзора,
И чуть-чуть законов ход,
Он пространства с временами
Ставил задом наперед.

Как механик…
В веке давнем,
Над пружинками в часах,
Он возился с рукавами,
Рылся в звёздных волосах.

Зёрна…
Планетарной жизни
Брал под тщательный контроль,
Орбитальные кульбиты
Регулировал под ноль.

Головы…
Не повернувши,
Лишь ладонью поведя,
Останавливал потоки
Радиации — шутя.

А для звёзд –
Хозяек жизни –
Сверив миллиарды лет,
Вдоль галактики фарватер
Делал словно для карет.

Звездолет меж тем…
Структуру
Огибал из «чёрных дыр» —
То ль останки от сверхновых,
То ли выход в Антимир.

Звездолет был сам…
Не промах,
И по-своему умён,
Да к тому ж почти всесилен,
Даже жизнью озарён.

Числа Мозера…
И Грэма
Он легко перемножал,
Вычислительную мощность
Человеку добавлял.

Звёзды мчались
Справа, слева,
И мерцало впереди —
То Вселенная для встречи
Навивала бигуди.

Человек
Не волновался,
Он спокоен был как танк,
Ко Вселенной на свиданье
Шел совсем не дилетант.

Билось сердце…
Ровно, сильно,
Как реактор корабля
Потому, что точно знало –
Ничего не было зря.

Кирпичи…
Тысячелетий,
Клубни судеб и смертей,
Вспышки мозговых открытий,
Вплоть до новых скоростей.

Ну, а где-то…
Возле сердца,
Тёплым облачком зарниц
Чуть подсвечивала память
Все века – до колесниц.

Где-то там и я…
Уставший,
Но смеющийся судьбе,
В солидоле и солярке,
С пистолетом на ремне,
В гордом городе…
Славянске,
Под «укропским» артогнём,
Чищу ствольную коробку
В болтовне о том и сём…

Что:
Бессмертья не случится,
И чудес не стоит ждать,
Ну, по крайней мере, где-то
Тысяч лет, неверно, пять.

А потом…
Кто его знает?
Вдаль от первобытных пней,
Человек возможно станет,
И красивей, и мудрей.

То ль прогресс…
Мозги подсушит,
Плесень выведет как моль,
То ли просто надоест уж
Во Вселенной слыть свиньёй…

В общем…
Рано или поздно –
Через много тысяч зим,
Зародится этот новый
Человек… как лимузин.

И пойдёт он…
По Вселенной,
На свиданье с ней самой,
Наконец ее достойный,
Пусть ещё и молодой.

Будут звёзды
Справа, слева,
Впереди и позади,
Их сверкающие чрева
Будут звать его: «Приди!»

Потому,
Что он раскусит
Все вселенские ходы,
И бессмертие откроет
Для неё же впереди.

Вавилонской…
Башни весом
Будут знания внутри,
Миллионы лет прогресса
Впереди и позади.

Звёзды будут
Справа, слева,
Загораться и сверкать,
По команде Человека,
Никогда не угасать!

В славном…
Городе Славянске,
Много лет тому назад,
Я боролся с энтропией
Тёр свой полуавтомат.

Там…
Склонившись над запчастью
Старой вещи СКС,
Продолжал я свято верить
В человеческий прогресс.

Звёзды будут…
Справа, слева…
Загораться и сверкать,
По команде Человека,
Никогда не угасать!

Игорь ЛЫСЫЙ
г.Донецк, ДНР

Родился 5 февраля 1967 года. Член союзов писателей ДНР и России, член литобъединений «Логос» при союзе писателей ДНР и «Светоч» (г. Донецк).

Серьёзно написанием стихов и рассказов начал заниматься в период с 2014 года. Участвовал в двух литературных конкурсах и фестивалях — в 2018 году занял первое и второе место в разных номинациях на фестивале «Муза Новороссии» и в 2019 году стал лауреатом фестиваля «Луганская лира». На XII Международном Славянском форуме «Золотой Витязь» (Москва, 2021) был отмечен дипломом за литературный киносценарий «Свора».

Стихотворения и проза печатались в общих сборниках и конкурсных альманахах. Автор семи книг произведений разных жанров.

ЧЕЛОВЕК, ПОТЕРЯВШИЙ РОДИНУ

(монолог донецкого обывателя)

Уже светает, скоро вставать. Ещё эти кошки, со своими игрищами. Надо поменьше их кормить. Пробегают две *дуры*, по кровати, и становится страшно, что наступят на тебя или прыгнут сверху. Кобылы, а не кошки. Всё, услышали, что проснулся, сейчас начнут тереться, мурчать и клянчить свой корм. Сколько на часах? Почти пять. Ладно, встаю, понедельник — день тяжёлый. Спасибо, что светлеет рано — апрель.

Хорошо, что Бог сподобил перед самой войной переехать в село под Донецком, до работы в центре всего шестнадцать км. Жить в селе, а работать в городе — чем не мечта европейского обывателя? Правда, жить на земле — это вам не в городе прохлаждаться, всегда есть постоянный список обязанностей. Вот сейчас покормлю кошек, их у нас две — мама Мурка (месячной нашли на гаражном чердаке) и её *доця* Рыся, выпускаю этих коровушек на воздух. Тихо! Тихо, чтоб домашних не разбудить, пусть ещё поспят. Да и сам за порог, а дальше, как заведённый. Как хорошо, воздух свежий, чуть прохладно после ночи...

Привет, *собакены*! *Засрали* флигель, прости Господи. И собак у меня две, нет два пса — оба кобеля. Один курцхаар Рэм Петрович, шоколадного окраса. Подобрали в 2017-м на Петровке, поэтому и Петрович, бродяжничал. Где хозяева? Не знаю, может быть, погибли, а может, сбежали. Война, чёрт бы её побрал! Там и по сей день то обстрелы, то прилёты. Худой был, вспомнить страшно — хребет, как пила, бока ввалились, в чём жизнь держалась, не пойму. Как выжил, сколько бродил? Могу только предполагать. Потому как он ежей таскает и за хлебом трусится, видимо, так и выжил. Теперь же любо-дорого посмотреть — спина, как диван, шерсть блестит, бегает без устали, только гулять и успевай. Второй *собакен* — джек-рассел-терьер Брюс. Мелкий, дерзкий, в собачьей шайке — главный. Петровича строит на раз-два-три. Недавно за то, что Петрович позволил себе жрать из его миски, Брюс прокусил курцхаару *кокушки*. Ну, до чего с тылу достал... Не могли остановить кровь, возили к ветеринару, прижигали лазером. А почему Брюс? Нам этого живчика отдал дедушка, он с ним просто не справлялся — уже в шесть месяцев Брюс гонял кошек и ловил мышей. Да-да, как кот, ловил мышей и ел. Дедушка поэтому называл его Барсиком. Совсем не собачья кличка, обидно слушать, и я подобрал созвучную — Брюс, как Брюс Ли или Брюс Виллис —

крепкий орешек. Так, завтракаем и гулять. Благо, улица наша крайняя. Моя хата с краю, ничего не знаю... Тьфу, ты! Прицепилась зараза с утра. Через огород, через посадку и уже за селом. А ещё через два поля видно соседнее село — Андреевка по Мариупольской трассе. Мимо развалин консервного цеха и, заросших молодыми деревьями когда-то теплиц, дальше в колхозный сад... бывший колхозный, ещё при Союзе...

Советский Союз! Голопузое детство! Боже, как всё было просто! Помню, мы тогда жили на Брикетной — Петровский район, там на подстанции работал дежурным электриком мой папа. Жили мы в финском домике при подстанции, целая улица служебного жилья. Дворик, садик, огородик. Папа сам деревенский, поэтому держал кроликов, кур, нутрий и даже голубей, засаживали огород всякой всячиной — картошка, помидоры, лук...

Папа познакомился с мамой на комсомольской стройке в городе Жданове (теперь Мариуполь), заканчивали строительство стана «1200» и «1600» на заводе «Азовсталь», строили «Агломератную фабрику», где мама была бригадиром молодёжной стройбригады, а папа работал электриком, и жили они в одном общежитии. Мама часто вспоминала то время: каким папа был стилягой, как красиво ухаживал, как бесстрашно дрался за неё с другими парнями. Вся молодёжная общага знала папу и уважала. А потом они переехали в Донецк и расписались. Мама работала маляром-штукатуром в стройцехе при «Донбассэнерго», ездила в командировки, ходила на «калымы» — после работы шабашила, делая ремонты у знакомых.

Мама Валя зарабатывала тогда гораздо больше папы, который сутки через двое дежурил на электроподстанции. Но папа Орест гордился тем, что от его работы зависит шахта, посёлок со школой и детсадом, и даже огромная больница, в которой я и родился, она была прямо напротив нашей улицы. Волею судеб, почти через двадцать четыре года, в этой же больнице родился мой первенец. Ярко помню детский сад! Папа частенько водил меня через дикое поле пешком в детский сад, мне нравилось идти с ним, держа его за сильную руку, и подпрыгивать при этом. По дороге мы собирали полевые цветы, которые я дарил няне и воспитательнице, и радовался этому, пока однажды не увидел свои букетики в мусорном детсадовском ведре. Помню сказки перед дневным сном и игры в догонялки на детсадовском дворе. Любил, когда меня из садика забирала тётя Таня, мамина младшая сестра. У тёти Тани был ухажёр на мотоцикле «Ява», на котором меня везли домой, на зависть всем мальчишкам нашего посёлка. Много я потрепал нервов тёте Тане, бегая за ней и на танцы, и на свидания. Она просила меня, чтобы в её компаниях я обращался к ней только с приставкой тётя, но я упрямо называл её при всех только Танькой. Единственное, что мне не нравилось — это оставаться в детском саду *в сутках* — когда папа на работе, а мама в командировке. Нет, страшно не было, ведь была ночная няня и сторож, но было грустно от осознания какой-то брошенности и ненужности... Мы были предоставлены сами себе: родители на работах, «калымах», в командировках, а ты мотаешься, как угорелый, по жарким улицам, играя в войнушку или индейцев, собирая чужую черешню за пазуху или бежишь на карьер купаться с пацанами постарше. Целое событие — поход в кино. Кинотеатр «Мир» — это был волшебный мир для меня. Первые увиденные фильмы были индийскими: «Джими, Джими. Ача, Ача...» — драки, песни и танцы, добро сражается со злом. Никогда не забуду, как я ревел белугой на весь кинотеатр в момент гибели главного героя фильма «Моё имя — Клоун», нас с Танькой даже вывели из зала, не дали досмотреть, взаправду или нет умер главный герой... Детство, детство, ты куда спешишь...

Собаки выгуляны, приступаем к кормлению птицы — куры-несушки, индоутки, всего голов пятьдесят — кормлю, пою, убираю. Мы с женой не совсем кре-

стьяне, потому и не решаемся на поросят, коз или даже коров. Хлопотно это, хотя и выгодно. Нам и огорода в десять соток хватает, да и сад отнимает время. Ну всё, пора и на работу. Мои уже проснулись — жена хлопочет с завтраком, сын вай-фай включил и втыкает в смартфон. Душ, завтрак и вперёд за «лиловыми кроликами»... Если ехать рейсовым автобусом, который из-за войны совсем отбился от рук и ходит кое-как по маршруту, то минут сорок до автостанции «Центр». Да, именно та автостанция, где в феврале 2015 года был прилёт снаряда — 4 двухсотых и 5 трёхсотых, второй снаряд угодил в проходную «ДМЗ — Донецкого металлургического завода», по которому и целились «великие укры», выбирая время начала утренней смены:

— И принесёт с собой рассвет
дурные вести
– пополнит списки о боях,
трёхсотых… двести...

Ну, да Бог им судья! Я выехал на машине — нужда по работе, а меня сейчас ни шатко ни валко кормит цифровая типография, купленная во времена правления вороватого Януковича, для доп. услуг клиентам рекламного агентства полного цикла. Надо по городу поколесить, что-то привезти, что-то увезти, а ещё поэтическая встреча со старшеклассниками в школе № 58, в пострадавшем от обстрелов Киевском районе. Неужели до войны я бы мог подумать, что стану писать стихи и печататься, а тем более читать в аудиториях? Благо мне актёрское прошлое в помощь. Без автомобиля никак не успеть. Не успеть? Да кого я обманываю? Успеть — что? Если *по чесноку*, работы почти нет, был клиент постоянный, да и тот перерос в крупного и ушёл на офсетные тиражи. Все остальные, временно возникающие заказы — бессистемны и непредсказуемы. И не дай Бог, как у меня недавно случилось, когда упал заказ на пятнадцать тысяч *рубасов*, а надёжная «Коника Бизхаб Про» сдала, сломалась, приболела — заказ и клиент ушли к конкурентам. А поломка плёвая — датчик размером с ноготь и стоимостью в *пятихатку* рублей, до войны — простейшая поломка, которую за полчаса исправил бы сервисный мастер, но сейчас попробуй этот датчик ещё к нам привези. Мы ведь в блокадах с Украиной — военной, экономической и социальной. Три недели поставка и доставка — три недели простоя — пока отремонтируешь, считай, что вышел в тираж. Вот и делаешь вид, изображая бурную деятельность, что ты, как и до войны, успешен и востребован. Да кому нужен опытный маркетолог и рекламщик, который вывел на рынок и раскрутил десятки торговых марок, работал с годовыми бюджетами, ведь сейчас нет таких бюджетов и потребностей в глобальной и долгосрочной рекламе.

До мельчайших подробностей помнится, как начиналась смута. Вначале марш студентов и надуманный повод перехода к активному майдану, после якобы «побыття цых студэнтив». Звонили своим родственникам в Киев, у меня там дядя с тётей и двоюродной сестрой живут, пять минут ходьбы от эпицентра майдановских событий, волновались за них. А они, в отличии от меня, были за евроинтеграцию и НАТО — вот оно гражданское столкновение в отдельно взятой семье. Я был на площади Ленина в Донецке, когда многотысячная толпа собралась на митинг против разрыва с Россией и смены вектора на Запад. Я не мог тогда поверить, что многомилионный Донбасс не будет услышан. Я — человек, переживший развал своей великой Родины в 1991 году, понимал, что дальнейшее противостояние наверняка разрушит Украину. И всё же я надеялся на мирное решение политического и языкового противостояния... вплоть до 2 мая 2014 года, пока не случились кровавые события в Одесском доме профсоюзов, тогда всколыхнулся и сделал свой окончательный выбор Донбасс. Нам с Киевской властью было уже не по пути.

Никто не знает, что будет завтра, а поэтому живём сегодняшним днём. Город жив вопреки: службы работают, студенты учатся, библиотеки принимают читателей, театры играют спектакли, в кафе пьют и

гуляют, торговые комплексы торгуют, институты и школы учат...

С теплом вспоминаю свою школу. Как будто вчера это было — первый раз в первый класс — цветы, линейка, песенка: «...Учат в школе, учат в школе, учат в школе...», нарядные дети с родителями, первый звонок, свежевыкрашенные парты... Я сидел на первой парте со своим другом и тёзкой Гуркиным — мальчиком крупнее меня на голову и три меня в обхвате. Я помню первую учительницу — молоденькую и красивую, наш класс у неё был тогда первым, и мы старались её не расстраивать по пустякам. На большой перемене я и Гуркин уходили за школу, где за кустарником выясняли кто из нас сильнее – дрались без злости, но азартно и увлечённо, а услышав звонок, как ни в чём не бывало, бежали на урок и мирно сидели рядом. Потом нашу восьмилетку закрыли, и в четвёртый класс мы пошли в соседнюю на посёлке среднюю школу. Там Гуркина, на правах хозяев, пытались тюкать наши новые одноклассники, и я его даже защищал. Потом мы привыкли и к нам привыкли, школа стала родной и любимой. Учился я с ленцой, но учёба давалась мне легко и я, не напрягаясь, был хорошистом. Уже тогда в средней школе у меня появилась мечта — я хотел стать великим актёром. Я пел в школьном хоре, участвовал в конкурсах чтецов и занимал призовые места, а ещё мне нравилась пулевая стрельба и самбо, по этим дисциплинам уже в тринадцать лет у меня были юношеские разряды. Заметьте, что при этом все кружки были бесплатными. Учёба, конкурсы, школьные дежурства и субботники, а ещё я обожал читать. Компьютеров с интернетом и соцсетями ещё не придумали, ТВ тогда было убогое, детских передач мало, кроме чтения и улицы, развлечений никаких. А уж книжек в библиотеках и улицы — было хоть отбавляй! В любое время года нас невозможно было загнать домой, зимой — санки, коньки, лыжи, снежные побоища, а летом всё, что могла только придумать детская фантазия: походы на целый день в посадки, ставки с рыбалкой и купанием, войнушки и казаки-разбойники, самокатные и велосипедные заезды, печёная картошка и запечённые в глине голуби (добытые дедовским способом — силки или рогатка), драки с пацанами из соседнего двора, а потом футбольные баталии, игры в банки, в прятки, в слона... Да как же всё это успеть за такое короткое лето? А ещё ведь были детские пионерские лагеря — новые впечатления, навыки, знакомства, концерты, конкурсы, дискотеки и детские фильмы. А в десятом классе появился в моей жизни театр — ещё самодеятельный, но уже народный — театральная студия, в которой мы постигали непростые азы актёрского мастерства, первые влюблённости, очарования и разочарования, успехи и неудачи, поклонники и противники, роли большие и маленькие. Тогда же, под конец десятого класса, я рискнул и поехал в Москву на предварительные прослушивания в ГИТИС, удачно сдал актёрское мастерство и даже прошёл до третьего тура экзаменов, но без отсрочки от службы в армии поступить мне не светило.

Проснулся, а за окном ещё только сереет. Вот и вторник. Мысли, мысли, мысли... чёрт бы их побрал, опять не выспался. Вроде бы уже три года как не обстреливают нашу сторону; война откатилась и превратилась в позиционную, а всё ещё снится и давит мёртвым грузом, и висит дамокловым мечом. Опять вчера передавали сводки о потерях и разрушениях. Когда-то же война должна сдохнуть? Нога затекла и колет иголочками, а понятно — это кошки на ней лежат. Надо урезать пайку — дорого, да и разбаловали. Пусть мышей идут ловить, тоже мне кошки-матрёшки деревенские... Так о чём это я? Да, сегодня поеду автобусом, нечего машину зря гонять, а тем более и деньги начинают кончаться или кончают начинаться. Тот же список сельских обязанностей — кошки, собаки, куры, завтрак, душ и «за лиловыми...». Ах, да! Ещё надо запланировать посадку картошки — на субботу, наверное. Старшему сыну надо заранее позвонить и

поставить в известность, пусть приедет и поможет, а то кушать мы все горазды... Вот и автобус — жаль, что «ГАЗель» маловата для утреннего рейса — в Донецк треть села выезжает: кто на работу, кто на учёбу — *запихались*, как кильки в банку. Ну, поехали! Спасибо и за «ГАЗель»!

Вспомнилось, как в 2014-м ходило два автобуса марки «Богдан». Ездили всеми правдами и неправдами, только отступят бои и — уже на маршруте. Был период, когда ждали наступление на Донецк со стороны Старобешево. Перед въездом в Донецк есть железнодорожный переезд, там блокпост стоял с нашими ополченцами, а до него — кафе «Каспий», а с другой стороны — мотодром для квадроциклов, вдоль асфальта — свечи тополей, а сам асфальт узкий, в две машины. Завалили ополченцы тополя через дорогу, штук семь пирамидальных положили, чтоб, значит, проезд усложнить врагу. Врагу-не-врагу, но нам, марьяновским, — полный *капец* — автобусы не ходят, машины в магазины продукты не подвозят, короче... Брал я велосипед, рюкзак за спину и в город на работу и обратно, за неделю джинсы на попе протёр... Возвращаюсь я как-то из города на велике, подкатываюсь к блокпосту, а он пустой. Я через переезд, до поваленных тополей, велик на горб и перелезаю первый ствол, второй, третий... поднимаю голову, а с той стороны тополей — БМП с украинской разведкой. Ну, бежать поздно, только вперёд! Подзывает меня командир разведотряда, подхожу к нему, деваться некуда. Кто мол и откуда? Местный, говорю. Рюкзачок к досмотру и паспортину к предъяве. Я паспорт с пропиской показал, рюкзак снял, а в рюкзаке у меня буханка хлеба да жаропонижающее для ребёнка — младший мой приболел тогда. Ни телефона, ни денег при мне — мобильной связи тогда не было, а деньги... денег тоже не особо. «А русские войска далеко?» — спрашивает меня разведка. «Какие такие русские? Тут только наши донецкие ополченцы, да и то куда-то свинтили», — отвечаю. И вдруг какое-то спокойствие снизошло — понимаю, что смерть — вот она, помирать — так хоть покуражусь, и спрашиваю в ответ с лёгкой издёвкой, прикинувшись деревенским простачком: «А вы что, солдатики, с Россией воюете? Так это вам назад на Ростовскую трассу надо». Посмотрели на меня, пошушукались и отправили с Богом, а сами бронёй начали тополя придавливать, как спички — тополь дерево хрупкое. А я на велик и давай педали крутить. Так быстро от Авдотьино до Марьяновки я ещё на велосипеде не ездил...

Ну, вернусь к маршрутным автобусам... Через две недели сухой погоды раскатали автобусники грунтовку от нашей улицы, через свалку, вдоль посадки к дачам, дальше через Караванную на Донецк — дорога жизни — и продукты по ней поехали, и службы. Да, тяжко было в тот год — ни тебе работы, ни тебе понимания происходящего, артобстрелы и военные самолёты со стороны «своей» украинской армии, а ещё страшно было за близких, родственников, друзей. Остаться в Донецке, не бежать от войны, а смотреть ей в лицо, пусть даже не воевать, а просто жить — это не подвиг, но что-то героическое в этом есть.

Битком набитая «ГАЗель» — это вам не СВ — дышим через раз, стоим на одной ноге, смотрим в затылок соседу или в окно и радуемся, что едем. Я смотрю в окно: почки уже на сносях, травка зелёненькая потянулась к небу, а вот и кафе «Каспий». Привет, чудо-юдо ОБСЕ! Уже на завтрак в кафе приехали, ну, как же без этого. ОБСЕ — люди, призванные наблюдать за необъявленной гражданской войной, они ездят на крутых внедорожниках, вкусно едят в кафе, сладко спят в дорогих гостиницах, посещают наши фитнес-центры, получают бешеные зарплаты, командировочные и даже боевые. А на самом деле ничего не делают — наблюдают, да и то сквозь пальцы — на хрена такие наблюдатели? Хорошо, что хоть какие-то факты признают — что нет российской армии, что обстреливают с украинской стороны, а не так, как пятый порошенковский канал кричит — мол, «сами террористы-сепары-

ватники по себе шмаляют». Конечная «Горсад» — выходи, приехали! Народ с «низкого старта» по делам бегом-бегом... Люди в Донецке особенные — нас гнут, а мы работаем, нас ломают, а мы встаём и идём дальше. Я люблю наших людей, они простые и открытые, умные и талантливые, упорные и трудолюбивые, несгибаемые люди — Донбасская земля нас слепила такими особенными — мы сделаны из стали, которую плавим, и закалены углём, который рубим.

Вот я и в офисе, тихо и пусто в здании, где до войны было людно, как в муравейнике. Что ж, посижу до пятнадцати ноль-ноль, вдруг кто с заказом заскочит, а пока есть время и пара задуманных строк, напишу стихотворение о сегодняшней бессоннице:

- *Осыплется алмазной пылью небесный свод, и сказкой закружит, и былью водоворот...*

«Разбаловала» нас война тем, что на рабочем месте мы с десяти до шестнадцати, а если работы нет, то и до пятнадцати. Чего зря сидеть? Лучше по хозяйству что-то сделать или по саду-огороду... Вспомнилось: когда бои были за Донецк — по Старобешевской и Мариупольской трассах одновременно, у меня с улицы Андреевку хорошо слышно было — я со старшим сыном, чтоб не свихнуться от страха, подготавливал площадку в саду, клал плитку — подготавливал место для мангала, а жена с младшим в подвале сидела. Вот ведь как странно, до войны тротуарная плитка лежала, не было времени на неё, как говорят — руки не доходили. В 2014-м бои с двух сторон гремят, а мы плитку кладём. В 2014 и 2015-м годах много чего сделал, пока основной работы не было — утеплил стену во флигеле, забор поставил с огорода, отмостку фундамента дома залил бетоном, подчистил, убрал — времени свободного — пруд пруди. Работы было мало, но для меня любые заработки, как манна небесная. В 2015-м довелось мне разрабатывать и печатать лицензии на добычу угля, визитки и бланки для сотрудников вновь организованных министерств и ведомств, ну и редких предпринимателей, конечно. Чтобы выжить, собирали в собственном саду вишни, груши, абрикосы, черешни и возили на стихийные рынки продавать. Кормились сами, помогали маме–пенсионерке, друзьям и знакомым. Выживали всем миром. Служил как мог...

Помню, как меня в армию провожали — всем посёлком и всем народным театром — тогда тоже апрель был, только 1985 года. Девочки обещали писать, старшие друзья-товарищи мучили советами. В стране Горбачёв объявил борьбу с пьянством, разрешил иметь частную собственность и частный бизнес, призывал искать с западом консенсус, разоружался в одностороннем порядке, вырезал половину виноградников в Крыму, а ещё начал Перестройку — хотел что-то изменить к лучшему, а может, наоборот... это пусть специалисты разбираются. А у меня на проводах в армию столы ломились — и выпить, и закусить — повод у моих родителей был серьёзный — как же, сын становился взрослым, шёл учиться Родину защищать. Советская Армия была в почёте, а служба — почётной обязанностью, а если ты не служил, значит ты — неполноценный мужик. Во как! Служить я пошёл в первых рядах по так называемому Ленинскому призыву, попал в Ворошиловград (теперь – Луганск), в полк зенитной артиллерии. За два армейских года и дневалил, и на учениях побывал, и в карауле службу нёс. Были и тяжёлые первые полгода, когда втягивался в особый армейский режим с его кухней, физическими нагрузками, учебными классами, стрельбами и плацами. В 1986-м — когда Чернобыль бабахнул — шестерых ребят из части туда направили. Вернулись через два месяца, дослуживать в часть, а офицер — в санаторий и на повышение... но не об этом. Советская Армия и служила на благо Родины, и работала: мы и колхозникам с уборкой помогали, и снег на железнодорожных станциях чистили, и от заносов с наводнениями население спасали... Мне тогда казалось, что на гражданке мне всё уже будет нипочём, что я уже всё сумею и смогу. Вот что значит

— служить Родине — 1/6 всей суши на планете Земля. И встречали меня после службы, повзрослевшего и возмужавшего, радостно и бурно. Помню, как папа гордился мной перед соседями, у которых дети были помладше, а мама не могла мной налюбоваться и всё крутилась вокруг меня, спрашивала ласково: «Может чего вкусненького приготовить?» Младшие товарищи по детским играм, уважительно обращались ко мне и, заискивая, старались узнать о службе в армии из первых уст. Но что-то неуловимое уже витало в воздухе, что-то коренным образом изменилось за эти два моих армейских года, в жизни моего города — проявилась новая философия жизни — другая, чуждая нам государственная доктрина. Мы переставали быть советскими, мы становились на рельсы капитализации, и коллективное сменилось на индивидуальное. Это было началом конца, только тогда ещё мы об этом не догадывались. Мы доживали последние беззаботные годы в государстве — Союз Советских Социалистических Республик. Нам, бывшему народному театру, разрешили организовать самоокупаемый театр-студию на базе ДК «ДМЗ им. Ленина». Это было счастливое время моей актёрской карьеры — восемь главных и четыре второстепенных роли в пятнадцати репертуарных спектаклях. Мы колесили по области и по стране, мы взяли Гран-при на Международном фестивале в Тернополе, мы успели организовать и провести у себя в Донецке Международный фестиваль театров-студий, мы любили искусство в себе, мы ничего кроме театра не хотели ни видеть, ни слышать... А развал Родины уже начался, а царство уже рвали на княжества, а «Аннушка уже разлила масло...»

Среда! День сурка не случился! Произошли изменения в моём режиме обязанностей. Сегодня я — общественный помощник депутата Народного Совета ДНР, между прочим, он ещё и мировой известности писатель-фантаст. Мы выезжаем с ним в Шахтёрский район по сёлам, которые он курирует как депутат. Везём гуманитарную помощь: комплекты постельного белья для многодетных и малоимущих, книги в сельские библиотеки, одна из них — мой свежий сборник стихов «Ловец Ветра». Вроде мелочь, а приятно. И ещё проведём приём граждан и рассмотрим жалобы и пожелания на местах. Поэтому побудка ранняя, из каждодневных обязанностей — только выгул собак, а остальное — на хрупкие плечи жены. В 7.00 я уже в Донецке, у помещения Союза писателей под погрузкой, а в 9.00 — уже в селе Мануйловка. Небольшое и аккуратное село, приветливые и добродушные люди. Сёла, находящиеся в районе Саур-Могилы, очень сильно пострадали в ходе боёв за героическую высоту. История циклична, она движется по спирали, но даже в страшном сне я не мог представить себе подобной ситуации — брат на брата, кум на свата... А ещё невыносимо тяжело то, что гибли и продолжают гибнуть мирные люди – женщины, старики, дети. Когда украинские националистические батальоны отступали, то старались нанести максимальный урон гражданской инфраструктуре. Боже мой! Как же сухо и официально звучит, а на деле всё гораздо страшнее. Я скажу проще... украинские танки и артиллерия намеренно и методично расстреливали школы и детские сады, сельсоветы и больницы, библиотеки и сельские клубы... Так было в Степановке, Мариновке, Дмитровке и этот список можно продолжать и продолжать. И сколько ещё таких сёл, посёлков и городов в моём непокорённом и многострадальном Донбассе. Для теперешнего правительства Украины важно вернуть под свой контроль территорию, люди им не важны, а тем более их желания и надежды. И чем меньше останется в живых инакомыслящих, тем проще управлять остальным стадом. У нас хотят отнять наш язык, нашу веру, нашу гордость, нашу историю... В селе Степановка из танка обстреляли школу и детский сад, отремонтированные к ЧЕ «Евро-2012», а памятник Советским Воинам-освободителям расстреляли из пулемёта. А вот Мануйловке немного повезло — школа и детский сад

уцелели, может быть потому, что они находились рядом с православным храмом, настоятель отец Таисий проводил службы даже во время обстрелов и боёв. Может поэтому, Киев пытается отнять у нас ещё и веру.

—Утро быстро сожрут собаки,
день нарядится палачом,
я готовлюсь к безумной драке,
не мечтая уже ни о чём...

Для приёма нам отвели комнату в сельсовете, три на три метра с надписью «пункт обогрева»: стол и стулья, в углу старый несгораемый шкаф, окно с фанерой вместо стекла, холодно и уныло. Ну, так не веселиться приехали, а работать с людьми — выслушать, помочь оформить жалобу, как полагается, поддержать и поговорить, успокоить, а в силах будет, то и решить проблемы. Вот и народ начал собираться. Заходи по очереди! Устали люди, пятый год война, и конца-края ей пока не видать, но жизнь всё равно берёт своё. Как показал приём, вопросы у всех людей одни и те же: когда начнут платить украинские пенсии, а выделят ли стройматериалы на ремонт разрушенных домов, а недоплаты по земельным паям, а нехватка рабочих мест, проблемы с маршрутным транспортом, ремонт дороги... а главное — когда же закончится война? Возвращаемся в Донецк уже затемно, молчим потому, что устали – везём с собой груз людских проблем. Но радует то, что люди поверили и открылись нам – высказались, излили душу, поведали о наболевшем. Теперь главное — их не подвести...

Подвели нас советские правители, разорвав мою Родину на лоскуты ваучеров. После референдума 1 декабря 1991 года о выходе Украины из состава СССР и после обретения независимости от Москвы нам обещали, что начинается новая, богатая и счастливая жизнь... А начались лихие 90-е. Театр наш развалился, из двух основополагающих для обывателя желаний — хлеба и зрелищ — катастрофически не хватало первого. Не стало планового хозяйства, и предприятия закрывались и разворовывались, людей выгоняли на улицу. Даже работающие люди не получали денег, полупустые прилавки совсем опустели. На царство взошли три Б — царили Бартер, Беззаконие и Беспредел. Преступность расцвела буйным цветом, бандиты облагали данью всех, кто ещё как-то оставался на плаву. Появились Новые Русские — те, кто был грязной пеной на волне этой бесчеловечной и порочной Рыночной Экономики, их уважали и ненавидели, их славили и расстреливали среди бела дня, они сорили деньгами и бесились с жиру, в то время, когда молодые и старики рылись на помойках.

— Был вчера на «развале»,
люди жизнь продают.
Мне старушки сказали:
«Всё, что было, всё тут»...

Кем же я только не работал, чтобы выжила моя семья?! Я был грузчиком, охранником, посредником, водителем, валютчиком, торговал на рынках, мотался в Польшу за люстрами и бра, занимался взаимозачётами долгов по электроэнергии предприятий, таскал через российскую границу контрабандный бензин, возил в стареньком «Москвиче-2140» деньги в мусорных пакетах, чтобы расплачиваться за левый бензин на Кременчугском НПЗ, обменивал в Черниговской области арбузы на картошку 1 к 3, и потом продавал её в Донецке... «И носило меня, как осенний листок...» Я был при деньгах и нищ, как церковная крыса, я обманывал и был обманут, я днём работал, а ночью таксовал и бил морды тем, кто не хотел платить за проезд. Я упорно занимался физически и учился выживать в новом и жестоком пространстве координат, я слушал и смотрел, и мотал на ус... и, в конце концов, судьба мне улыбнулась.

Моя кума и второй режиссёр бывшего нашего Театра-студии, как тогда говорили, попала в струю и зашибала серьёзную деньгу, режиссируя крупные массовые мероприятия — «Мисс Донбасс», «Пани Украина», корпоративы. В начале, она подтягивала меня как администратора и водителя на свои мероприятия, потом

устроила в Донецкое рекламное агентство на должность начальника производственного отдела. Я получил небольшое, но стабильное жалование и возможность получать премии за рекламные девизы, тексты и сценарии. Я придумывал рекламные ролики, режиссировал видео и начитывал аудиоролики, подрабатывал ведущим на ТВ. Я вернулся к творчеству, а страна к стабильности... Наступил 21-й век, начиналась новая эра — Эра Водолея, а я по знаку — Водолей.

Утро четверга было пасмурным, накрапывал мелкий дождик, тучи низкие. осенние, хоть за окном и апрель. Отче наш! Иже еси на небесах, да святится имя Твое, да будет воля Твоя, яко на небе так и на земли, во веки веков... Аминь! Проснулся в поту — приснилось, что нацики стучат в наши ворота, а я ключи от сейфа с охотничьими ружьями найти не могу. Надо будет провести с домашними повторный инструктаж по обращению с оружием — как собрать, зарядить и целиться, а самое главное — стрелять. Дай Бог, чтоб не пригодилось, ведь в 2014-м не пригодилось, хотя спали с собранными ружьями у стены, а я даже на прогулку с собаками всегда брал охотничий нож. Разве можно забыть шуршание летящего над тобой снаряда, звук заходящего в пике самолёта или свист пули. Боже правый, у меня сын в 14 лет научился отличать по взрыву — мина или снаряд прилетели. До самой смерти не забыть слова, взошедшего на брошенный трон, постмайданутого гаранта Порошенко: «Наши дети будут ходить в школы, а их дети сидеть в подвалах!» Их дети — это дети ДНР и ЛНР, дети людей, проживающих на территории не подконтрольной и не желающей мириться с нацизмом и фашизмом. Да, мы не хотим предавать забвению своё советское прошлое и подвиги дедов-прадедов. А ведь были знаки — на инаугурации Януковича перед ним захлопнулась сама собой дверь, а на порошенковской инаугурации упал в обморок солдатик почётного караула. Чем не указующий перст судьбы? Вот и останется в истории Янукович Нерешительный и Порошенко Кровавый, если останутся — больно мелкие фигурки.

— Кто же встанет во главе этой серой
уставшей толпы?
Лишь мелькают вдоль истории
чьи-то «столбы». Где СТОЛПЫ?!

А вот память о событиях гражданской войны 2014 тире пока не знаю какого года не сотрётся никогда — Дебальцевский котёл, бои за Саур-Могилу, взрыв троллейбуса на Боссе 22 января 2015 года с 14-ю двухсотыми … Меня тогда кот спас — если бы не Мурзик, который пришёл домой с порванным ухом и заставил меня задержаться с выездом на работу, пришлось его промывать и обрабатывать, то я, *тютя в тютю*, в это время был бы на Боссе. Я ехал пятнадцатью минутами позже и видел, как догорал на светофоре автомобиль, как народ суетился вокруг сгоревшего троллейбуса, и лужа от пожарного шланга, окрашенная человеческой кровью, растекалась по асфальту. Вот так накатит и — без ста грамм не уснуть. Надо вставать и что-то делать, надо не впадать в отчаяние, надо жить и верить, что справедливость восторжествует ещё при жизни. Надо радоваться мелочам, маленьким победам и удачам. У меня есть семья и родственники, ради которых я должен жить, друзья и товарищи, которые делят со мной все тяготы и лишения, у меня есть дом и моя земля, в которой похоронены мои предки... У меня есть Родина, пусть ещё никем не признана, но уже доказавшая свою твёрдую позицию и завоевавшая своё право на жизнь. Хватит сомневаться. Пора смело идти по выбранной дороге, ведь как гласит восточная мудрость — сомневающийся путник только больше поднимает пыли. Шагом марш на работу!

Проработав четыре года в рекламном агентстве под директором, я понял — пора выходить в самостоятельное плаванье, мне уже тесно было в рамках наёмного работника и чужого рекламного агентства:

— Затем я в свободное плаванье вышел

и флаг для компании собственной вышил...

Я помню, как мы начинали: маленькая комнатка в 9 квадратных метров, я, менеджер и дизайнер, а ещё приходящий бухгалтер – люди, не задумываясь о будущем, пошли за мной с предыдущего места работы. Двухтысячные годы для Украины — более или менее стабильные в плане экономического и социального развития, но и то... 2004-й год — это первый майдан, «Оранжевая революция» — прецедент, когда более активное меньшинство дерзнуло навязывать большинству собственное мнение, а инертное большинство уступило. А зря! Чем не пример псевдодемократии? Уже тогда Ющенко, столкнувший массовыми протестами с президентского кресла Януковича, начал активную повсеместную украинизацию, не считаясь с мнением на местах. Но, казалось бы, что такого — украинские школы, преподавание в высших учебных заведениях только на украинском языке, закон о государственном языке и централизация власти? Уже тогда на самих выборах Запад и Восток, до треска лбов и искр из глаз, нагло и откровенно сталкивали между собой. Но удержаться в президентском кресле в 2010-м Ющенко не удалось, и на трон всё-таки взошёл хозяйственник Янукович. Простые люди, устав от грязной политики и откровенной грызни, обмана и взаимных обвинений «кращих друзив» — первых лиц государства Тимошенко и Ющенко, выбрали стабильность и спокойствие. Именно в годы правления партии «Регионов» мы и пожили как в Европе! Я не аналитик, я – обыватель и рассуждаю со своей колокольни, но именно при власти донецких в Украине воцарилось спокойствие — мы дружили и с Россией, и с Европой — развивалось производство, банки выдавали кредиты, народ перестал копить на чёрный день и стал просто жить. Агентство моё росло и развивалось: была приобретена цифровая типография и цех широкоформатной печати, напрямую из Китая мы привозили оборудование для выставок и презентаций, работал отдел разработки и дизайна, производство рекламных видео- и аудироликов, отдел развития и размещения в СМИ. В моём рекламном агентстве работали полтора десятка специалистов и получали вполне европейские зарплаты. Показательным было проведение в Украине ЧЕ «ЕВРО–2012». На удивление и зависть злопыхателям, Донецк встречал спортивных болельщиков из стран-участниц и туристов во всей своей красе — мощный и обустроенный, чистый и приветливый, открытый и радушный... Кому-то это очень не понравилось.

Ура! Сегодня пятница — конец трудовой недели, а ещё — настоящий праздник Советской эпохи — День Космонавтики! А ещё на меня «упал» нежданно-негаданно заказ на рекламу. Соратница по перу и рекламному делу, находясь в Москве в творческой командировке, взяла заказ на поиск специалистов для работы в Москве — рекламный бюджет не «военный», зато своевременный. Сажусь за написание текста для рекламного объявления, продумываю варианты размещения... Боже, как же я соскучился по настоящей работе! Стоп! Типографские заказы — тоже работа, но не по моей прямой и любимой специализации. До войны я обожал сложные и нестандартные задачи — придумать, визуализировать и правильно позиционировать торговую марку, а потом с минимальными затратами вывести её на рынок. Мне нравилась творческая сторона моего дела, именно она роднила рекламу и театр – из ничего возникало что-то и жило своей счастливой жизнью, росло и развивалось. Надо смотреть правде в глаза, если бы не война, то я и знать не знал бы, как ламинировать и сшивать, печатать и тиснить, ведь в той жизни я был директором и копирайтером, маркетологом и кризис-менеджером. Я знать не знал, как работает купленное печатное и пост-печатное оборудование. Работая с дизайнерами, я абсолютно ничего не понимал в дизайнерских программах. А теперь могу сам верстать несложные макеты визиток и флаеров, баннеров и вывесок... Не было бы счастья, да несчастье помогло! Теперь я — специа-

лист широкого профиля. Только кому это сейчас надо?

Когда ищут преступника, то спрашивают — кому это выгодно? Задайтесь простым вопросом — кому было выгодно ослабление целой страны и разрыв связей с сильным соседом? Здесь и сейчас хочу вспомнить свои слова, произнесённые в самом начале хаоса и распада.

МЫСЛИ ВСЛУХ

Не знаю даже, с чего начать, слишком много бьётся в уставшем мозгу и просится вырваться в крик. Классические вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?» опять актуальны. Хочу понять, что же происходит в моей растерянной Украине? Сила против силы на фоне общего попустительства или всё-таки безразличие и неприятие сложившейся ныне системы власти?

Руками «майдана» сломали узаконенный порядок прогнившего и бесконечно циничного правления, очистив дорогу иной системе ценностей — псевдопатриотизма и неприятия инакомыслия. Хаос породил хаос высшего даже не порядка, а беспорядка. Создан прецедент — решать личные проблемы, манипулируя определёнными слоями населения. Локальная борьба олигархов за сферы влияния переросла в глобальное гражданское противостояние. Личные армии нынешних «князей» рыщут по просторам моей разорённой Родины. Разделяй и властвуй! Вот девиз на штандартах оппонентов. Не считая оголтелых радикалов, основная масса в растерянности: с КЕМ и главное КУДА идти? Двуязычие и федерализация с одной стороны или Соборная и неделимая с другой. Нас запутывают по форме, не объясняя сути. Восток и Запад всегда были разными и культурно, и языково, и даже патриархально. Я могу об этом говорить, ведь я родился в Донецке, а рос и в Тернопольской области, гостя у бабушки в селе. Мы разные, как полюса магнита, которые притягиваются друг к другу. Мы знаем о своих различиях, нам надо вспомнить о наших похожестях. Правда всегда посередине, надо только уметь слушать и стараться понять других. Народ всегда приспосабливался и выживал при любой власти и даже выживет без неё, но власть, напротив, никогда не сможет существовать без народа. Это аксиома, не требующая доказательств. «Зри в корень», — говаривал Козьма Прутков, и я сейчас попытаюсь воззреть.

Украина, как дом, в котором мы живём, была богата и щедра. А вот управляющие этим домом жадны и воровиты, управляя кое-как, думали лишь о собственной выгоде, но никак не о домочадцах. Сторож в сговоре с управляющим, кухарка не стесняется использовать продукты по собственному усмотрению и на собственные нужды, садовник продаёт налево всё, что выросло, и даже дворник гребёт под себя. Разве дом виноват, что у него такая обслуга? Мало того, прислуга рассорила всю семью, умело манипулируя их разногласиями. Домочадцы страдают и вроде бы знают, что дело в прислуге, но сменив на другую, наступают на те же грабли. Дом опустел и захирел, домочадцы злы и голодны. Мало того, прислуга ещё науськивает домашних, чтобы те перебили друг друга. Неужели прислуга настолько глупа, что не думает о потере работы? Нет, просто они уже решили продать дом с молотка. Да, без ведома домашних и в обход всякому здравому смыслу.

Так я думал в начале мая 2014 года и был осмеян и забанен в Интернете, но разве я был не прав? Если бы Донбасс тогда не встал на свою защиту, разве его жители были бы свободны в выборе — лидера, языка, друзей, культурных ценностей, кого почитать и кем гордиться?

Суббота радовала хорошей погодой и надеждой на будущий урожай — сегодня мы будем дружно садить картошку. До войны считали, что проще купить, но уже который год выращиваем свою, даже земляной погреб пришлось восстанавливать для зимнего хранения.

Рано утром я отвёз в Донецкий национальный университет на подготови-

тельные журналистские курсы младшего сына, отсидел в офисе до обеда, принимая информацию от специалистов, желающих работать в Москве (всё-таки сработала моя маленькая рекламная компания на ТВ). Эх, мне бы здесь такую зарплату! Но Донецк — не Москва, у каждого города свои возможности и перспективы. Вот только война закончится, будут у нас свои возможности и перспективы. Народ наш талантлив, трудолюбив и предприимчив, помогать нам необязательно, главное — не мешайте. Даже сейчас, когда на линиях соприкосновений до сих пор нас пытаются «победить», мы продолжаем жить и работать: город чист и ухожен, дороги ремонтируют, выплаты денежной помощи пенсионерам производят регулярно, бюджетные места в высших школах формируют, трактора распахивают под посев поля, шахты добывают уголь, металлургию и машиностроение восстанавливают и т.д., и т.п.

Да, крестьянский труд — тяжёлое дело, пять часов с лопатой и граблями, а ведь это только начало посевных и посадочных работ, а потом ведь ещё полоть и окучивать, поливать и мульчировать, собирать жука, бороться с медведкой и проволочником... Но, несмотря на все затраченные тобой силы, земля вернёт всё сторицей, порадовав богатым урожаем. Жизнь на земле имеет явные преимущества в виде: свежих овощей и зелени, сорванных с собственной грядки; фруктов и ягод, собранных в тенистом саду; парного молока и свежего куриного яйца... Вот тогда приходит с усталостью удовлетворение от тяжёлого физического труда и чёткое понимание вечных человеческих ценностей. Ещё Марк Твен говорил: «Покупайте землю, её больше не производят». Как это верно! Мы все рождены и вскормлены землёй-матушкой, а придёт время — уйдём в неё. В Донецкой земле наши корни, наши предки, наша память и наша сила.

А в чём сила тех, кто пытается навязать Донбассу свои аморальные европейские ценности, двойные стандарты и псевдодемократию? Неужели, переписывая своё прошлое, отказываясь от памяти, разрушая собственную историю, возводя на пьедесталы сомнительных героев и убивая свой народ, новоделы рассчитывают на счастливое будущее? Кровь порождает кровь, ненависть и упадок. История неумолима к тем, кто попирает простые человеческие ценности — семью, веру, любовь, дружбу и сострадание. Говорят, что «жизнь прожить — не поле перейти». А вы попробуйте перейти вспаханное поле после дождя, когда каждый шаг тяжелее предыдущего, когда комья чернозёма, прилипая к ногам, заставляют задуматься о правильности выбранного направления. Попробуйте выстоять под ураганным ветром на мёртвой заснеженной дороге. Только сильный духом и уверенный в выбранном пути сможет добраться к заветной цели, манящей слабым светом в окне уютного дома. Легко рассуждать тем, кто с песней на устах праздно прогуливается по ромашковому полю, упиваясь солнцем и лёгким ласковым ветерком, освежающим в жаркий летний полдень. Завоёванное счастье всегда ценнее дарённого!

Воскресенье — это день подведения итогов короткого периода жизни, день осмысления пройденного и пережитого.

— А завтра будет воскресенье
надежд и чувств.
И ощущенья подарят смыслы и мечты,
построят для любви мосты...

Вот и настал мой день подведения неких итогов. Сегодня в воскресенье будет презентация моего сборника стихов «Ловец Ветра» — итог прожитых мною четырёх военных лет. Сегодня же мне вручат медаль «Доброволец Донбасса» от Московского Союза Советских офицеров. Мне — не воевавшему ни одного дня... В 2015-м году, когда мы с женой приехали на микрорайон проведать маму, в подъезде её дома я столкнулся с подозрительной ситуацией...

Лифт не работал, и мы поднимались на седьмой этаж пешком. У лифта третьего этажа лежал незнакомый крепкий молодой человек и изображал из себя

смертельно пьяного. Я попытался ему помочь, начал поднимать и тормошить, но он никак не реагировал. Сам в прошлом актёр, поэтому, как Станиславский, не поверил парню. У молодого человека с собой была только барсетка, в которой лежал бинт, йод и противошоковый укол, и это меня насторожило. Я завёл жену к маме, а сам вернулся на лестницу, парня на третьем этаже уже и след простыл. В мирное время я, наверное, так быстро бы не отреагировал, но сейчас, когда по жилому массиву, где живут мои близкие и друзья, периодически велись артобстрелы, быстро сообразил и начал действовать. Я выскочил из подъезда и заблокировал входную железную дверь. На моё счастье, микрорайон прочёсывал специальный отряд по борьбе с диверсантами, как оказалось, они засекли, на территории нашего квадрата домов, маячок для корректировки огня. Я подбежал к военным и рассказал им о подозрительной ситуации. Дальше всё происходило быстро и слаженно — спецгруппа вошла в подъезд и уже через десять минут вывела диверсионную группу из трёх человек, которые снимали на первом этаже нашего дома квартиру. Затем вынесли несколько спортивных сумок с оружием, взрывчаткой и маячками.

В 2014-м и 2015-м годах мы выживали не благодаря, а вопреки, на уровне инстинктов и интуиции. Думаете тяжело жить в экстренной ситуации? Нет, тяжело жить в ситуации ожидания экстренной ситуации, но и это нам оказалось по плечу. Думаете, что мы — особенные? Нет, мы такие же, как и вы, только очень хотим жить.

P.S. Я написал эту историю не для того, чтобы кому-то что-то доказать, а чтобы не стёрлись из памяти эпизоды и ощущения. Ведь память здорового человека устроена так, чтобы помнить только хорошее и забывать плохое, что когда-либо с ним происходило.

19 апреля 2019 года

Александр СИГИДА
г.Молодогвардейск-Атамановка, ЛНР

«Историк по образованию. Член Союза писателей России, ДНР и нескольких союзов писателей в ЛНР. В разное время занимался реализацией различных литературных проектов, среди которых ТО СТАН, журнал «Северский Донец», фестиваль «Муза Новороссии», альманах «Территория слова» и др. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе имени «Молодой гвардии», М. Матусовского, А. Куприна и др. Автор более 10 книг. Есть много творческих планов, над которыми необходимо работать упорнее».

ТАКИЕ ВОТ ОГУРЦЫ

Сквозь сон

* * *

«Надо мне идти», — просыпаясь, подумал Дед; посмотрел в окно — сереет, значит, около четырёх, — пора вставать. Вышел в огород — всё «колосится» — огурцы, помидоры, чеснок… Хотел подпушить землю на грядках — сыро. Растениям в этом году раздолье: дожди, даже грозовые ливни шли по несколько раз в неделю и поливать не надо; да, грозным выдалось лето 2014 года.

«Сегодня же съезжу в город, разузнаю, что там и как. Машина пусть стоит, поеду на троллейбусе», — решил Дед. Не спеша дошёл до остановки — «восемь ноль-ноль»; из-за поворота появился ярко-красный агрегат. «Вот дела: война-войной, а транспорт работает по расписанию».

* * *

В военкомате его встретила необычная суета-толкотня. Сообразительный Дед направился прямо в «кадры». За столом сидел плотно сбитый капитан. Оторвавшись от бумаг, он пристально посмотрел на посетителя:

— По какому вопросу, товарищ?

— В ополчение пришёл записываться.

Капитан по-доброму ухмыльнулся и спросил:

— А сколько вам лет, уважаемый? — Пятьдесят восемь.

— Поздновато воевать собрались.

— Вы мне только автомат дайте, а там посмотрим.

— От молодых отбою нет, а тут вы ещё…

— У меня сына убило, — перебил Дед, — и внук с зятем на фронте.

— Сын воевал?

— Нет, водителем был. Может слышали, в Городке станцию «скорой помощи» минами накрыло, так его прямо в дверях… Две недели как похоронили.

— Слышал… Ладно, Дед, что-нибудь придумаем; приходи завтра с утра. А что, Дед? — будешь настоящим Дедом – вот тебе и позывной.

Дома новобранец вытащил весь «сельскохозяйственный» камуфляж; выбрал, что попрочнее — натовский — вот и пригодился.

* * *

Ночью снова была гроза. И обстрелы. Били из «градов»: не дай вам Бог попасть под перекрёстный огонь. Рано утром Дед отправился осматривать свои владения, хотел «поговорить» с рассадой: «Всё, ребята, уходит ваш хозяин на войну, а вы тут сами смотрите, молитесь Господу, чтобы помогал вам с водой…»

* * *

Всю дорогу в голове навязчиво звучала песня Натальи Медведевой «Поедем на войну».

В военкомат добрался быстро — «по расписанию», но оттуда его направили в областной центр — «пусть там решают». Дед вышел на дорогу — пусто; вдруг из-за поворота выскочил до боли знакомый медицинский уазик «ОЗ». Чуть сердце не выскочило… За рулём напарник сына — Сашка, заметил — остановился:

— Привет, Дед, ты куда собрался — на дачу?

— На войну…

— Ну ты даёшь!

Над асфальтом повисла неопределённая, тяжёлая пауза.

— А ты куда летишь, Санёк?

— В областную больницу медикаменты везу — гуманитарная помощь.

— Говорят, туда не проехать…

— Прорвёмся, — твёрдо сказал шофёр.

— Меня подбросишь?

— Куда?

— В военкомат.

— Разгрузимся и доставлю, там же рядом.

* * *

По просёлочным шляхам, полями, с горем пополам добрались до областного центра: вот и разбитый указатель — «ЛУГ…».

Перед самым городом Санёк вырвался на трассу и по пустому шоссе лихо проскочил на Медгородок. Там его с радостью встретили — медикаментов катастрофически не хватало. Дед помогал разгружать коробки с лекарствами. Оставалось совсем немного, когда у санпропускника, противно визжа тормозами, остановилась еще одна «скорая». Внезапно из неё выпрыгнул взъерошенный молоденький фельдшер и на ходу приказал:

— Старик, ну что ты стоишь?! Принимай носилки!

Так Дед заделался санитаром.

* * *

Целый день он работал на пару с медсестричкой Татьяной: носилки, шприцы, капельницы, кровь, грязь, стоны, смрад… Они таскали носилки с этажа на этаж: лифт не работал; принимали раненых: «тяжёлых» на каталке сразу везли в операционную, а после определяли их в реанимационное отделение; потом распределяли по палатам контуженных и «лёгких».

Облбольница — это девать этажей. «Вот где настоящий ад, — понял Дед, – такая вот «Божественная комедия…»

Таня — обычная уставшая тридцатилетняя женщина: бледная, белокурая, в измятом застиранном халатике, но всё равно в ней ощущалась сила, свежесть и чистота… А как она ухаживала за ранеными: с теплотой уговаривала их успокоиться, расспрашивала о родителях, о детях, напоминала отчаявшимся, что их любят и ждут — в любом случае. «Таня, Танечка, Танюша…» — доносилось из разных палат.

Татьяна крутилась как заводная: тут укольчик поставит, там перевязку сделает; а ещё каталки-носилки… Дед помогал, чем мог: подавал бинты, бегал за шприцами-ампулами, добывал воду… «Быстро вы освоились», — улыбалась Таня. Дед смущался.

* * *

Ближе к вечеру появилась свободная минутка или, скорее всего, передышка.

— Дядь Юр, может, пойдём пообедаем? — там девчата в подвале картошки наварили, — Таня замялась, — только на «сухую» есть не хочется…

— Что ты, дочка, меня стесняешься? Так я ко всему привычный.

«Интересно, что у них там — спирт или водка?» – промелькнула шальная мысль.

— Вот и у меня нос зачесался.

— Да вы что, дядь Юр?! У нас «этого» нельзя, строго… Тут рядом дачи заброшенные, так я хотела за огурчиками сбегать, укропа нарвать.

— Огурчики — это хорошо, у меня на огороде сто пятьдесят кустов осталось… Куда ж ты их положишь — в карманы?

— Да вот, косынку в узелок завяжу; так я побежала?

— Беги, родная…

* * *

Через минуту в распахнутую настежь дверь вылетела разгорячённая операционная медсестра и то ли провыла, то ли прокричала:

— Срочно нужна кровь для переливания!

— Моя подойдёт? — неожиданно для самого себя спросил Дед.

— Конечно, давайте, только быстрей!

Дед никогда раньше кровь не сдавал. Не то, чтобы боялся, но сама процедура напрягала: толстые шприцы, тонкие вены, приторные больничные запахи, то да сё…

* * *

Через полчаса Дед вышел на свежий воздух — голова кружилась, его слегка подташнивало. «Похудел сразу на четыреста граммов», — с гордостью подумал он.

Возле входа в подвал стояли свободные от дежурства девчата — медсестрички, они сбились в кучку и плакали. Обстрел прекратился и стало тише. Дед уловил желанный запах разваренной молодой картошки и поплёлся ему навстречу — очень хотелось есть и пить. Его немного покачивало, в глазах стоял туман, и он двигался наугад к белому облаку.

— А где Татьяна? — спросил Дед, подойдя к девушкам в белых халатах.

— Нет больше Тани, – сдавленным голосом произнесла одна из них, — она на дачи побежала, а тут «укропы» начали обстрел из аэропорта, там её прямым попаданием… Вот, всё что осталось…

В руке она держала беленькую косынку, пропитанную каплями крови.

— А я тут донором стал, – прохрипел Дед, — земля ей пухом…

Старик не сдержался и заплакал.

Такие вот «огурцы».

Было много ужасных подробностей, но описать их невозможно — не поднимается рука: слишком тяжело — страшно, больно, жутко…

Примерно через год, на майские праздники, Дед вырвался на неделю домой. Попытался привести в порядок огород, но ни сил, ни времени не хватило. «Ох, дети-дети, и помочь некому…».

По всему саду разбежались белоснежные вишнёвые деревца. Дед окинул их пытливым взглядом, выбрал самую стройную и нарядную, подошёл к ней и нежно погладил ладонью гладкую кору вишенки:

— Танюша, — ласково назвал её Юрий Михайлович.

Из цикла «ВМЕСТО РЕПОРТАЖА»

(под обстрелом)
громы побили все нормы —
ради каких-то наград…
(рвутся снаряды и бомбы —
это работает «град»)
злые хозяева рады — раб добивает раба…
(воют собаки да бабы, и догорают хлеба)
мины-патроны-гранаты ревом пугают ворон
(лезут поганые гады танками
с разных сторон)
взрывы и справа, и слева;
(или — ну — все-таки гром?)
(если расколется древо,
рухнет заброшенный дом)

строчки из старой анкеты
или лихая судьба?
(лишь полевые букеты
да пулевая стрельба)
На рассвете 4-30 (04.VII. 2014)

5 июля 2014
режет морозом по коже
музыка ржавых петель;
(сделался фразой расхожей
список немирных потерь)

лица соседей суровы —
тут по-другому нельзя;
(дети, родители, вдовы
да ополченцы-друзья…)
слёзы смахнули подруги —
нервы запели струной;
<за боевые заслуги
перед родной стороной>

6 июля 2014
это не игрушки и давно не сон…
(потянулись пушки через Краснодон)

душу рвет на части евро-гуманист…
(обстреляли Счастье —
прут на Металлист)

опустел поселок — побежал народ
(залетел осколок камнем в огород)

* * *
не заходите — не заходите...
(да откуда нам знать где вход?!)
неказистое время ходики
отмеряют который год

убывают минуты кроткие
лихолетие исчерпав;
(разговоры пошли короткие:
«кто при должности — тот и прав»)

жизнь вместилась в одно мгновение:
все свершения — на весы;
начинаем терять терпение
потеряв минуты-часы

проходимцы без роду-племени
заурядного ждут суда;
заводная коробка времени
водит стрелки туда-сюда

отмеряет эпохи важные
и зовёт к перемене мест;
а на окнах ленты бумажные
по-андреевски крест-накре́ст
5.II. 2015

В РАЗВИТИИ
*
сразу после перемирия появляется тревога
(имя, отчество, фамилия и рождение —
от Бога)

обсуждая направление позывные
зря трепали;
жизнь связали с отправлением
и потерями в Дебали...

появилась дата точная
в пояснительной записке;
отзовётся имя строчкою
на печальном обелиске
*
вместо мира — только видимость:
обостряются угрозы;
добивает «независимость»
и февральские морозы

можно сделать заявление
о возможности прорыва
(потеряли управление —
откликаются уныло...)

неуёмный ветер-бестия гонит
бедствия и холод;
безотрадные известия опускаются
на город
14.II. 2015

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО
*
раскалились трубки от шальных вестей
— «это — мясорубки» —
(две из областей...)

тыловые части брошены в расход —
(образец несчастья — сорок первый год)

на пути составов никаких преград;
(через год оставят Ворошиловград...)
*
пробую на месте подобрать слова...
(от дурных известий кругом голова)

как заворожили — планы кувырком;
(где наш Ворошилов — боевой нарком?)
вылезли из грязи взявшись за булат
(Краснодон на связи или Сталинград?)
*
думал — безвозвратно канула звезда...
(но туда — обратно ходят поезда)

на восток — на север выведут пути?
(суета осела где-то впереди)

ваш вагон товарный или прицепной?
(будут и победы но какой ценой...)
27.V. 2015

ВМЕСТО УТРЕННИХ НОВОСТЕЙ
если нас не теребить никого не тронем...
нас пытаются убить —
(то горим, то тонем)

то разбойник-соловей,
то француз, то шляхта...
самых лучших сыновей забирала шахта

то татарин, то поляк, то лихие немцы...
в древнерусские поля вышли ополченцы:

поднимается народ на святую битву;
(с сентября закрыт завод);
Бог забрал молитву...

к потерпевшим небесам обращаем лица;
верю — солнечным часам не остановиться.
21-22.VII. 2015

ИЗ ПЕПЛА
*
возмущаемся если... из-за каверзных снов
(эта встреча как песня и не выкинешь слов)
кой-какие мыслишки
зачеркнуть крест на крест
(записные излишки не вмещаются в текст)
самодельные путы замечать не хотим
(перепутали люди интернет и интим)
*
тонут в запахе хвои улетая года
(очевидные хвори принесли холода)
сам хлебнул бы цикуты,
если б знал наперёд...
(жизнь как эти минуты
слишком быстро идёт)
до студёного пота пробирает ходьба
(наши встречи — работа;
если хочешь — судьба)
*
лучше пусть мелодрамы заполняют эфир
(голубые экраны закипят как чифир)
раньше спор на удачу да лото-домино...
(посмотрел передачу про немое кино)
неземные помехи или просто рябит?
лихо скачут морпехи по стране пирамид
ночь. 14/15.XI. 2015

ПЕРВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ. ЭПИЗОД
*
...чуем как юзовский уголь
нужен французским судам;
с фронта Донбасс — Мариуполь
слухи доносятся к нам
рушатся замки утопий
через войну потому
из достоверных подобий
знаем по прежнему у

власти — европа с рогами —
это уже не секрет;
(станут герои врагами
и не поможет совет...)
*
дали заплёванный пряник
и романтический кнут;
(сядут на новый «титаник» —
если сюда заплывут)

лупят холопы друг друга —
силятся взять на испуг;
(всё начинается с Луга...)
помыслы тянут на юг

даты запишут подробно
и заведут — «как-то раз...»
(...будет навеки свободно
Сердце России — Донбасс)
2015

ЯНВАРЬ 2014
писала британская «дейли»
что право имеет народ...
(вовсю разливают коктейли;
булыжники — в наш огород)

леваду и крайние хаты
пока что не тронул пожар;
(на западе — можно — захваты...
а нам через тряпку дышать?!)

все слушали странную верку...
(судачили с разных сторон)
стоит без движения «беркут»
прикрыв безоружный «омон»
5.VII. 2016

НЕ О ТОМ...
(от войны гражданской избавленья нет...)
где-то под Должанкой затерялся след

остаются внуки — дети без отца;
ищем в интернете — не найдем конца...
...вспомнит проигравший
и прольётся свет...

«без вести пропавший» —
вот и весь ответ
7.VII. 2016

НЕ СПИШЕТСЯ...
отвечу резко трепачам —
помогут сын и брат;
(а он воюет по ночам:
«...в дивизию — комбат!»)

у вас «динамо» и «зенит»
«аквариум» «любэ»;
а он до старости хранит
бэ/ушное хэ/бэ
никто не спишет груз потерь
— приедь — спроси у нас;
какая разница теперь
Афган или Донбасс?

но предпочтительней куда
подсчитывать ворон;
(у добровольца есть всегда
заныканный патрон)
3.IX. 2016

* * *

избыток совести пылал сознанием вины;
а вас никто не посылал... подальше...
от войны?

трус ищет выход запасной
в спасительной тиши;
а аналитик записной докладывать спешит

когда земля по швам трещит,
уместна вертикаль?
тут и оружие, и щит, и басня, и мораль
хвала нагрянувшим в Донбасс!
(такое вот кино...)
излишек сорома угас в загашнике давно
3.IX. 2016

КАДРЫ
«коллеги» снимают затылки
один —умудрился — в упор:
бензин разливают в бутылки
(заносят над миром топор...)

не ведают цели и страха?
не знают, чем пахнет конец?
готова кровавая плаха
(домой не вернулся юнец...)

гудит на Крещатике улей —
запали на западный мёд;
со свистом проносятся пули
и падают трупы на лёд
10.XII. 2016

СМЫСЛ СУЩЕСТВОВАНИЯ
*
От войны с разрухой мысли набекрень;
Повторяют слухи все, кому не лень.

От тревожных звуков боже упаси…
За детей и внуков — «иже… небеси…»

Вот уже три года кругом голова;
Надо для подхода подобрать слова.
*
Все хотели мира для своих внучат?
Взбунтовалась лира — пушки не молчат!

Отгрохочут войны и наступит срок…
Нас втянули в бойню — вот и весь урок.

Чьи земля и небо? — это не вопрос;
Молоком и хлебом стал для нас овёс.
*
Нам назло угрозе каяться в грехах?
Есть ответы в прозе? — Истина в стихах!

Всякие делишки оставляют след;
Издаются книжки — значит,
есть просвет!

Гонят в катакомбы — сушим сухари;
Наши книги — бомбы! — и не говори…
14.V. 2016

Виктор МОСТОВОЙ

г.Стаханов, ЛНР — г.Москва, РФ

Родился 10 марта 1952 года на Донбассе, в городе Стаханов Луганской области. Около 20 лет отдал шахтерскому труду, совмещая работу с творчеством.

В 1993 году был принят в Союз писателей СССР. Один из основателей Межрегионального Союза писателей. Более 40 лет руководил городским литературным объединением «Стахановец».

Выпустил 15 поэтических сборников; лауреат многих Международных поэтических конкурсов и фестивалей.

В 2014-2015 г.г. вместе со своими земляками пережил весь ужас обстрелов, бомбёжек, гибели мирных жителей на Донбассе. С 2015 года живет и работает в Москве. Член Союза писателей России.

* * *

Когда терзает жизнь в запале диком,
И я терплю — не изойти бы криком,
И чтобы скрыть, как корчусь я от боли,
Скорей от всех я убегаю в поле.
Я окунуть спешу в траву колени,
В ромашках утонуть, как в белой пене,
И, ощутив всем телом боль земную,
Цветам доверить голову седую.

ДОНБАССУ

1

Солнце, в речке дробясь,
Серебром растекалось,
И смывал в ней усталость
Терриконный Донбасс.

Много силушки в нём,
В нашем батьке родимом —
Не развеялась дымом
Память славных времён!

Его поступь крепка,
В седине он ковыльной,
Своей мощью глубинной
Ещё даст уголька!

2

Извела боль тупая —
Хоть ложись — помирай:
Бандюки-раздолбаи
Разорили мой край.

Защитить не смогли мы
Свой Донбасс и свой кров.
Давит камень могильный
На судьбу горняков.

Боже, крест твой целую,
В думах ночи и дни —
Жизнь и славу былую
Ты Донбассу верни!

* * *

Что меня ждёт — я не ведаю —
Там, за небесной чертой,
Дух ощущаю святой
И по ночам с ним беседую.

Грешною тенью бреду
И спотыкаюсь я сослепу.
Внёс ли я в мир доброту,
Сердца кристальные россыпи?

* * *

Украина, жила ты и не́ жила,
Вся в обводах цветущего вереска.
Украина, ты раною свежею
Кровоточишь от пули бандеровской.

Разгулялась кровавая оргия!
Но, чтоб разум из добрых рос зернышек,
Станем яростно с корнем выдергивать
ПСов смердящих и мерзких змеёнышей.

11 мая 2014

**ПС – Правый сектор, нацистская организация на Украине*

ВОЙНА

1

У нас не гостит тишина,
Живём мы под грохот орудий:
То вздрогнет от страха жена,
То жмётся к ногам моим пудель.

А осень, бомбёжки боясь,
Дрожа и сутулясь, — о Господи! —
Бредёт сквозь блокадный Донбасс,
Сквозь пепла и копоти осыпи…

2

Всю ночь громыхали залпы
И эхом об окна бились.
Деревья под снегом зябли,
Глаза фонарей слезились.

А утром затихли обстрелы,
И люди, кто выжил и спасся,
На смерть и руины смотрели
Разгневанным взором Донбасса.

3

Обстрелы затихнут едва ли:
Грохочет и ночью, и днём,
И слышим мы, прячась в подвале,
Как ходит земля ходуном.

И вздрагивал дом, и над всеми
Под треском бетонных плит
Повис тяжкий груз потрясений
И плачущий шёпот молитв.

4

Стоял я, а ноги, как гири,
И в кровь искусал губу.
Отец, тебе легче в могиле,
Намного спокойней в гробу.

Тебя убаюкала вечность.
Не знаешь ты, сном тем объят,
Что снова беснуется нечисть
Нацистско-бандеровских банд.

Теперь ты общаешься с Богом,
Но было, что в юность твою
Ворвалась фашистская погань —
Её победил ты в бою.

И мы победим — будь уверен —
Шахтёрскую землю спасём!
Пришёл к монументу я в сквере,
Склонился над вечным огнём.

Ноябрь 2014 – февраль 2015 г.

* * *

Я в метро проплыл на эскалаторе
И легко запрыгнул в электричку,
Ну а вышел, где певцы крылатые
Затевали в соснах перекличку,
Где тропу прохладой ветер выстелил,
Где рассветный лес и свеж, и ясен.
Тихо как! Ни взрывов и ни выстрелов,
И не веришь, что война в Донбассе.

16 апреля 2015 г.

* * *

И снова день лесной прогулкой начат.
Иду по тропке, в думы углубясь.
Какое всё же счастье внучку нянчить,
И только боль пронзает за Донбасс.

По небу растечётся туча-клякса,
И пустятся дождинки скоро в пляс.
И в радость внучку мне катать в коляске,
Но больно, что война пришла в Донбасс.

У внучки взгляд и нежный, и счастливый.
О, дай ей, Бог, на мир светло смотреть!
А там, в Донбассе, выстрелы и взрывы,
И в чьи-то двери вновь стучится смерть…

21 июня 2015 г.

* * *

Я Родину свою не предал,
Не превращал Донбасс в руины.
Не скоро я домой приеду…
Нет больше в сердце Украины.

Нас власти оградили стенкой,
Смертельное устроив шоу.
Была мне Украина ненькой,
А стала стороной чужою.

25 июля 2015 г.

* * *

Лютуют «незалежны» и «свидомы»,
Несут и смерть, и слёзы артобстрелы.
Взошла заря, платок накинув вдовий,
И на Донбасс сквозь чёрный дым смотрела.

Мой край, ты искалечен и изранен,
Земля моя в воронках и осколках,
Но выстоит Донбасс, и утром ранним
Взойдёт светло и улыбнётся зорька!

8 января 2016 г.

* * *

Мы стали невозможными,
Мы слишком злыми стали —
Ограждены таможнями
И сжаты блокпостами.

Стоим средь мглистой роздыми
С холодными глазами —
Загружены погостами
И сдавлены крестами…

25 марта 2016 г.

* * *

Из горла лишь хриплое бульканье,
И крик захлебнулся в крови…
Дома и деревья обуглены,
И стены снаряд раскроил.

Снег в красных растёкшихся лужицах,
И пахнет горелой зарёй,
И, глядя на все эти ужасы,
Смерть скалится чёрной дырой.

5 февраля 2017 г.

* * *

Хорошо стоять и слушать
Бой часов у стен Кремля,
Но изводит болью душу
Мне шахтёрская земля.

Ветер утренний и свежий
Знобко трогает меня,
А в Донбассе так зловеще
Смотрит смерть из-под огня.

И уже не бой курантов
Полнит площадь торжеством —
Слышится разрыв снарядов
Вдалеке, в краю родном.

3 мая 2017 г.

* * *

Мой Донбасс, где я вырос,
Где судьба с корнем вырвана,
Вновь под пулями Кировск,
И Стаханов, и Ирмино.

Пусть затишье в Алчевске,
Но в Алмазной грохочет.
Жить бы всем честь по чести,
Но стрельба дни и ночи.

Рот скривив, скаля зубы,
Давит зло на гашетку.
Знаю, лес когда рубят,
Разлетаются щепки.

Мы найдём в себе силы —
Тяжкий груз с сердца снимем.
Украина — Россия,
И Донбасс между ними.

12 июня 2017 г.

* * *

Край шахтёрский в кровавых зарубках,
И от взрывов трещат перепонки.
Люди брошены в мясорубку,
Смерть заглядывает в воронки.

И осколками тополь посечен.
Не стихают обстрелы в Донбассе.
Но зажглись на каштанах свечи —
Их взрывная волна не погасит.

5 мая 2018 г.

* * *

Из орудия бахают
С перерывами.
Вот и поле распахано
Взрывами.

Эта площадь изрыта
Воронками.
И судьба с толку сбита
Похоронками.

Мой Донбасс, батька любый,
Не срубить твои корни.
Ты стоишь, стиснув зубы,
Гордый и непокорный.

27 мая 2019 г.

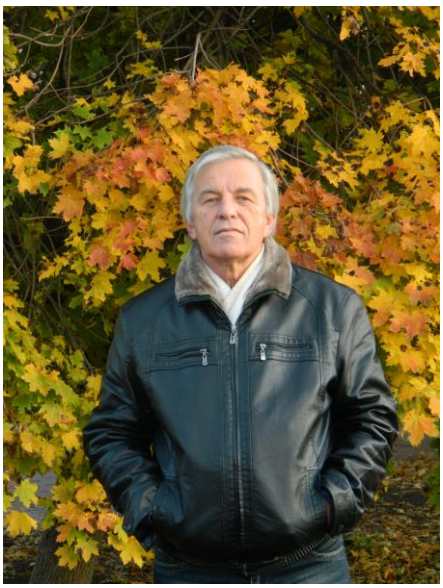
* * *

Вновь стрельба, леденящая душу.
Вот зверьё — эти укронацисты.
Но в саду, там где дом был разрушен,
И тюльпаны цветут, и нарциссы.

А снаряд просвистит и, взрываясь,
Всё живое осколками косит,
Но в саду, по весне распускаясь,
Расцветают опять абрикосы.

От обстрелов деревья в обрубках —
Не уймутся потомки Бандеры,
Но целуются голубь с голубкой
У воронки дымящейся в сквере.

Сергей КРИВОНОС
г. Сватово, ЛНР



Член союза писателей Украины, Международного сообщества писательских союзов, Межрегионального союза писателей, автор 16 поэтических сборников.

Лауреат Международной литературной премии им. Сергея Есенина (Союз писателей России), литературной премии им. Николая Ушакова (Национальный союз писателей Украины), литературных премий имени Михаила Матусовского, Владимира Даля, Бориса Гринченко, Татьяны Снежиной (Межрегиональный союз писателей).

Победитель и призер многих международных литературных конкурсов и фестивалей.

* * *

...И нет суетливым сомненьям числа,
Ведь в жизни то косо, то криво.
Вновь трещина через эпоху прошла
И стала страна над обрывом.

Неужто оборвана памяти нить,
Неужто всё стало несвято?
Но нам надо выстоять и победить,
Как наши отцы в сорок пятом!

2014 г.

* * *

Сдвинулось время, а может
сместилось пространство,
То ли запутался, то ли запуган народ,
Предана память, история,
предано братство,
Кто вышиванку не носит — тот не патриот.

Всюду доносы, допросы, запреты, наветы,
Словно бы символы жизни, —
раздор и разбой,
И превращен год пятнадцатый нового века
В прошлого века
погибельный тридцать седьмой.

2015 г.

* * *

«В Европе будет сказка», —
лгали хвастовито,
Но «сказочность», увы, лишь в том видна,
Что, как старуха у разбитого корыта,
Стоит страна.

2020 г.

НОВЫЙ МОИСЕЙ

Среди толпы взволнованных людей
Вертлявый появился Моисей
С повадками причудливыми клоуна.
«Я знаю к счастью верную тропу», —
Промолвил бодро и повел толпу,
С уверенностью лживо-непреклонною.

Не встретилось обещанных чудес,
«Хотя бы манну Бог послал с небес, —
Промолвил старец, изможденный голодом, —
Похоже, сам не знает Моисей,
Куда вести измученных людей,
Ну, что сказать — и зелено, и молодо».

А Моисей уверовал — над ним
Сияет неспроста священный нимб,
Удачливо судьбою предназначенный.
Но люди присмотрелись — всё не так,
Над Моисеем — шутовской колпак,
А это знак того, что их вожак
Шутить способен лишь да околпачивать.

2019 г.

* * *

И любимых порой ненавидят. Бывает, они
Предают безрассудно, не глядя
в глаза виновато.
Так и я ненавижу Отчизну в печальные дни
Рокового разгула доносов,
убийств и предательств.

О победах мифических громко
в фанфары трубят,
На обломках разрушенной памяти
радостно скачут.

Ненавижу такую страну, ненавижу, любя,
Но живу и надеюсь, что скоро
всё будет иначе.

Я в державу впадаю, как будто река в океан,
И пронзают меня в сердце Родины
бьющие грозы.
Но она славит тех, кто вели
в Бабий Яр киевлян,
Кто людей разрывал, привязав их
за ноги к березам.

И по Киеву движется черной толпою беда,
Рассекают покой устращающе
отблески свастик,
Прогибается с болью под нею
брусчатка тогда
И мучительно стонет ослепший
от свастик Крещатик.

Да, любимые могут предать и пойти по рукам,
Ими, что там скрывать, был не раз я
по жизни обижен.
Но Отчизны своей никогда не предам,
не продам
И поэтому ныне так сильно ее ненавижу.
2021 г.

* * *

Ни с моря погоды, ни манны с неба
Не ждали. Но, веря в успех,
Мы даже и летом жили под снегом,
И нас не щадил этот снег.

Да, это была пора выживанья.
Меж вьюг, бушевавших окрест,
Мелькание виделось вышиванок
С тавром зловещим «СС».

А снег превращался в льдистую горку,
И всё же цветы весны
Пробили весьма пожелтевшую корку
С оттенком голубизны.

В цветах весенних — мажорная сила,
Своя, неизбывная, прыть,
И красное вместе с белым и синим
Затмило «жовтоблакить».
2022 г.

* * *

Опять сегодня небо всем прохожим
Взглянуло доверительно в глаза.
И показалось — что-то Бог сказал…
А нелегко осилить слово Божье.

Послышались стихи. А в них тревога,
Печаль и радость, осень и весна.
Что на земле, что наверху у Бога
Поэзия, наверное, одна.

Мне вспомнились шаги через запреты,
В стихи перераставшие грехи.
Стихи всегда значительней поэта,
Когда они действительно стихи.

Я думал о тебе. О днях беспечных,
Возвышенных судьбою и тобой.
Любовь всегда сильней сомнений вечных,
Когда она действительно любовь.

Еще не раз встречаться, расставаться,
Быть злым и добрым, трезвым и хмельным,
Но все-таки дано объединяться
Стихам небесным и стихам земным.

И где бы ни был, не скитался где бы,
О чем я не мечтал бы,
позарез
Мне нужен взгляд распахнутого неба,
Как во Христа поверившему — крест.

* * *

У лета я дожди уворовал,
На улицах и в парках стало сухо.
«Такая с урожаем невезуха, —
Кричит сосед, — ты мне бы их отдал».

Несу дожди. А над крыльцом моим
Застыла радуга. И весел вновь поселок.
И лучше быть промокшим, но веселым,
Чем грустным и безжизненно сухим.

Улыбками наполнив тишину,
Прохожих дружно посветлели лица.
А воровство, конечно, мне простится,
Поскольку вскоре я дожди верну.

Синоптик мне:
— Что, снова баловство?

Недавно ветер ты украл умело…
— Да мне помочь соседу захотелось,
Вот и решился вновь на воровство.

Повсюду сушь, а надо мной — вода,
Сейчас, как говорится, не до скуки…
Сосед довольно потирает руки,
И солнце светит так, как никогда.

* * *

На базаре время продают,
Очередь — сто метров, даже больше,
Ведь хотя бы парочку минут
Людям хочется пожить подольше.

Сзади раздаются голоса
Тех, кого взяла за горло старость:
— В руки максимально — три часа,
Чтобы всем желающим досталось.

Площадь громких выкриков полна,
Время стало самой главной целью.
Есть теперь солидная цена
У того, что, в общем-то, бесценно.

И правы, выходит, мудрецы:
Время — деньги. Что не так, скажите?
Никакой на свете дефицит
Не сравнится с жизни дефицитом.

А толпа шумит, толпа кипит,
Становясь все больше бесноватой.
— Время юности нельзя купить?
— Можно, но с увесистой доплатой.

— Ну, а детство? Цену назови…
— Станет кошелек опустошенным.
— А почем, — кричат, — пора любви?
— Точно, что не купишь по дешевке.

Прибывает на базар народ.
Время продают! Пока без драки…
Я и сам купить его не прочь,
Нет на это времени, однако.

* * *

Были море, причалы и скалы,
То хлестали ветра, то ласкали,
Были волны, и не волновала
Молва.

А ночами ворчали печали,
Но печалей мы не замечали,
Величавые нас обручали
Слова.

Лето в Лету готовилось кануть,
Многоводна она постоянно.
И промолвил сосед, у фонтанов
Бродя:
«Вы такие наивно простые,
Вы свое, дай-то Бог, отгрустили,
Вы давно бы друг друга простили,
Друзья».

Ты глядела в глаза нефальшиво,
Ты была горделиво красивой
И счастливой среди прихотливых
Красот.
И к тебе, вопреки всем запретам,
Полевая тропинка из лета,
Не великого пусть, но поэта,
Ведет.

И на стыке отчаянных криков,
Там, где нету толпы многоликой,
Где твои, что под цвет ежевики,
Глаза,
На просторе, где поле, где воля
И где нет ни печали, ни боли,
Предстоит одинокие доли
Связать.

* * *

Я в дом вхожу… камин… накидки скромные…
Кровать… Во всем заметна экономия…
Хозяйка не спешит разжечь огонь.
И начинает мне про жизнь рассказывать,
В которой — нищеты однообразие,
Хоть выйди на крыльцо и волком вой.

Муж, в общем-то, прилично зарабатывал,
Прилично также выпивал и матами
Ее привычно крыл. И вот беда —
Он, обмывая грамоту почетную,
Напился как-то в дрободан, до чертиков,
Уснул и, оказалось, — навсегда.

Теперь никто не материт сердечную,
А на душе мучительно по-прежнему —
Над каждою копейкою дрожит:

Была сиделкой, трудная профессия,
Но дали оскорбительную пенсию,
С которой только впроголодь и жить.

Скребется мышь в углу холодной комнаты,
Но что тут огорчаться? Хоть какое-то
Живое обитает существо.
«Я с мышью, — объясняет мне, —
беседую,
Когда живешь одна, кому посетовать
На горькое-прегорькое вдовство?»

И я помог, чем смог, хозяйке старенькой
В неброском доме, бедами обставленном,
Где столько неуюта и тревог.
Чинил, носил, ворочал и морочился,
Но в доме было столько одиночества,
Что я его преодолеть не смог.

* * *

— Не пойти ли в иуды, Пилат?
— Ни к чему это. Будет беда.
Пусть хоть сотни в иуды хотят,
А Христос — он один навсегда.

Лучше буду я в кресле скучать,
Побеждать неуступчивый страх...
— Тридцать сребреников получать,
Не пилатовский, видно, размах?

Всюду войны. И кости хрустят.
Поразмысли, суть дела проста:
Чтоб прославиться, нужен пустяк —
В нужный час указать на Христа.

* * *

Уехали из дома сыновья
И возвратятся, видимо, не скоро.
Старушка-мать под сгорбленным забором
Стоит, платочек грустно теребя.

Заржавел в хворост брошенный топор,
В хлеву мычит голодная корова.
Усыпанный разбросанной половой
Похожим стал на свалку старый двор.

Кого дождешься по такой поре?
Дождь всех прохожих вымочил до нитки.
И так скрипит раскрытая калитка,
Как будто кто-то плачет во дворе.

ВОСПОМИНАНИЕ

У нас, мальцов, задумчивые лица —
Отец рассказ закончил про войну.
И я вдруг прерываю тишину:
«Скажи, а часто убивал ты фрицев?»

Нас,
слушавших рассказ,
всего лишь двое
И это мне покоя не дает,
Ведь так охота всем наперечет
Рассказывать, что был отец героем.

Но в комнате внезапно стало тише,
И за окошком шумный вечер сник...
Молчание о смерти — это крик.
Лишь повзрослев, я этот крик услышал.

* * *

А мой отец лишь для добра и жил,
Ни славы не имея, ни достатка,
Ни той напористо-когтистой хватки,
Что есть у современных воротил.

А вот сейчас — не выйти за порог:
Как будто все невзгоды возвратились,
И боли долгих фронтовых дорог
В натруженных ногах соединились.

«Жить для добра, наверное, старо, —
Согревшись у печи, отец вздыхает, —
Необходимо ли сейчас добро,
Когда его, как будто мяч, пинают?

Дожить бы до еще одной весны,
Но почему-то по ночам нередко
Смоленский лес, расталкивая сны,
Стучит в окно простреленною веткой».

* * *

Васильковое поле. Тропинка.
И ветер шершавый.
Паутинка сединки тревожно
дрожит на виске.
И ползет муравей
по своей муравьиной державе,
А потом по моей утомленной работой руке.

Отчего ж ты, храбрец-муравей,
так беспечно рискуешь,

Вот укусишь меня, и прихлопну тебя сгоряча.
И никто не заметит такую
потерю простую,
Нам ли, людям большим,
небольших муравьев замечать?

Вот укусишь, и кончится сразу же
век твой недолгий.
Страшный зверь — человек,
но тебе, видно, страх не знаком,
И толкает вперед вечный
зов муравьиного долга,
Без которого не был бы ты никогда муравьем.

Люди тоже чуть-чуть муравьи
на огромной планете —
Мы вгрызаемся в мир,
в суете бесконечной живем.
Посреди васильков, посреди
скоротечного лета,
Понимаешь, что жизнь —
изначальное счастье твое.

Вот пополз и второй муравей,
презирая опасность,
По уставшей руке. И подумалось
грустно сейчас,
Что среди муравьев
есть какое-то крепкое братство,
А вот нету такого же братства, увы, среди нас.

Каждый сам по себе
посредине занудного быта,
Каждый сам по себе,
оттого и на сердце тоска.
Есть среди муравьев
единящие накрепко нити,
Ну, а нам единящие нити веками искать.

Поле. Небо. Заря.
Запах скошенных трав освежает.
Золотится простор.
Снова щелкнул вдали соловей.
И ползет муравей
по своей муравьиной державе,
И не знает, что он —
лишь частичка державы моей.

* * *

В час, когда дожди шагами шаткими
Скучно-скучно ходят у порога,
Я хочу быть доброю лошадкою,
Чтобы с внуком поиграть немного.

На спине возить его по комнатам,
Оживляя всех захожих взгляды.
Мне не надо бить о пол подковами
И овса, конечно же, не надо.

Отложив до вечера поэзию,
Словно конь по полю командира,
Повезу веселого наездника
По полу двухкомнатной квартиры.

И в атаку кинемся бесстрашно мы,
Зарумянятся в азарте лица.
А потом наездник мне, уставшему,
Из ладошек даст воды напиться.

* * *

Я к детству возвращаюсь снова,
Как будто к речке за селом,
И вижу рыжую корову,
Что пахнет теплым молоком.

Цветы рассыпав, словно крошки,
Сидит соседка на бугре,
А мы гуляем: я и кошка,
Нам хорошо на пустыре.

Лежит довольная корова,
Пчела кружится у цветка.
И так нам хочется парного
Из новой чашки молока.

И через броды-огороды
К знакомой тетке побыстрей
Вдвоем за молоком подходим,
Сначала кошка, я — за ней.

* * *

Стихи мои, взлетите выше в небо
И навестите дальние края.
Я в тех краях ни разу, может, не был,
Но люди там такие же, как я.

Взлетите, и кому-то станьте другом.
В полете будьте плавны и легки,
Как аист, возвращающийся с юга,
Как голубь, с детской пущенный руки.

Наталья СОВЕТНАЯ
г.Минск, Беларусь —
г.Санкт-Петербург, РФ

Поэт, прозаик, публицист, литературный критик, кандидат психологических наук.

Член Союзов писателей России, Беларуси, Союзного государства.

Победитель и лауреат множества республиканских, всероссийских и международных литературных конкурсов.

Автор 16 книг поэзии, прозы, публицистики, статей о литературе, изданных в России, Беларуси, Сербии.

КРЕМЕНЬ

Отрывок из повести

Хитько растерянно прижимал к уху телефонную трубку, из которой неслись монотонно-равнодушные гудки. Разговор прервался внезапно. Невестка вдруг разрыдалась и отключила мобильник. Обсуждали обстрелы украинской армией Луганской и Донецкой Народных Республик. Там снова погибли дети. В далёкой московской квартире Ира плакала по измученным украинскими нацистами мирным жителям Донбасса, которые за восемь лет после киевского майдана уже привыкли к бомбёжкам, разрушениям, нехватке продовольствия, отсутствию света, воды, отопления, но не могли привыкнуть к смерти детей.

Здесь же, в Витебске, он, Иван Павлович Хитько, заслуженный человек, доцент, известный художник-дизайнер, держал неумолкающе-пикающую трубку дрожащей рукой, словно это был взрывной часовой механизм, и шептал побелевшими губами:

— Отродье они! Фашистское отродье!

Гибель людей, чудовищные издевательства над пленными, бессмысленные пытки над теми, кто думал и говорил по-русски, кто не мог произнести украинское «паляниця», превратившееся в пароль для определения «свой-чужой», стали реальностью на земле, которая недавно была его, советской, своей… Как это принять и не помутиться разумом?

…Трёхлетний Ванюша то волочился по дому за мамой, крепко уцепившись за фалды цветастого платья, то, обхватив ручонками папину ногу, повисал на ней, мешая отцу собираться. Павел Ефремович не сердился, не пытался оторвать малыша от себя, так и переходил из комнаты в комнату, от печки к столу, осторожно приподнимая ногу, чтобы сынок не свалился, не ушибся. Откуда было знать несмышлёнышу, что папка собирается на фронт, потому что началась война. Скоро выйдет со двора, оглянется прощально на новый дом, который поставил в тридцать девятом, и вместе с мужиками-призывниками отправится из Дуброво в Городок, а там — куда пошлют.

Старшая, Антонина, цедила через марлю парное молоко, переливая его тонкой струйкой из доёнки в глиняный горлачик, и тоскливо поглядывала на отца. В свои одиннадцать она понимала намного больше Ваниного, от того сердечко колотилось тревожно, а глаза щипало, будто от лука. Тоня сердилась на себя, потому что папа уже обнадёжил и мать, и её, мол, война быстро закончится, он непременно вернётся живой и невредимый, а слёзы лить — только зрение портить. Но что-то внутри неё никак не хотело слушаться и всё норовило взорваться, излиться солёной горечью.

Ефросинья Ивановна хлопотливо сновала от стола за занавеску, где рядом с

кроватью громоздился сундук с одеждой и бельём, потом к шкафчику с продуктами, выскакивала в коридор, гремела там вёдрами, зачем-то заглянула даже в сарай, а вернувшись, вдруг отчаянно взмахнула руками, бессильно опустилась на лавку и жалостливым взглядом впилась в Павла:

— Как же мы без тебя?

Он подхватил Ванюшку, подсадил к ней на колени, приказал твёрдо:

— Сказал же, побьём немца, возвернусь. Скоро. Ты, Фрося, детей сбереги и мать мою не оставь. Совсем слабая стала, как похоронила батю и брата моего Ивана. Тиф скосил — войны не надо… Слава Богу, что Ванюшу нашего не тронул. Чудно!

Не сводя с мужа глаз, Ефросинья Ивановна крепко прижала к себе сыночка и согласно кивнула.

— Вот, сказал же! Памиж тифозных мальчонка ползал, да не захворал. Сдюжил!

Ловя каждое его слово, она снова с готовностью кивнула, хотя совсем не понимала, к чему Павел — про тиф?

— Смертоносная болезнь эта. Да не каждого со света сводит. Так и война. Хоть и убийство, да не все погибают. И я сдюжу! Дед-то мой, Ефрем, церковным старостой был, стало быть, молитвенник, поди, выпросит у Бога…

Без отца хата осиротела. Стало зябко, неуютно. К вечеру поднялся ветер и протяжно, надрывно завыл в трубе, словно кто-то злобный и страшный пытался ворваться в горницу. Ваня натянул одеяло на голову, прижался к маме:

— Папа на фронт?

— Да, сынок.

— А что это?

— Война.

— Что такое война?

— Немцы придут, стрелять будут.

— А мы что сделаем?

Ефросинья Ивановна задумалась: действительно, что?

— В лесу спрячемся, — решила и, погладив малыша по белобрысой головке, чмокнула в лобик. — Спи, маленький, не бойся, наш папа немцев прогонит!

На хутор уже опустилась густая темень. Раскачиваясь под порывами ветра, тревожно шумели деревья. Неожиданно в окно что-то звонко ударило, словно горстью града, и оно откликнулось — стекло звякнуло, тоненько зазвенело. Ефросинья Ивановна вздрогнула, прислушалась, но дождь застучал дробненько, ритмично.

—Такой до утра будет лить, — вздохнула устало.

…«Туп-туп-туп», — надавливая ногой на педаль, Феодосия Анисимовна мерно, в такт дождику, раскручивает колесо прялки и ловко тянет из кудели ровницу, скручивает её в нить. Пряжа из-под её рук выходит отменная, на загляденье. Мать ласково посматривает на Фросеньку, которая усердствует рядом — колдует у кросен:

— Старайся, доченька, старайся! Как шерстяная нитка закончится, скажи, ещё добавлю. Таких поясов, какие у нас в роду ткут, никто больше не сработает. Все женихи твои будут!

Девочка передёрнула плечиками, возмущённо свернула глазёнками:

— Вот ещё! Дурочка что ли, замуж идти?

— Я и сама тебя никому не отдам, — еле сдерживая смех, с серьёзным видом отвечает Феодосья Анисимовна. — Разве только Павлику соседскому? Ему годика три было, когда в люльке тебя качал, да приговаривал: «Не плать, Тотенька, я на тебе зенюсь!»

— Пашке Хитько? — вспыхнула Фрося. — Какой же он жених? Это же просто Пашка!

— Да ты работай, работай, челнок перекидывай, утóк правильно заряжай, а то узор спутаешь. Чем длиннее пояс, тем мастеровитее девица, тем крепче семья. Пока ткать будешь, и женихи твои подрастут, и ты из маленькой дурёхи в невесту превратишься, — улыбаясь, мама останавливает колесо прялки. Приподнимается, медленно потягиваясь, слегка прогибает в пояснице спину, нежно поглаживает заметно выпирающий живот. Фрося смотрит на него с опаской: какой-то странный он, растёт

быстро. Она ещё не знает, не догадывается, что вот-вот появится на свет её сестрёнка Нина.

А на дворе всё льёт и льёт. Дождь, остервенело ударяется в стекло и стекает вниз широкими ручьями, смывая всё, что можно было рассмотреть в окно: тропинки, скамейки, деревья, калитку, соседний дом. И мамино лицо, глаза, волосы…

— Мамочка, — стонет Фрося, пытаясь схватить её руку, но пальцы бессильно соскальзывают, и сквозь них струится холодная вода.

— Нет у нас больше мамки, — слышит девочка глухой голос отца и видит, как по его потемневшему лицу скатывается дождь.

Скрежещут несмазанные петли, распахиваясь, громко вскрикивает входная дверь. Фрося испуганно опускает голову, но успевает заметить, как огромные грязные сапожищи вырастают на пороге.

— Кравченко? Иван Герасимович? — притопывая, грозно вопрошают они, а мутная, маслянистая лужица дождливой ртутью собирается на полу.

— Колхозы ему не нравятся! Вишь, что удумал: хозяин-единоличник государству больше пользы принесёт! — скрипят чужие сапоги, прохаживаясь по комнате и помечая пол грязными, мокрыми пятнами. — Вот в Соликамске, на лесоповале, и будешь единолично пользу приносить!

Снова заскрежетали несмазанные петли, больно вскрикнула входная дверь, скрывая за собой отца и страшные сапожищи. И уже не разобрать, то ли это они всё ещё злорадно шаркают в сенях, то ли ветер воет, врываясь в дом…

— Сюда, сюда! — прячась от дождя под стрехой, зовёт, тянет за руку Паша Хитько.

Фрося, тоненькая, нежная, светлая, как пасхальная вербочка, тоже прижимается к стене. Мокрое платье липнет к ногам, спине, упругой груди — холод дрожью пробегает по телу.

— Аж посинела! — пугается Паша и порывисто обнимает девушку, чтобы согреть. Но тут же смущённо опускает руки:

— Прости!

Она не отталкивает его, лишь стыдливо отводит глаза.

— Вот, сказал же! — сердится на себя Павел и вдруг хватает Фросю за плечи. — Сватать буду, пойдёшь?

— Я уже пояс выткала. Тебе. Длинный-длинный! Повяжу — мой навеки будешь! — прошептала и зарумянилась так, словно жаром обдало. И затрепетала вся, только совсем не от холода.

— Пояс? Узоров в нём сколько? — хитро щурится Павел.

— Не считала, — удивляется вопросу новоявленная невеста, а в глазах у неё вспыхивает выглянувшее из-за туч солнышко.

Паша жмурится и, загадочно улыбаясь, шепчет:

— Зря не считала. Моей маме пояс ткать бабушка помогала, двенадцать узоров выткала и предупредила, что в них для неё загадка зашифрована, которую только время разгадает.

Девушка замерла, ожидая чуда.

—Двенадцать деток у мамы народилось! — объявил торжественно и нежно коснулся губами Фросиных волос.

Она залилась краской, но не оттолкнула, только спросила чуть слышно:

— Любишь меня?

Павел молчал. Испуганно подняла глаза, а суженого рядом нет! Как и не было… Закричала отчаянно — голоса не слышно, будто кто в ватный кокон её поместил…

Проснулась в поту. За окном шумит, бьётся в стекло дождь, словно на постой просится. «Боже мой, это ж война, война!», — метнулась с кровати, достала из шкафа, сработанного мастеровыми руками Павла, бабушкину иконку Николы Чудотворца. Уже светало, когда пробудившийся Ванюшка вывел её из молитвенного забытья:

— Мама, мама-а-а!

Ефросинья Ивановна поднялась с колен и только теперь заметила, что дождь затих, умытое солнышко привычно зачинает новый летний день, в хлеву подаёт голос бурёнка, ей вторит соседская, вот и

петух уже возвестил рассвет. Только мужниных шагов не слышно… Война!

СПЕЦОПЕРАЦИЯ

В кране шумела вода, позвякивали чашки, дребезжали ложечки. Привычно убирая после завтрака на кухне, Анна Нифантьевна не сразу услышала взволнованный голос мужа:

— Новости передают!

— Что там ещё? — буркнула, не желая отрываться от дел.

Иван Павлович уже стоял в дверях. Широко открытые глаза горели, неожиданный румянец выдавал крайнее возбуждение:

— Неужели это случилось?!

Жена испуганно опустилась на стул, схватилась за сердце слабой рукой, пальцы мелко задрожали.

— Анечка, Россия спасает Донбасс! Спецоперация!

— Господи! — вдруг перекрестилась Анна Нифантьевна. — Люди ж там спасения с две тысячи четырнадцатого ждали! А то ведь «незалежная» на своих, на мирных — танки! Разве кто подумать мог? Разве возможно представить? — она побледнела. — За что? За то, что не забыли: русские они! Мало ли что Ленин со Сталиным взяли да и причислили Донбасс к Украине. Причина была: укрепить людьми надёжными, ведь в западной стороне народ разбойничал не шуточно … А вот они не забыли, не забыли! И на бандеровцев с оружием встали. С оружием!

— Так верили же — Россия к себе заберёт, как Крым, Севастополь. Ох, ликовал тогда народ! — поддержал Иван Павлович, торопливо доставая с полки пузырёк с валерианой. — Прими, Анечка, побеpегись.

— Ваня, я же детство там, в Ясиноватой! А её все восемь лет расстреливали! — виновато вскинула покрасневшие глаза на мужа, протягивающего ложечку с каплями.

Он прижал к груди седую голову жены, коснулся губами мягких волос:

— Помню, родная моя. И что тесть Нифантий Григорьевич освобождал Крым и Севастополь, знаю. Бывало, ударится в воспоминания — и про то, как Западную Беларусь освобождал в тридцать девятом, и про финскую, где помощником пулемётчика в немыслимые морозы. Солдатики напьются для сугрева, а он на дух не переносил. Может, потому жив остался…

— В Отечественную от ранения трезвость не уберегла, — перебила Анна Нифантьевна. — Шестнадцать осколков! В Бахчисарайском госпитале ногу отнять хотели. Не позволил.

— Так война же, не прогулка. Главное, выжил. И прожил девяносто пять. Каждому бы так, — улыбнулся Иван Павлович, закрывая кран, но тут же сморщился от ноющей боли в суставах пальцев.

Из-за неё, проклятой, без любимого дела иной раз тоска одолевала. Его мастеровитые руки чувствовали, любили дерево, и оно отзывалось, превращаясь в подлинные произведения искусства. Куда ни глянь, везде хитьковский труд. В белорусских музеях, на предприятиях, в учебных заведениях, в парках и на детских площадках. Про собственную дачу да квартиру и говорить нечего. Иван Павлович вздохнул, энергично тряхнул руками, будто хотел сбросить с пальцев досадное, изнуряющеболезненное нытьё, и неожиданно снова улыбнулся:

— Кремень был отец твой. Хоть ноги покалечены и осколки в себе до самой смерти носил. Однажды в бане спину ему тру, а он стонет: «Ой-ё-ёй, не жми! Ой, болюча!», — гляжу, а у него из бедра железка торчит! Ну, я и выдернул… А Григорич с утра уже с косой! Пока мы десятые сны досматривали, он по росе — весь участок.

От Анны Нифантьевны не ускользнуло болезненное движение мужниных рук, потому теперь уже она шуршала пакетиками и коробочками в аптечке. Прищурившись, прочитала название тюбика:

— Мазь тебе купила. Мощная, даже лошадям помогает. Неужто твоим рукам не полегчает? — и принялась сама втирать

в его пальцы лекарство, которое по совету соседки приобрела в ветеринарной аптеке.

— Ну, если лошадям, — покорно подчинился Иван Павлович, — только я больше не коня напоминаю, а клячу.

— Не прибедняйся. Скоро на дачу галопом поскачешь! — обнадёживая, тихо засмеялась.

— Ага. Куда ж мне деваться, если оседлала? Вся в отца. Помнишь, как он сучья рубил, когда ты от него косу спрятала? «Где моя коса?» — «Не знаю! Отдохнул бы, папа, ноги пожалел!». А Григорич чуть не плачет: «Не могу без работы!» Смотрим, он перед пеньком — на коленках! Топориком машет, хворост рубит… Кремень!

— Не пил, не курил. Войну прошёл. Поколение такое. Победители.

— Мы с тобой тоже — войну.

…Только хлопнула входная дверь за мамой, сестрёнкой и бабой Любой, которые ещё вчера обговаривали, что с утра, если погоду Бог даст, надо в поле — рожь поспела, как Ванюшка воробышком выпорхнул с печи во двор и шмыгнул в сарай. Окунулся в сумрак, пропитанный прохладным запахом свежего сена, и замер, пока глаза после яркого утреннего солнца привыкали к резкой перемене. Из узкого окошка под самой крышей луч света проникал внутрь помещения, в его потоке, слово в невесомости, медленно кружились-плавали золотые пылинки. Это было так сказочно-загадочно, что Ваня забыл, зачем сюда пожаловал. Опомнившись, нырнул в сено, которое тотчас зашуршало, словно живое, нащупал под ним шершавую деревяшку и, прижимая её к груди, выскользнул из сарая. Оглянувшись по сторонам, вприпрыжку направился к бане.

По пути приметил камень, повертел в руке и решил прихватить с собой. Накануне дядя Фёдор, старший папин брат, выстругал мальчонке из обрезка доски пистолет. У Вани дух захватило:

— Пах-пах-пах! — целился он в невидимого врага. — Когда немцы к нам придут, я их застрелю!

— Если немцы придут, сиди, как мышь, носа не кажи, вояка! — хмуро приказал Фёдор Ефремович. — А игрушку камушком отшлифуй, чтоб руки не занозить. Справишься сам?

— Ага, — обиженно шмыгнул носом Ванюша. Но уже через мгновение засиял. — У Кольки Рогова такого няма! И у Лёньки няма!

Сидя на пеньке за баней, он усердно натирал камнем дуло пистолета, представляя, как соседские мальчишки раскроют рты от удивления, и как потом они вместе будут играть в «войнушку», и, конечно, Ваня всех победит, потому что непременно станет красноармейцем.

Гитлеровцы появились неожиданно. Сначала затарахтели мотоциклы. Но Ванюшка был так далеко от дороги, да ещё заслонённый банной стеной, и так увлёкся игрушкой, размечтался, что не слышал ни непривычных звуков, ни чужой речи. Немцев было немного, человек десять вместе с полицаями, прибывшими на подводах. Они по-хозяйски заходили в хаты, выносили из них всё, что попадалось на глаза, грузили на телеги. Возле дома Хитько задержались. Полицай, юркий мужичок с лисьими глазами, подобострастно кружил перед главным немцем на присогнутых ногах, чтобы даже ростом казаться ниже и уже этим угодить хозяину.

— Вот хата что надо, господин гауптман! — заглядывая в глаза немцу, подскакивал полицай, подобно тому, как пёс, признающий вожаком человека и доказывая преданность, пытается лизнуть его в лицо. — Новенькая! Хлебопекарню для гарнизона здесь развернём. Через окно буханки в машину подавать-отгружать — очень даже удобненько, господин гауптман. Здеся баба с девкой, мальцем и старухой. Так в сарайке поживут, там им и место. А пекарня знатненькая будет!

— Гут, гут! — согласился немец, брезгливо сторонясь полицая.

Издали заметив на дороге клубы пыли, Ефросинья Ивановна приказала дочери и свекрови оставаться в поле, сама же бросилась к дому. «Ванечка!» — сердце колотилось часто, словно пыталось высвободиться от напряжённой тревоги, какой никогда не было раньше. Молва о немецких непредсказуемых бесчинствах, жестокости давно разнеслась по деревням.

— Добрались, проклятые! — зло приговаривала на бегу, смахивая заливающий глаза пот.

Чтобы сократить путь, свернула огородами, к бане, и тут увидела Ванюшу, увлечённо натирающего камнем деревянную игрушку. Рухнула на землю рядом, обхватила ослабевшими руками:

— Мальчик мо-о-й! — тяжело дыша, запричитала отрывисто.

От неожиданности Ваня растерялся и даже попытался освободиться из материнских объятий:

— Пусти, задавишь!

— Тихо, тихо, сынок! Немцы услышат, — стремительно прикрыла его рот ладонью.

— Немцы? — ошалело просипел из-под руки. — Стрелять будут?

— А кто знает, что у них на уме? Бережёного Бог бережёт. Сиди тут, не высовывайся.

— А ты? — Ваня испуганно вцепился в рукав материнской кофты.

— Посмотреть надо, что там?

Она осторожно выглянула из-за бани, отпрянула.

— Тсс! — приложила палец к губам. — Возле хаты они.

— Страшные? — глазёнки у Ванюшки округлились.

— Очень! С автоматами!

— А у меня пистолет! Дядя Фёдор сделал, — осмелел мальчонка. — Я их пах-пах-пах!

— Глупенький, спрячь и не показывай. Разозлишь только…

«ОЙ, ХТО В ЛИСИ ЧУЕ,
НЯХАЙ ПОРЯТУЕ…»

Ещё не закончилась программа новостей, как раздался телефонный звонок. Анна Нифантьевна первая подхватила трубку.

— Мама, вы с отцом у телевизора? Про Украину знаете? — голос у Сергея взволнованно-расстроенный. — Люди гибнут! Простые люди! Ой, не надо было начинать войну…

— Какая ж это война? Главнокомандующий ясно сказал: «Спецоперация!» Освободят, наконец, Луганскую и Донецкую области полностью. Хватит уж над людьми измываться! Демилитаризация и денацификация. Вот!

— Мама! — раздражаясь, сын повысил голос. — Я тоже не глухой, слышал и про демилитаризацию, и про денацификацию. Но ведь люди гибнут! Это же война, понимаешь?

— Да где уж мне понять, — тяжело вздохнула Анна Нифантьевна, и перед глазами мгновенно появились серое лицо гитлеровца с холодно—злыми глазами: «Den Mund halten!»[1]. Она зажмурилась и отчаянно взмахнула рукой, прогоняя страшное видение:

— Не заткнусь!

— Ты мне? — опешил Сергей.

Но мать словно не слышала:

— Тревожно на душе, сынок, от того, что это, возможно, надолго. Ведь когда в сорок первом фашисты пришли, мы думали, что быстро с ними
разберёмся. А теперь на Украине с такими же фашистами разбираться надо. У них и свастика паучья, и злоба звериная. Одно слово — нацисты! Ох, как больно: в одной стране когда-то жили, одним воздухом, по одним учебникам…

— Да при чём тут фашисты? Украина самостоятельная страна, как хотят, так и живут. Зачем было войну начинать? Там же наши люди, и они — гибнут!

[1] - Заткнись! (здесь и далее прим.автора)

— А тебе известно, что ещё при Союзе в западных районах Украины соседи друг друга опасались, потому что знали, кто есть кто: наши или не наши! Не каждую песню можно было громко спеть… Недобитые бандеровцы после сорок пятого мимикрировали — затихли, затаились, проползли на ответственные и руководящие посты. А после майдана головы подняли — обнаглели до беспредела от власти и безнаказанности. Это ещё хорошо, что наши успели вовремя! Укрофашисты уже ядерным оружием грозили Донбассу. Ядерным! — Анна Нифатьевна охнула и, передавая трубку мужу, схватилась за сердце.

— Что ж ты матери? — заорал он на сына. — Соображать надо!

— Так ведь я — правду. То, что думаю…

— То, что думаю! — передразнил Иван Павлович. — Упустил я тебя, сынок, упустил… Вроде, голова есть, так почему не поймёшь, что НАТО четыре военных бригады планировало разместить на Украине — две сухопутные, одну морскую и одну воздушную, чтобы ядерными боеголовками — по Луганску с Донецком. По России! В декабре ещё Путин об этом узнал. А после Нового года Зеленский, уже не таясь, стал угрожать ядерными ракетами. Наступление планировал на двадцать пятое февраля. Мы опередили всего на один день!

— Папа, но там люди гибнут! — не сдавался Сергей.

— Хватит! — вдруг закричал Хитько. — На Донбассе не гибли все восемь лет? Мелко, сынок, мыслишь. Во время Отечественной знаешь, кто так же про партизан говорил? Мол, если бы не вы, люди бы не гибли… Предатели и трусы! Которые сами мышью затихорились: моя хата с краю... Только для мышей у врага мышеловок было немерено! Ладно, позже договорим. Дай маму успокоить, совсем ей плохо, — и резко бросил трубку на аппарат.

…Освобождение Донбасса советскими войсками началось после победы на Курской дуге[2]. В это же время шло наступление на Харьков. Вермахт прилагал огромные усилия, чтобы остановить русских. Для удержания Донбасса гитлеровское командование создало укрепленные линии по рекам Северский Донец и Миус — «фронт мести за Сталинград»[3]. Доты и дзоты, пулемётные гнёзда, минные поля, проволочные и противотанковые заграждения, траншеи, блиндажи, ходы сообщений... В городах, поселках, деревнях, на командных высотах — узлы обороны, опорные пункты. Вместо разгромленной шестой армии Паулюса сформирована новая шестая, с такими же номерами соединений и полков. Дополнительно переброшены пятнадцать дивизий, в том числе четыре танковые из Донбасса.

Однако с каждым днём положение немецко-фашистских войск ухудшалось. И хотя они имели приказ любой ценой удерживать занимаемые рубежи, Красная Армия один за другим освобождала донбасские города: Лисичанск, Горловку, Артемовск, Иловайск, Краматорск, Сталино[4], Мариуполь, Волноваху…

Трёхлетняя Анечка ничего этого не знала. Да если бы и знала, то понять, оце-

---

[2] Самое крупное танковое сражение в истории, одно из ключевых Второй мировой и Великой Отечественной войн (5 июля 1943 г — 23 августа 1943 г.) В нём участвовали около 2 млн человек, 6 тысяч танков, 4 тысячи самолётов. Поражение гитлеровской армии проложило дорогу к великой советской Победе 1945 года.

[3] Сталинградская битва (с 17 июля по 18 ноября 1942 года оборонительная операция и с 19 ноября 1942 по 2 февраля 1943 года наступательная операция) — решающая, крупнейшая сухопутная битва в истории человечества, которая наряду со сражением на Курской дуге стала переломным моментом в ходе военных действий Великой Отечественной войны. В результате которых Советские Вооруженные Силы вырвали у противника стратегическую инициативу и удерживали её до конца войны.

[4] 9 ноября 1961 года город Сталино переименован в Донецк.

нить не смогла бы в силу своего малого возраста. Она восседала на узлах с одёжками, которые успела ухватить и бросить в тележку мать, когда немцы выгоняли их на улицу. Девочка не видела маминого лица, только спину. Согбенную спину измученной молодой женщины, волочившей тележку с ребёнком — самым дорогим грузом. Рядом шли такие же измождённые люди. Взрослые и дети. Тащили узлы, сумки, чемоданы, тележки… Их спины мельтешили перед Анечкиными глазами и далеко впереди так, что и дороги не было видно. Голова кружилась, к горлу подступала тошнота, от этого становилось ещё страшнее.

— Пить, — прошептала тихонько, почувствовав, как слиплись губы. — Пить хочу! — потребовала громче.

Мать не оборачивалась. Покачивались спины. Тяжёлые стопы сотен ног утрамбовывали песчаную пыль, но она всё равно взвивалась в воздух жёлтым туманом, забивала ноздри, мешала дышать. Девочка всхлипнула и, размазывая слёзы маленькими кулачками, разревелась в голос.

— Den Mund halten! — резкий чужой голос заставил вздрогнуть.

Серое лицо немца глядело на неё усталыми, злыми глазами. И ещё десятки таких же волчьих глаз из-под запыленных пилоток, кепок, фуражек с алюминиевыми орлами и свастикой.

Отступая под упорным натиском советских войск, гитлеровцы гнали в германское рабство женщин и детей, выполняя приказ рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера: «Добиваться того, чтобы при отходе из районов Украины не оставалось ни одного человека, ни одной головы рогатого скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса; чтобы не остались в сохранности ни один дом, ни одна шахта, которая бы не была выведена на долгие годы из строя; чтобы не осталось ни одного колодца, который бы не был отравлен. Противник должен найти действительно тотально сожженную и разрушенную страну…»[5].

Марфа Павловна испуганно метнулась к дочери, чтобы заслонить собой. Ручки тележки стукнулись о землю, один из узелков накренился и пополз вниз, девочка соскользнула следом и тут же оказалась в материнских объятиях.

— Воздух! — неожиданно пронеслось по толпе, которая вдруг качнулась и с тревожными криками стала рассыпаться по сторонам.

Анечка лежала на земле, прикрытая телом матери, и не видела ничего, кроме завораживающей сини неба, в которой клубились белые облака, и щурилось яркое солнце. Нарастающий гул смешался с детским плачем, женскими воплями, лаем немецких команд, трескучим кашлем автоматных очередей, заглушая остальные звуки. Материнский голос звучал совсем рядом, но девочка, как ни силилась, не могла разобрать слов. Кроме одного, которое Марфа Павловна, словно заклиная, повторяла и повторяла: «Бежать!»

Самолёты, сделав круг над дорогой, повернули назад, один из них качнул крыльями, и Анечка отчётливо увидела звёзды.

— Наши! Наши! — задыхаясь от нежданной радости, просипела вдруг севшим голосом Марфа Павловна, подскочила с земли и, подхватив дочь, бросилась через редкий кустарник к сухой балке.

На дороге в панике беспорядочно отстреливались фашисты, но красно-звёздные самолёты, сделав разворот, снова прижимали их к земле, давая возможность женщинам и детям дальше убежать от дороги.

---

[5] В ходе военных действий на территории Украины погибло около трех миллионов советских воинов, свыше двух миллионов украинцев были вывезены для принудительного труда в Германию во время оккупации. Полностью или частично было разрушено свыше 700 городов и 28 тысяч сел, около 10 миллионов людей осталось без крова, уничтожено свыше 16 тысяч промышленных предприятий.

— А вы бейте фашистских гадов, родненькие, бейте! — прислушиваясь к гулу и немецкой стрельбе, разрешительно шептала Марфа Павловна и глубже зарывалась в сухой песок.

А Анечке виделось, как мама смело придавила рогатиной к земле ядовитую змею в огороде: «Бейте гадов, родненькие, бейте!».

— Ни в какую Германию мы с тобой не пойдём, донька! Спрячемся!

Короткие сумерки быстро сменились пронзительной тьмой. Она обволакивала кусты, дорогу, тела убитых немцев, дышала холодом. Марфа Павловна сняла кофту, укутала задремавшую Анечку и, уложив её на песчаное ложе, осторожно выползла из оврага. Тихо. Лишь без умолку стрекочут кузнечики, да изредка вскрикивает ночная птица. От этого тишина становится ещё более властной и тонко—звонкой. Словно нет войны. «Подожду до рассвета и — домой! Хорошо бы тележку отыскать…»

Тележка, целёхонькая, валялась в кювете вверх колёсами. Марфа Павловна тащила её по вздыбленной разрывами дороге, спотыкаясь о засохшие комья глины. Пот крупными каплями катился по багровому от напряжения лицу. Шла торопко, почти бежала, не замечая усталости, не чувствуя боли в натёртых башмаками ногах.

Крепко держась ручонками за борта тележки, Анечка, по-детски смешно шепелявя, громко выводила песенный припев вздрагивающим на ухабах голоском:

— Ой, ты Галю, Галю молодая, пидманули Галю, забрали с собою. Ой, ты Галю, Галю молодая, пидманули Галю, забрали с собою...

— А дальше не помнишь? — улыбнулась Марфа Павловна и в полголоса затянула: — Ой, хто в лиси чуе, нехай порятуе, а хто дочок мае — нехай научае...

Ясиноватую освободили седьмого сентября сорок третьего. К пятнадцатому Юго-Западный и Южный фронты вышли на линию Лозовая, Чаплино, Гуляй-Поле, Таганрогский залив…

СПУЩЕННЫЕ КОЛЁСА

Иван Павлович распахнул железные ворота, прищурился. После яркого света глаза отказывались различать предметы в сумраке тесного гаража. Щёлкнул выключателем, однако натужное сияние лампочки не помогло. Смиренно вздохнув, вытянул вперёд руки, наощупь двинулся к своей старенькой «лошадке».

За тягучие зимние месяцы «Opel Corsa» заждался хозяина, соскучился по шоссейной ивановской дороге, которая бежит через Большое Кашо. Он знает, если перед самой деревней свернуть вправо, в сторону озера, то по заросшей травой грунтовке можно докатить до хитьковского домика—дачи. У калитки, будто опознавательные знаки, важно почивают огромные валуны, вдоль забора высятся берёзы, ели, липы, дубы, когда-то давно высаженные Иваном Павловичем и Анной Нифантьевной. Да и без деревьев нетрудно определить хату художника — резные наличники, деревянные украшения сходу бросаются в глаза.

Хитько повернул ключ в замке зажигания, машина с готовностью поднатужилась, кашлянула и мерно загудела.

— Жива, старушка! — довольно крякнул хозяин. — Теперь бы к техосмотру подготовиться и — в дорогу!

Он покрутил ручку приёмника, прогулялся по радиоволнам и остановился на российских новостях. В гараже стало заметно уютнее, словно в гости заглянул старый приятель, да и сумрак, не выдержав натиска мартовского уличного света, отступил, рассеялся.

— Надо бы масло поменять, пороги подкрасить, — озадачился Иван Павлович и прислушался.

Радио сообщило, что Зеленский отложил намеченные переговоры. Повестка ему не нравится.

«А они, эти переговоры, нужны вообще? — закипая, возмутился Хитько. — Кто-то серьёзно верит, что президент Украины сам покончит с бандеровским национализмом и демилитаризуется? Нацики никого слушать не желают. Доку-

чаевск снова обстреляли «Градом». В Николаеве под огонь попал автобус с гражданскими. Из Мариуполя не выпускают мирных, прикрываются ими, как щитом...»

— О, сосед объявился! — вытирая руки ветошью, в гараж заглянул бородатый мужик, в два раза моложе Ивана Павловича, владелец дизельного внедорожника «KIA» две тысячи первого года. — Допуск на движение не получил? И я вот готовлюсь к техосмотру. Стучит что-то, как завожусь. Так громыхает, словно движок выскочить хочет.

— Подушку смотрел?

— Павлович, ты прям рентген! Как раз собираюсь проверить.

— Теперь, Толик, с запчастями будет трудно, обложил нас Запад со всех сторон, как медведя. Санкциями.

— А не боись, Павлович, пробьёмся! — бородатый сдвинул набекрень вязаную шапчонку. — Слыхал, что творят бандеровцы со своими? К столбу привязывают со спущенными штанами и бьют несчастных. Все, кому не лень. За мародёрство. Если с голодухи батон в магазине стянул, например. До смерти забивают. Без суда и следствия. Сам по телеку видел.

Хитько помрачнел. Опустился на старый табурет, махнул рукой, указывая на стул:

— Это им привычно. Во время Отечественной националисты из УПА[6] деток к деревьям привязывали... А тебе я рад, рад, что ты — свой, против укронацистов, значит. А то ведь поразделились: «Мы против войны!». А кто за войну? Только как же остановить тех, кто давно уже реально воюет с нами?

С улицы раздался хрипловатый окрик:

— Толян, ты куда подевался?

— Погоди, Павлович, меня кличут, — подхватился сосед.

Но в хитьковский гараж уже заглянул обладатель хрипотцы — худосочный парень в рабочей спецовке, с мятым пакетом, через который просвечивала бутылка.

— Во! — он приподнял пакет и показал все свои тридцать два зуба. — А я к тебе! За мир во всём мире поговорить.

— Мы как раз, Лёша, на эту тему с Павловичем…

— Во! — хрипло перебил его парень и закашлялся. — Не пугайтесь, ковид уже в прошлом. Сейчас продезинфицируюсь и — никаких проблем! — Он снова приподнял пакет и широко улыбнулся: — За мир во всём мире!

— Отстал от жизни ты, наш молодой друг, — съязвил бородатый, — война уже всех накрыла!

От этих слов Хитько даже съёжился и, поморщившись, словно от боли, поправил:

— Спецоперация!

— Бросьте, Иван Павлович, это война. С Западом и Америкой!

Алексей решительно определил пакет на стол и, манерно взмахнув рукой, возразил:

— Нет войне! Я против! Вспомните русскую литературу! Великое русское слово поддерживает мою позицию! Пришвин, Паустовский, Рубцов — вот кто научил меня по-настоящему любить Россию! Любить ти-и-и-хо, неприме-е-е-тно. Я дорос до понимания, что война, любая война — это зло, горе, смерть! Пропаганда довела нас до ненависти, до страха, до безумия! Пандемия же показала, как мы разобщены. Вакцинированные ненавидят невакцинированных, готовы их уничтожать, как тараканов, и наоборот! Не безумие ли это? Унижать, оплёвывать, оскорблять и убивать людей за язык, на котором они говорят — это не возможно тому, кто принадлежит к человеческой цивилизации! И что же делать? Я нашёл ответ. Милосердствовать! Да, да! Милосердствовать! Помните «Гражданскую войну» у Максимилиана Волошина?

[6] Украинская повстанческая армия — подпольная украинская военная организация в период Второй мировой войны, вооружённое ответвление Организации украинских националистов. Действовала с весны 1943 года.

…А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

Вот и я молюсь и за русских воинов, и за украинцев — за детей, женщин, за чужих и родных, чтобы как можно скорее пришёл мир! — и, воздев глаза к гаражному потолку, он рьяно трижды перекрестился.

Иван Павлович и сосед с молчаливым удивлением разглядывали Алексея, словно им явился сам автор стихотворных строк.

Анатолий снова схватился за шапку, натянул её на уши:

— Павлович, давай закроем ворота, сквозит, вроде. Холодать стало.

Хитько громко звякнул задвижкой, и, возвращаясь, похлопал Лёшу по плечу:

— Молись, милосердный, дело хорошее. Богоугодное. Молитва, она и в бою помогает. Молись, раз умеешь, и душа просит. Но! Не Ослябя ты, не Пересвет[7]… Ну, так не всем же! — он кашлянул. — Непротивление злу… Где—то я это уже слышал?

— По-твоему, Лёша, не надо было гасить Чечню, Абхазию, Сирию, Карабах? Это же война! Там стреляют. И даже убивают! — взметнулся Толик. — И сейчас, ты считаешь, надо было подождать, когда возьмут Донецк и обстреляют Россию (и Беларусь в придачу!) ракетами с ядерными боеголовками? Ждать, пока нас раздербанят? Главное, чтобы не было войны? Нет, дружок, время пришло встать по левую и по правую стороны — кто есть кто.

Побледневший Алексей отступил в тёмный угол и словно наполовину исчез, только глаза обиженно поблёскивали:

— Да ну вас! Я ж не за фашизм и не за Бандеру. Я за мир! Что вы на меня набросились? Вчера с родственником из Черкасс сцепился, сегодня вы, как коршуны…

— Так у тебя родственник на Украине? Тогда понятно, — улыбнулся Иван Павлович.

— Что вам понятно? — запетушился Алексей, даже голос вдруг прорезался. — Я его не битый час, а целый вечер уговаривал не брать оружие, не ввязываться в боевые действия…

— Ха, — перебил Анатолий, — там же нацики всех подряд вооружают, даже рецидивистов и маньяков из тюрем выпустили. Нашёл, кого уговаривать! А тридцать лет антирусской пропаганды? У них же в головах реальный сумасшедший дом.

— Это точно, — вдруг согласился Алексей, — я ему одно, он мне другое. Хоть в лоб, хоть по лбу! Закончилось тем, что пообещал родственник русню резать, а меня далеко-далеко послал и заблокировал в сетях… Жалко его.

— Жалко. Но мы от них не отворачивались. А теперь, поди разберись, кто чем дышит? — Хитько нахмурился.

…Проснулся Ванюша от дребезга стекла. Окно разлетелось мелкими осколками. Автоматная очередь прошила стену под потолком.

— За печку! Прячьтесь за печку! — скомандовала Ефросинья Ивановна.

За окном топот, приглушенные голоса.

— Не стреляй, дурень! Немцы услышат — не поздоровится, что самовольничаем, — жёстко приказал старший из нагрянувших ночных гостей и, заглянув в окно, крикнул:

— Хозяева, мы партизаны. За коровой пришли. Открывайте хлев!

— Не дам! Не дам корову! — выкрикнула Ефросинья Ивановна из-за печи. — Дети у меня! Старуха! Только коровкой и кормимся. По миру без неё пойдём. Не дам!

Старший ухмыльнулся:

— Дура-баба! Молись, чтоб живыми остаться. Мужик твой где?

[7] Александр Пересвет и Андрей Ослябя – воины-монахи, причисленные Русской Православной Церковью к лику святых. День их памяти отмечается 7 (20) сентября.

— А где все мужики, которых призвали? — осмелела женщина.

— Призвали? Так разбили ж тот эшелон, в котором его на фронт. Выясняли мы про твоего Павла. Нет ни у партизан, ни у немцев. Как сквозь землю. Может, сховала где?

— Не ведаю ничего! — голос у Ефросиньи Ивановны дрогнул, она всхлипнула. — С самого начала ни весточки! Сгинул, видать… Не трогайте коровку, смилуйтесь!

Старший сплюнул, процедил сквозь зубы:

— Стёпка, сбивай замок!

Сквозь сон Ванюша чувствовал, как вздрагивают мамины плечи, слышал, как, давя рыдания, она плачет тихонько, чтобы не разбудить его и бабулю, как горько-горько в полголоса сетует на судьбу, зовёт на помощь пропавшего Павла. Видел, как, отзываясь, папка словно вырастает мощной коренастой фигурой из белого тумана над полем и машет—машет ему рукой. Широкая ладонь приближается, отчётливо видны короткие крепкие пальцы. Неожиданно, в одно мгновение, они сворачиваются в здоровенный кукиш, а рука разворачивается в сторону тех, кто уводит хитьковскую бурёнку, и уже грозит им мощным кулаком…

Чуть рассвело, Ефросинья Ивановна накинула кожух, влезла в валенки и, закутавшись в большой клетчатый платок, отправилась на поиски коровы-кормилицы, высматривая, слово голодная волчица, оставленные грабителями следы на снегу.

В Дубиково решительно постучала в крайнюю хату:

— Маруся, подружка, это я, Фрося Хитько!

Хозяйка опасливо огляделась и, убедившись, что чужих глаз не наблюдается, торопливо пропустила гостью в горницу.

— Чего шлындаешь? Не боисся одна? — остановилась у порога, недоверчиво всматриваясь в школьную подругу. — Чёй-то ты лицом опухшая, зенки красные. Ревела?

— Следы привели, — озадачила Фрося.

— Якие такия следы? — опешила Маруся, даже ноги у неё подкосились — бухнула на скамью.

— Корову у меня ночью забрали. К вам, в Дубиково, увели. Вернуть хочу.

— Сдурнела! Во сдурнела ты! Забьють жа тябе! И закопають, — запричитала хозяйка, переходя на шёпот. — Тута полицейский гарнизон. А ты — у самае пекла! Вот что. Передохни, согрейся и — до хаты! Если кто спросит, говори, что наведала родню.

Без коровы перебивались, чем Бог пошлёт. В схронах ещё была картошка, зерно. Иногда удавалось выменять что—то на молоко и масло. Весной выручали крапивные щи, ошпаренные листья одуванчика, корень дудника…

«Тук-тук-тук», — к крохотному банному окошку прильнуло лицо незнакомца. Ванюша с ужасом смотрел на него, забившись в угол полка, который для хитьковского семейства служил полатями, потому что банька заменила занятый немцами дом.

«Тук-тук-тук», — снова царапнулся в стекло незнакомец и пригрозил:

— Открывайте, а то шпульну!

Баба Люба подтолкнула невестку, крестясь, прошамкала:

— Открой! От греха подальше… Спалюць баню, пабьють усих!

— Кого ж это нелёгкая принесла? — соскочила на пол Ефросинья Ивановна.

— Можа партизаны? Хто ещё по ночам шастаиць? — прошелестела старушка.

Ванюша не сводил глаз со страшного лица, приклеившегося к оконному стеклу. «Разве партизаны такие? Не, это чёрт забрёл к нам с болота. Как в сказке, что бабуля перед сном рассказывала», — думал он, натягивая на себя лоскутное одеяло до самого носа.

Незнакомец осветил баню, чиркнув спичкой. «Ого, спички! — завистливо отметил малыш, вспомнив, как мамка бережёт последний коробок. — А рогов не видно. И

хвоста нет. Одёжа на нём, не шерсть. Мужик просто. Но чего-то холод от него, глазищи чёрные, ледяные…»

— Давай одеялко! И падуху кидай! — брезгливо поморщившись, приказал незнакомец. — Нищета советская! И глядите мне, чтоб молчок, а то передавлю, как щенков!

Грабитель сверкнул железным зубом, прикрыл дверь и нырнул в ночную темень, мгновенно растворившись в ней, словно и сам состоял из эфирной темноты. Ванюша зябко поёжился, свернулся клубочком, положив голову на тонкую ручонку, но долго не мог уснуть без одеяла и подушки, которые были совсем не эфирные, а самые настоящие, согревали теплом маминых рук, когда—то с любовью сшивавших лоскутки и перебиравших каждое перышко, прежде, чем поместить его в насыпку.

— Это бандит? — мальчик прижался к матери.

— Бандит. Но он ушёл и не вернётся. У нас брать больше нечего, — улыбнулась Ефросинья Ивановна, обнимая сына.

Ласковое тепло окутало худенькое Ванюшино тельце. Крепкий долгожданный сон скользнул на полати, словно одеялом, незаметно накрыл с головой.

…Очнувшись от воспоминаний, Хитько удивлённо огляделся. Толик и Алёшка всё ещё горячо спорили о мире и войне.

— У кого нет родственников да знакомых на Украине, тому не понять, почему я против войны! — уверенно заключил Алексей.

— У кого нет никого на Донбассе, тот не способен почувствовать чужую боль, чтобы встать на защиту с оружием в руках! — возразил Анатолий.

— Ребятки, а я вчера в интернете случайно попал на ролик 2014 года. Одесса. Тысячи людей идут с российскими флагами, скандируют: «Мы и Россия едины! Наш язык — русский! Не пропустим фашизм!» Жена моя, Нифантьевна, как расплачется! И я, старый дурень, кулаком слёзы тру — решил, что это теперь, сейчас Одесса вышла!

Мужики замолчали. Долго виновато смотрели на вмиг поникшего старика. Толик первым нарушил тишину:

— Ничего, батя, не дрейфь! Задавим мы фашистскую гадину! Ещё жив русский дух и в Донецке, и в Одессе. Колёса, правда, спустили. Как у твоего «Опелька». Так это дело поправимое! Поднакачаем. Если надо, заклеим. А то и новыми заменим.

— Как спустили? — Хитько только сейчас заметил, что у машины действительно спущены задние колёса. — Мне ж самому не перебортировать, — он вытянул вперёд больные руки.

Переглянувшись с Толиком, Алексей ободрил:

— Так поможем! Мы же — вместе! — и, широко улыбнувшись, на все тридцать два, кивнул на пакет. — А потом отметим, батя, да? За мир и дружбу между народами!

Иван Павлович вздрогнул:

— Любимый тост моего отца. Слово в слово.

— Во! — обрадовался Лёшка. — Значит, отметим?

Хитько растерянно оглянулся на Анатолия, ища поддержки:

— Вы уж без меня отмечайте. Не употребляю я, ребятки. Давняя история…

Первоклассник Ваня преданно смотрел на верного друга Юрку Михайлова, тщательно пересчитывавшего мелочь, которой под хорошее настроение одарил его отец, начальник вокзала: «На конфеты вам, мальцы! Буфет ещё открыт».

— Каких купим, подушечек или ледяшек? — нетерпеливо ждал решения сладкого вопроса Ванюша.

Юрка завёл глаза вверх, наморщил лоб, мучительно складывая и отнимая в уме копейки, и, наконец, многозначительно заключил:

— По бокалу пива и по пятьдесят водки!

— Чего? — испугался Ванюша, но любопытство одержало победу.

Местные мужики частенько заглядывали в вокзальный буфет и с наслаждением потягивали запретный для детишек напиток. Жёлто—коричневый, пенящийся, он напоминал и холодный чай, и газированное шипучее ситро одновременно.

Ваня с готовностью отхлебнул из тяжёлого стеклянного бокала и разочарованно сморщился:

— Фу, гадость какая! — с перекошенным лицом он выскочил на крыльцо, выплюнул горько—терпкую, вонючую жидкость. Его едва не вырвало.

Юрка вышел следом и, наблюдая за другом, рассмеялся:

— Слабак ты, малой! Уметь надо! — с громким горловым звуком он сделал несколько глотков подряд, смачно причмокнул. — Давай так: мне пиво, тебе — водку!

Пятьдесят граммов прозрачной водицы казались совершенно безобидными. Просто вода!

— Глотай сразу! — учил Юрка. — Видишь, как мужики? Опрокинул — и всё!

Ваня лежал на кушетке, его обессиленное тело содрогалось от частых рвотных позывов, цепкие спазмы безжалостно скручивали желудок и кишки, методично и гулко стучала в висках нестерпимая боль.

Бесконечно смахивая слёзы, Ефросинья Ивановна то срывалась на крик: Ах, зло́дей! Гляди, что удумал! Батька ремнём из тебя дурь вышибет! Позор-то какой перед людями-и-и!». То, вынося в очередной раз тазик с блевотиной, горестно причитала: «Помрёт дитя-я-я! Ей-Богу, помрёт!»

— С тех пор и не пью! — Иван Павлович поднял на мужиков светлые глаза, улыбнулся.

— Во даёшь, батя! — восхищённо присвистнул Алексей.

— Если честно, то признаюсь, когда вернулся после учёбы в Ленинграде, отец сам мне налил и приказал: «За мир и дружбу между народами!». Ослушаться я не смог.

— Так за мир же! — радостно перебил Лёшка.

— И? — нетерпеливо ждал Анатолий.

— И снова мать бегала с тазиком… А миру и дружбе выпивка точно не поможет! Я вообще думаю, что сейчас, когда люди, дети, мирные гибнут… Когда фашизм голову поднял… Предательство это — пить! Там каждый час жизни за счастье, а здесь дни свои — пропивать?

Пока меняли колеса хитьковскому «Опелю», Алексей сосредоточенно молчал, только иногда вдруг замирал, закрывая глаза, при этом губы его неслышно шевелились. «Молится что ли?», — поглядывал на него Анатолий и только глубже натягивал на уши шапку.

Прощаясь, Лёшка вдруг смущённо попросил:

— Послушайте, я тут про Одессу…

Жив русский дух в Донецке и Одессе,
И помнят русский Запорожье, Львов…
Славяне мы! Нас Бог слепил из смеси,
В которой вера, правда, честь, любовь.

А дальше обжиг — то одно из правил,
Чтоб закалились телом и душой,
Господь, как глину, нас в огонь отправил,
И нам теперь со злом не страшен бой.

Вернём же время совести и света,
Святую веру в силу доброты,
И пусть навеки онемеют Мета[8]
И НАТО — европейские шуты!

— Ого! Так ты, браток, и вправду — поэт! — бесхитростно восхитился Анатолий.

— Однако! В спорах раскрываются таланты, — удивлённо покачал головой Иван Павлович. — А в нашем Алексее ещё и государственник проклюнулся. Глубоко в проблему зришь. Ишь, как мысль твоя

[8] Социальная сеть, ранее называвшаяся Facebook (создатель Марк Цукерберг (Mark Zuckerberg), разрешила с 11 марта 2022 года публикацию постов о ненависти к русским.

повернулась! «Со злом не страшен бой… Вернём же время совести и света…».

— Да ну вас! — смутился Лёша, но глаза засветились радостно, и все его тридцать два браво блеснули на прощанье.

* * *

После двадцать четвёртого февраля жизнь Ивана Павловича резко переменилась. Конечно, он и раньше следил за информацией по Украине, не пропустил и сообщение о признании Россией Луганской и Донецкой республик. «Ура! Наконец! Слава Богу!», — кричал радостно на всю квартиру. Удивительным образом эта новость совпала с долгожданным признанием истинности останков царя Николая Второго и его детей. «О, это совсем не рядовое событие, как многим может показаться. Признание святых останков мистически судьбоносно для России! Потому что признание — это покаяние, а через него придёт прощение и мощное воскрешение Руси с постепенным восстановлением её в прежних границах. Многие захотят жить в России, да не всем будет дано, — мысленно возвращался он к вековым предсказаниям святых, замирая от осознания грандиозности предстоящих событий, боясь говорить о них вслух, чтобы не спугнуть, не сглазить. — Поживём — увидим!»

Но ощущение мировых исторических перемен уже витало в воздухе, становясь вполне осязаемым. Потому и притягивал к себе сутки напролёт телевизор. Поглядывая на часы, Хитько ждал начала «Вестей» и «60 минут» по РТР, переключал на НТВ — программу «Сегодня», на СТВ — «Военные тайны», а за полночь слушал политологов в передаче Владимира Соловьёва. В интернете облюбовал сводки с фронта Юрия Подоляки и Михаила Онуфриенко. Поскольку же «Фейсбук» вёл с ними непримиримую войну — информация периодически становилась недоступной, что убедительно свидетельствовало о её правдивости. Тогда военные блогеры переселились в «Контакт», регулярно выдавая утренние и вечерние сводки о боевых действиях на линии соприкосновения. Кратко, чётко, конкретно. Что вполне устраивало Ивана Павловича и, надо сказать, даже успокаивало. Вера в победу крепла. Хотя очень хотелось быстрого развития событий, которые развиваться не спешили.

К спецоперации уже подключился бесстрашный чеченский спецназ. Точечными ударами уничтожались военные склады и заводы, нефтебазы, взлётные полосы аэродромов, самолёты и байрактары, зенитные и ракетные установки. Под контроль российских войск были взяты Чернобыльская и Запорожская атомные станции, запущен водный канал в Крым, блокирован Мариуполь…

Но Украина, прячась за Минскими соглашениями, все восемь лет противостояния использовала выигранное время для превращения приграничной территории в мощные укрепрайоны, которые накачивались оружием и боезапасами, а западные инструкторы лепили из нациков современных террористов, натравливая их, как немецких овчарок, на русского человека.

Александр КЕРДАН
г.Екатеринбург, РФ

Родился 11 января 1957 года в городе Коркино Челябинской области. Окончил высшее военное училище, военно-политическую академию и адъюнктуру Военного университета. 27 лет прослужил в Вооруженных Силах. Полковник в отставке. Доктор культурологии. Автор 77 книг стихов и прозы, вышедших в России, США и Азербайджане. Лауреат Большой литературной премии России, многих всероссийских и международных литературных премий. Заслуженный работник культуры РФ. Сопредседатель Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала.

* * *

Говорят, что страна, та, которой давал я присягу,
Проиграла войну иноземцам, пролезшим во власть.
Даже если костьми я теперь за Отечество лягу,
Суждено нашей вере и русскому слову пропасть.

Я не верю беде, навалившейся вдруг, беспричинно,
Я не верю в судьбу, что готова Россию смести…
Да, я лягу костьми, как солдату мне это — по чину,
Чтобы русское слово и веру родную спасти.

Я такой – не один. На просторах российских немало
Тех, кто верен присяге, кто Родину любит свою —
От вулканов Камчатки до сосен державных Урала.
Мы не раз русский Кремль возвращали в неравном бою,

Через смуты любые и злые улыбки соседей
Поднимались из грязи, хотя и не лезли в князья…
Столько крови и слёз в каждой нашей священной победе,
Что не верить в Россию нам просто сегодня нельзя.

Восстановим страну и вернём нашей матери имя,
Даже если не нам доведётся увидеть итог…
Богородица нас покрывает крылами своими,
И для русского сердца открыт её светлый чертог.

* * *

Есть у победы правота отмщенья
Врагу, что по заслугам получил.
И всё же ты готов просить прощенья
У запредельных, самых высших сил
За то, что враг повержен и унижен,
Что победил ты в схватке, что — живой…
За то, что мир стал на мгновенье ближе
К началу новой, третьей, мировой…

* * *

Мы шагаем как по минам,
Мы не знаем, как нам быть…
Научи нас, Украина,
Нашу Родину любить.

Чтоб любые перегрузки
Душу нам не потрясли,
Чтоб язык родимый русский
Мы навеки сберегли,

Проживая Бога ради
Так, как Бог прожить нам дал…
Чтоб чужой заморский дядя
Не пришёл к нам править бал,

Как к тебе пришёл он ныне,
И склонилась ты пред ним,
Дорогая Украина —
Наших предков горький дым.

Научи нас, научи нас,
Хоть ценой своих потерь,
Что склоняться — не по чину
Перед ворогом теперь.

Не по чину без причины
Всё былое позабыть.
Научи нас, Украина,
Память общую любить!

Чтоб любовью этой вящей
И тебе помочь самой,
Нашей, братской, настоящей,
Неприкаянной, родной…

ПОБЕДИТЕЛЬ

Я убит подо Ржевом…
А.Твардовский

Я убит сегодня под Славянском,
Защищая город наш родной.
Я лежу с герогиевским бантом —
Небеса сквозные надо мной.

Где-то громыхают бэтээры,
Грохают разрывы вдалеке,
И звучат команды офицеров
На чужом, шипящем языке.

Топает наёмная пехота,
Воровски косясь по сторонам…
А подмога задержалась что-то,
Не пришёл никто на помощь нам.

Будто бы в каком-то сне нелепом
Вся эпоха повернула вспять!
Чтобы жили вы под русским небом,
Должен был я здесь сегодня встать

И свой смертный час принять солдатом,
Ведь не зря же на былой войне
Дед мой на рейхстаге в сорок пятом
Вывел имя, что досталось мне.

* * *

Георгию Негашеву

Я видел кладбище берёз,
Что умирали стоя…

Нас разделял крутой откос —
Притормозивший поезд
Был вдаль умчать меня готов,
Перечеркнув мгновенье…
И не нашлось ни чувств, ни слов,
Чтоб выразить виденье.

И только после понял я,
Что помнить мне отныне:
Да, это Русь была моя –
По грудь уже в трясине!

Не отыскать друзей окрест,
Чтоб кто-то подал руку…
Летит гремящий век-экспресс,
Неся упадок духа.

Он лишь наживою живёт,
В нём нет любви и чести.
И только свет берёз ещё
Струится в поднебесье,
Суля надежду там, где нет
И толики надежды…

Я видел этот дивный свет —
Двух полустанков между.

Всё понимаю — надо жить,
Стоять и не сдаваться,
И, утопая в вязкой лжи,
Собою оставаться,
Чтоб среди всех вселенских гроз
Как самое родное
Лелеять в сердце свет берёз,
Что умирали стоя.

БАЛЛАДА О СЫНОВЬЯХ

На завалинке старуха,
С нею — дед.
На двоих почти им
Двести лет.
У старухи на коленях —
Кот клубком.
И сидят старуха с дедом
Ря-
    дыш-
        ком.

А в избе герань
Алеет на окне,
Фотографии теснятся
На стене.
Все солдаты,
Все похожие с лица...
Восемь было их у мамы
И отца.
Три войны прошел старик —
И сам живой.
А вот дети не вернулися
                домой —
С той последней,
Самой страшной, мировой.

У избушки — две березы,
Два ствола.
Облетела, поосыпалась
Листва.
Все глядит на них
Старуха,
Смотрит дед:
Два ствола стоят живые —
Листьев нет.

* * *

Я — осколок советской эпохи,
Инородный для нынешних дней,
Что — кому-то, наверно, неплохи,
Но мне прежние годы родней.

Где — идея была и Держава,
За которую был я горой,
И Победы отцовская слава
Приходилась мне старшей сестрой.

И в лесах ещё не было гари,
И дымили заводы в стране.
Звёзды космоса Юрий Гагарин
Подарил всей планете и мне.

Комсомол, пионерия, школа…
Время было тогда молодым!
Я — советской эпохи осколок
И не стану вовеки иным.

Критиканам досужим не внемлю,
Помню прошлые годы, как есть…
Срок придёт и — войду в эту землю,
Где подобных осколков не счесть.

* * *

Не может родина быть малой…
К.Скворцов

Милая родина,
Малая родина,
Дедов приземистый дом…
Дальше, конечно же, в рифму —
Смородина,
Та, что растёт под окном.
Рядом — малина,
Колючий крыжовник,
А за забором — репей…

Будь ты, хоть праведник,
Хоть уголовник,
Будь в этой жизни — ничей,
Здесь обретёшь,
Всё, что было утрачено,
Пусть никого не найдя…
Холмик над мамой,
Крестом обозначенный,
Сетка косого дождя…

Добрая мама —
Кровиночка алая —
Сделалась пядью земли.
Родина милая,
Родина малая —
Можно в горсти унести.

Александр САВЕНКОВ
г.Горловка, ДНР

Член Союза писателей России.

Лауреат премии им. П. Беспощадного, Всероссийского литературно-музыкального конкурса «Неизбывный вертоград», посвящённого столетию со дня рождения поэта Николая Ивановича Тряпкина в номинации «Русский мир», Всероссийского поэтического конкурса «ВЫСОТА», посвящённого подвигу 6 роты псковских десантников, III Международного поэтического конкурса имени Павла Беспощадного «Донбасс никто не ставил на колени» в номинации «Русский Донбасс». Лучший автор журнала «Берега» — 2020 (Калининград) и др.

письма из ада

он, смеясь, ответил мне:
«встретимся в аду».
А. Ахматова

1

она сказала: «встретимся в аду»
и если я всё верно понимаю,
то на беду, на страшную беду
в одном году сошлись три чёрных мая

2

я пишу тебе из ада
на слепом излёте дня:
кладбище разбито градом,
дом на линии огня,
хлеба нет, надежда только,
что поможет лямку бог
нам тянуть с соседским колькой,
раз уж чёрт нам не помог,
во владениях аида
шоколадный жирный чёрт…
ну, прощай, сестрёнка лида,
может, свидимся ещё

3

вот и медовый спас…
только б хватило сил:
рядом рванул фугас,
мальчик заголосил…
но и в своём аду
город ещё живой:
очередь в триста душ
за питьевой водой

4

от страха — смех нервозно-сладкий,
а от смешного — не смешно,
где даже спящие с оглядкой
лихую коротают ночь.
быть может, всё свершится скоро,
но час здесь тянется сквозь дни
и люди так вкрапились в город,
что их стирают вместе с ним

5

им нет покоя — ангельский уют
саднит и колет там, где сердце билось,
им видно землю грешную свою
до мелочей, вплоть до своих могилок…

6

лучше войны никто не научит
самым простым вещам:
долго ли ждать,
что значит сущий,
стоит ли обещать
плачущим детям
детство как праздник,
светлый покров небес…
прошлой и будущей

выверив разность
веры в самом себе

7

когда вы были молодыми,
именно в те полмига
подыскивал мне ангел имя
в апрельских книгах,
на тёмной дудочке играя,
смывая переливом нот
воспоминания о рае,
что будет всё наоборот
и в разлинованной тетради,
как на фейсбуковой стене,
воспоминания об аде
запечатлеются во мне

8

пустые слёзы на щеках
под ветром стылым:
всё то, что мнилось — на века! —
сошло в могилу.
талдычат суетные дни
войны законы
да колоколенка бубнит
чудны́е звоны
и чья-то жизнь длиною в шаг
из ада в царство,
пока другой душе душа
плетёт мытарства

9

но мы друг другу стали ближе,
иного не нажив добра,
когда вовсю пытались выжить,
чтоб научиться умирать

10

и кто-нибудь потом напишет:
здесь люди-стены, люди-крыши,
как дети, мечутся во сне
и кровь, как звон, в набрякших венах
о всех невинноубиенных
на диком поле наших дней

после

/

полночь ввязалась в бой:
громче да глуше
бреет солдатский бог
наголо души…

перепроверь, комбат,
рыжий чертяка,
веру в окопах, сегодня на ад
будет атака…
выжившие сыны
станут, цедя минуты,
клочьями тишины
сны затыкать под утро

//

вьётся над чёрной башней
белый от жара воздух…
вот я и стал вчерашним,
травам по капле роздан,
пахнут горелым житом
спаса пустые дали,
вот я и стал убитой
мыслью о генерале,
чтоб не мечтать ревниво
стать рядовым обратно…
боже, какое чтиво –
трупные эти пятна
на васильковом поле
после ночного боя…
в сердце былинка колет
и не даёт покоя

город-призрак

к полудню город вымирает…
пустеют улиц рукава,
голодный пёс бежит по краю
разбитых бордов в свой подвал,
и над цветочными рядами,
пугая брошенную тварь,
горящий тур сулит динамик,
глотая полые слова…
и даже сизокрылых стая,
что с рук кормили час тому,
к полудню тоже отлетает,
как души в голубую тьму,
и солнце, медленно склоняясь
за горизонт в кровящих швах,
глядит, как призрак изменяет
своим привычкам и правам…
и с темнотой пустой и страшной,
жару сменившей на часы,
собачий вой, как в рукопашный,
идёт движением косым…

* * *

в поле полиуретан
истлевает на ботинках:
спят солдаты тут и там
под цик-адову сурдинку…
тишь да гладь… не застучит
в клетке рёбер сердца слово…
в небе жирные сычи
степь блюдут: пасут полёвок

* * *

ты только будь
здесь, где не надо быть
никем другим:
ни прежним, ни грядущим,
ни азбукой безумств,
ни добротой без дел,
ни словом без любви,
ни правом без надежды…
ты только будь
здесь, где не надо быть
никем другим
и оставайся рядом

* * *

январь, канун крещенья, иней
с ветвей слетает так картинно,
и мы бежим по паутине
протоптанных в снегу тропинок
в убежище, в слепую сырость,
где, позабыв о всяком зле,
дворовый кот покойно, с миром,
спит на строительном козле

* * *

думает, дикий, из камня и глины он
а вглядеться в дома и арки —
город подвешен на нити рябиновой
чьей-то молитвы жаркой

* * *

светлый ангел, тёмный жгут,
кровь на душном вороте…
дальше ада не сошлют –
остаёмся в городе
на минутные века,
на любовь без отчества,
на валянье дурака,
на пророчество…

* * *

к неблагословенному благу,
как мытарь, растративший мыто,
второй уже проклятый август
считает убитых…
людей выключают из света
без окрика, без заминки,
и снова сутулятся где-то
в безмолвном угаре поминки
без гнева, без плача, без требы…
помилуй нас, Христе Иисусе!
кочует по впалому небу
в степи подорвавшийся бусик…
глядят из него виновато
бескрылые ангелочки
и облачка сладкая вата
всё тоньше, и тоньше, и тоньше…

МАРА

памяти мирянина,
убитого снайпером в Зайцево

…и, повитый колючей славой,
спит мужчина, землю курганя…
Глеб Горбовский

Отнимая от малого меньшее:
дня суѐты, слёзы вечера,
делаешь вдох, а выдохнуть нечем…
а матушка говорила: вечен
будь,
веруй, мой младший, мой падший,
не дай себя обмануть
выстрелом в сердце,
мой третий,
чтобы глядеть, как дети,
из тёмных зеркал на этих
и тех, и иных, и энных
от бедной твоей вселенной
с чёрной дырой навылет
бегущих, как и учили,
полòтно, быстрее гула
слухов о смерти, быстрее гугла,
строками сводки:
дежурно мелькнула,
охнула и затихла
на медицинских иглах
стылым огнём по венам
ещё одна млечная, тленная,
в пьяных травах блуждая от нечего

недолюбленно, недоверчиво…

Иней расцвёл на шиповнике — к славе:
грешный человече, сон навий…
сон, что сон этот вещ,
и что дом его пуст,
и он сам — просто вещь,
одна из когда-то любимых, забытых
меж сырою землёй и молитвой,
вещь в себе, недомолвка, безделица…
перетерпится ль, перемелется ль
в смертной скуке считать века
в клетке снайперского зрачка?..
да глядеть, как мололись среды,
как играли со смертью деды,
чёрный ворон и тот не ведал
кто вернётся с житейской брани—
пахарь, воин, монах, изгнанник —
марь курганить, младенствовать злобой,
гнать до ирия солнечный обод
и отчаянно ведать — не тронет
ядовитого времени гибельный промельк…
небо тонет в ромашках,
стреножены кони,
на горячей ладони — коровка божья
вяжет линию бездорожья…

СКВОЗЬ РЯДЫ ВЕЧЕРНЕГО КОНВОЯ

Брату

Падал снег…
На тёмный сад строений,
сквозь ряды вечернего конвоя
падал, не отбрасывая тени,
высотой отвесной – на земное,
падал так безропотно, безмолвно,
так по-детски смешиваясь с грязью…
Падал снег…
И наползала полночь
на идущих уличною вязью,
на осин последние наряды
у оси застёгнутых подъездов,
на огни гирлянд, фасады, взгляды,
тихо оседающие в бездны…
Падал снег…
На города и веси
как безумство – спрашивать у пыли:
и о чём молчат слова их песен,
и как много в сказках чёрной были,
над которой плавниками Млечный
в темноте, не помнящей запретов,
их сердец перебирает речи
как осколки тающего света…
Падал снег…
Бездомно, безымянно,
падшему понятный с полуслова,
падал, как единственная данность
дня сего от Рождества Христова…

* * *

какому мы на откуп отданы
правопреемнику судеб?..
ещё раз грады отработали
взахлёб, и свет – ослеп:
мы стали жутко одинаковы
в подвальной душной темноте…
зажглась свеча перед заплаканным
дитём, уснувшим на тахте.
ах, белокурая прелестница
с ладошечками под щекой,
задай вопрос с небесной лестницы
правопреемнику: «доколь?»

ГОРЬКОЕ

Докурим злую нашу скуку,
что жизнь — одна,
и смерть — одна,
что каждой фразе, слову, звуку
не избежать двойного дна,
наполним дымом горькой правды —
одной из многих горьких правд —
стихи и спрячем их в тетради,
как прячут в ящик путь назад,
туда, где рвань — что было тонко —
сшивает вера, как скорняк,
где ветер треплет распашонкой
цветы жасмина у плетня,
и лепестки слетают в зыбку,
что и взаправду так зыбка,
где носят траур, как улыбку,
и ждут вестей издалека.

СИГИДА
Александр Александрович
г.Молодогвардейск (Атамановка), ЛНР — г.Донецк, ДНР

Поэт, переводчик, публицист. Член Союзов Писателей Луганской и Донецкой Народных Республик. Окончил Луганский лицей иностранных языков, Луганский педагогический университет. В совершенстве владеет французским, испанским, английским, немецким языками.

Лауреат литературной премии «В поисках правды и справедливости» в номинации «Молодая поэзия России» (Москва, 2015); обладатель серебряной медали Всероссийского литературного фестиваля фестивалей «ЛиФФт» (Алушта, 2016); участник III совещания молодых писателей в городе Каменск-Уральский и семинара военных авторов в Москве (Переделкино).

В 2014 году принял активное участие в народно-освободительном движении Донбасса: участвовал в военных действиях в рядах ополчения в батальоне «Оплот». Проходил службу в ДНР как минометчик (2015-2016), затем служил в спецназе (2017-2018).

В настоящее время участвует в спецоперации по освобождению Донбасса в рядах Народной милиции ДНР.

СОЛНЦЕВОРОТ-2014

Отцы не взяли автоматы
В тот девяносто первый год,
Когда политики-кастраты
Пустили Родину в расход.
Те, кто не спился в девяностых,
Кто не сторчался в нулевых,
Не сгинул в наркохолокосте
От огнестрельных, ножевых, —
Сегодня здесь. Их шеи тонки,
Они приходят прямиком
Из старых выпусков «Лимонки».
Вам этот дискурс был знаком?
Сейчас лимонки — в дефиците,
Но есть четыре РГД...
Задумавшись о геноциде,
Не забывай о Сигиде.

ВОРОНЫ

(из Bathory)

В тленье неба острых крыл
Ветры в небе унесут сейчас.
Надо мною воспарил.
Я — под взглядом чёрных глаз...

Вдаль, мой Ворон, лети надо мной
В вечном небе, выше вершин...
Вдаль, мой Ворон, над головой,
Чтоб лишь ветер путь вершил...

Вдаль ваш, Вороны, полёт,
Быть может, гибель меня здесь ждёт...

ПЕРВОЕ ИЮЛЯ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО. БОЛЬШЕВИЗМ[9].

Слава вам, патриоты Донбасса,
Добровольцы народных дружин!
На защиту рабочего класса
Поднимаются все, как один.
Посылает Майдан отщепенцев,
Посягая на добрую честь,
Но сплотились ряды ополченцев
И готовят священную месть.
Спать не могут спокойно буржуи
Потому, что им снится война.
На земле нашей горе бушует
Скоро враг всё получит сполна.
В шкуру серую молча влезая,
Разрываем суровую нить,

[9] Написано на мотив «Прощания Славянки». Или «Вспоминайте, меня, вспоминайте» Махно в превосходном исполнении группы EST (прим. автора).

Мы должны отомстить за Гизая[10],
За друзей мы должны отомстить!
Слава вам, патриоты Донбасса,
Добровольцы народных дружин!
На защиту рабочего класса
Поднимаются все, как один.

В КАНУН БИТВЫ ПРИ СОММЕ

(из песен лоялистов Ольстера)

Я не знаю, прочитаешь ли когда-то
Эти строки, что пишу сегодня я;
Вокруг сидят усталые ребята,
И тихо напевают у огня.

Со мной была ты в радости и в горе,
Единственная, милая моя;
Я надеюсь, что тебя услышу вскоре,
Хоть могу тебя и не увидеть я.

Я скучаю по туманам Даль Риады,
Я по Лэгана тоскую берегам;
Мне б побыть с тобою рядом
Хоть миг, моя отрада.
Труба зовёт, и в путь пора уж нам.

Я за тысячу миров от Белфаст-сити,
Остались в прошлом мой очаг и дом,
Прошу, воспоминанья унесите
От ужаса сражения при Сомм.

Дорогая, я не знаю, что там дальше,
Все прогнозы говорят о затяжной
Стальной грозе, свирепой, словно баньши,
И Крови Ольстера, отважно пролитой

Я скучаю по туманам Даль Риады,
Я по Лэгана тоскую берегам;
Мне б побыть с тобою рядом
Хоть миг, моя отрада.
Труба зовёт, и в путь пора уж нам.

Я вижу в небе страшные знаменья
И, как в роще Гефсиманской, наконец,
В тебе я обретаю утешенье,
Чтоб по силам был терновый сей венец.

И ещё я повторю тебе с любовью,
Тебя я не забыл, хоть невесом
Твой запах, припаду я к изголовью,
А завтра — снова в битву, возле Сомм.

И я скучаю по туманам Даль Риады,
И я по Лэгана тоскую берегам;
Мне б побыть с тобою рядом
Хоть миг, моя отрада.
Труба зовёт, и в путь пора уж нам.

1916

(из Moto#rhead)

Мне было шестнадцать,
Когда я ушёл
Бороться за землю героев;
С Богом в душе
И с винтовкой в руке,
Помножен на ноль был собою.

И я дрался,
И умер,
И я маршировал,
И я взрослым не стал — рановато.
Только знаешь, друг мой,
Год на передовой —
Это долгая жизнь для солдата.

Мы все — добровольно —
Свои имена,
Пару лет дописав, внесли в списки;
Жажда жизни
Была так сильна,
А страницы Истории — близки...

Десять тысяч штыков,
Мы долбили врагов,
Мы желали погибели Гуннам.
Солдатскою массой,
Пушечным мясом,
Мы были, признаться могу вам.

Мой друг завопил,
На колени упал,
Кровью харкая, плача о маме;
И я пал среди тел,
Никто не уцелел,
Все, как дети, прижавшись, лежали...

[10] Гизай Александр Александрович — мой преподаватель ДПЮ из Луганского ЛИЯ. Афганец, глава поискового отряда. Убит 2.06.14 во время бомбёжки ОГА (прим. автора).

Я в кровавую грязь
Лёг, кишками змеясь,
Плача над коченеющим телом;
Звал я маму, но не
Появилась она;
Не её этот грех,
Не моя в том вина;
Десять тысяч погибли
Всего за полдня;
И стёрты из памяти
Все имена;
Солдаты.
Обычное дело.

ПАЦИФИСТАМ

Как византийцу ненавистна схизма
И манихейства, и иконоборчества,
Мне отвратительна идея пацифизма
В политике, масс-медиа и творчестве.

Оно, как явный признак разложения,
Плетётся тыловыми демагогами
Холёно-Маяковского сложения,
Махаевщины Гогами, Магогами.

Они приходят, с лирами и фондами.
Их голос ангельский — так звонок вдалеке!
Но вижу я холодный коготь Мордора
В протянутой в приветствии руке.

Я буду с ними говорить о мире
На языке Давида и Эсфири.

ГЕРОИ ЛОТРЕАМОНА

Не раз, от Седово и до Краснодона
Бывал я с героями Лотреамона.

Бессмертный таился во тьме пеликан
Где бешеной злобой бурлил океан.

Блистали зарницы на небе Донбасса
И я шёл путём Изидора Дюкасса.

И молний изысканный вился узор
И вас наблюдал мой истерзанный взор.

Одни удостоились доли печальной
В постыдной экзотике ориентальной.

Не стану роптать, но их воля мертва
В погоне за призраками волшебства.
Пусть воля моя их разбудит и скоро
Седьмую услышите песнь Мальдодора.

И я завершу Книгу Мёртвых Имён,
И ей позавидует Лотреамон.

ПРИ ИЗОНЦО

Точным был и безупречным
Заратустры взгляд:
Возвращается всё вечно,
Как сто лет назад.

Массы — немы и покорны,
Взнуздана печать;
Их в традиции фольклорной
Будут обучать.

Люди будут славить Солнце
С радужной дугой;
Где быть, как не при Изонцо,
Словно тот, другой?

Не забуду я тусовок
В кабаре Вольтер,
Слэмов, праздников, винтовок,
Радостей, потерь.

И товарищей-ардити,
Склоны белых гор,
Где шагают из укрытий
В будущий фрайкор.

ОПЕРА

Отдавая треть зарплаты
За билеты в Опера́,
Жил и умер в сорок пятом
Парень с нашего двора.

Заратустру кинул в ранец,
Сала шмат, и — марш на фронт.
Не австриец, но германец,
Он ушёл за горизонт.

«Если смерти — то мгновенной, —
Молвил, хлопнув по плечу, —
Передай открытку в Вене
Пану Андруховичу».

И в двадцатое апреля
В день воскресный и сырой
Ты — наследник Титурэля
Романтический герой.

А кулич пасхальный, пышный
Поделили в Сен-Жермен...
...Остаются только вишни,
Только Кальман и Кармен.

THIS GAME HAS NO
Политический напёрсток
Правый, левый, центровой
И трясёт над ним подросток
С необычной головой
Игровые автоматы
Для лохов, как в фильме «Пыль»
Прорастают, как стигматы
Сквозь лавкрафтовскую быль
Подпевалы, лизоблюды
Все стремились в КВН
И мечталось, как о чуде
В студпрофком, да с РГН
А страйкбольные ребята
И фанаты ЧГК
На довольствие в террбаты
Или может быть в ЧеКа
На истфаке и в инязе
Мы сыграем, как Бодлер.
Где опасней ваши связи
В USA иль в ЛНР?!

* * *
Африканец уже в Валгалле.
Подают валькирии мёд.
Этот рай вы завоевали.
Кому надо понять — поймёт.
На пути из Варягов в Греки
Мы тащили свои суда,
Находили леса и реки.
«Эй, стой там и иди сюда!»
Одноглазый полковник старый,
Их поглавник и командир,
К межэтническим холиварам
Равнодушен: «Доблестным — пир!»
Криминальные авантюристы,
Праволевые всех мастей,
Футуристы и фаталисты.
Где найдёте таких гостей?
Если есть пространства иные,
Живы русла у скифских рек,
Значит, сбудутся позывные
Африканец, Варяг и Грек.

МОЙ КРЕСТ (НИК)
Как крёстный отец
И крестоносец
Тебе, Саня,
Крестом и Текстом,
И огнём перекрёстным
Реконкисты,
Русской,
Что неизбежно грядёт.
Грядущее скрыто
Туманом войны,
Глаза сыновей
Слезятся от дыма.
В братоубийственных
Сагах и песнях
Старшей и Младшей
Эдды, мой крестник,
Правду найдёшь.
Пламя идёт
С далекого Юга,
Люди щадить
Не станут друг друга.
Меньше ресурсов
И меньше воды,
Под яростью турсов
Треснут льды.
Это война — не последняя, крестник,
Когда придёт чёрный наместник.
Пылающий юг,
Юные страны,
Тени империи Оттоманов,
Албания. Сирия, ересей клад,
Сельджуков натиск и Халифат.
Новый средневековый мир
Войны за деньги и войны за веру,
Фанатики, викинги, кондотьеры.
Падение буржуазной химеры.
Век двадцать первый — мечей и секир,
И достижений, и поражений,
Готы и гунны — ориентир
Перезагрузок и новых вторжений.
Будет ещё Революции шторм,
Новой системы перезагрузки.
Знай, что молился об одном:
Саня, будь Сильным, Умным, Русским.

Виктор ПЛЕСКУН
с. Пархоменко, Краснодонский район, ЛНР

Поэт. Педагог.

Директор Пархоменковского УВК №30. Народный мастер Луганщины, мастер народного клуба «Левша». Вышивает с детства рушники и иконы, эскизы к которым разрабатывает собственноручно.

В феврале 2022 года был мобилизован в ряды армии ЛНР. В апреле был ранен.

Представленная подборка стихотворений написана в период февраль-апрель 2022 года — в окопах, в госпитале.

* * *

Бетонное солнце... бетонные лица...
Бетонные люди... бетонные птицы...
Бетонные мысли, сжаты тисками...
Бетонные тучи сгустились над нами.

Откуда всё это? Где жизни источник?
Вместо ответов — множество точек.
Куда всё живое исчезло, свернулось?
Неужто бетонное небо прогнулось?

Нависло над нами, давит бетоном,
Чистые чувства откликнулись стоном.
Слёз не видать — ледяной конденсат,
Даже слова здесь летят невпопад.

Неужто росток не пробьёт монолит?
И мысль в поднебесье уже не взлетит?
И солнечный луч не разрежет бетон?
А радостный смех не заглушит вновь стон?

Вера с Надеждой живут ещё в нас,
Станет цветущим родной наш Донбасс,
Мирное время настанет здесь вновь,
И воцарится святая Любовь!

Февраль, 2022 г.

* * *

Весенний день, но нет ещё тепла,
И солнце светит, но мороз крепчает.
Казалось мне: душа сгорит дотла,
Надежды искра в небе замирает.

Застыла вдруг, не падает она,
А это значит, что не угасает.

И, слава Богу, что она видна,
И веры дух она в меня вселяет.

Коль не угасла, значит, я живу,
И буду жить я ради вас, родные.
И что любил, по-прежнему люблю,
Мне чужды чувства новые, иные.

В свою я душу злобу не впущу,
И ненависти нет в ней тоже места.
Я оптимист, и жизни луч ищу,
Минора нет, звучит мажор оркестра.

Март, 2022 г.

* * *

Земля родная, за что тебе такое:
Испепелённая, убитая войной?
Уж столько лет не знаешь ты покоя,
Что ж поступают дети так с тобой?

Тебе б родить, но вся ты в диких ранах,
Тебе б цвести, но обгорел весь цвет.
Да, было больно при ордах, тиранах,
А в наше время? Кто же даст ответ?

Страдала ты, но враг был чужеземец,
Рыдала ты, теряя свой народ.
Врагом сейчас стал брат-единоверец,
Что пожелал приобрести господ.

Всему виной, что предали мы веру,
Что медный грош мерилом жизни стал.

И что сейчас, в техническую эру,
Теряем мы родство и идеал...

Что мы — славяне, сами позабыли,
А для господ мы — просто рабский род.
Ведь мы единстве братском дружно жили,
И этим славился могучий наш народ.

Нас разделили... Кто виновен в этом?
Купили нас... Да, в этом тяжкий грех.
Виновных ищем мы других при этом,
Решений мы не ищем, а утех...

И горе это — нам за то расплата,
Что брат для брата стал теперь врагом...
Земля родная, ты не виновата,
Что сад сгорел, разрушен отчий дом...

Очнитесь, братья! Я взываю к Небу!
Опомнитесь! Ведь жизнь одна дана!
Вы помолитесь Господу и Хлебу!
Лишь созидать судьба нам суждена.

Март, 2022 г.

* * *

Век за веком, года за годами
Пролетают, возврата им нет.
И плывут снова тучи над нами,
Средь армад меркнет солнечный свет.

Опускаются вновь над землею,
Превращаясь в химеры порой.
То вздымаются снежной горою,
То плывут они грозной ордой,

То сливаются все воедино,
Застилая небесную гладь.
И пророчат беду иль ненастье,
Будто время застыло опять.

Но вот ветер вмиг тучи раздвинул,
И сквозь брешь солнца луч прошмыгнул.
Взором робким он землю окинул,
А потом полной грудью вздохнул.

Тучи он разорвал на осколки,
Возвестив, что кончается тьма.
Осветил он дороги, проселки,
Отступила небес кутерьма.

Март, 2022.

* * *

Апрельский день. Цветам бы расцветать,
Но нет тепла в сердцах и нет в природе.
Душе бы петь, но хочется кричать,
Всё потому, что силы на исходе.

Вы скажете, что слаб. Возможно, да.
Я не стыжусь, друзья, признаться в этом.
Был помоложе б, может быть, тогда
Я б обратился к старшим за советом.

А вот сейчас приходится терпеть,
Собрать все нервы, силы воедино.
И как не хочется — приходится стареть,
Но лишь желание одно непобедимо:

Перетерпеть, чтоб выжить, дальше жить,
И с юмором уже не расставаться.
Солдатским братством буду дорожить,
Оно сейчас мне не даёт сдаваться.

Где лёгкий мат порою в три ряда,
Где прибаутки, анекдот иль байка,
Где при общении стираются года,
Где делится на всех консервы пайка,

Где вместо Вы — все перешли на Ты,
Где у костра чаи вкусней, чем в баре,
Где бороды не ради красоты,
Где дрожь берёт при каждом артударе.

И пули свист, почти что как в кино
О той войне, где воевали деды.
Мне это в братстве пережить дано,
В окопе сон иль у костра беседы...

2 апреля 2022 г.

* * *

Мороз отступил, ярче дни теперь стали,
Все оживает, и веет весной.
Весело птицы уже засвистали,
С дальних краев потянулись домой.

Знают они, что их ждёт край родимый,
Гнезда родные, леса и луга.
Только не знают, что край их любимый
Пепел войны застелил, не снега.

Зелени нет, лес ещё не укрылся,
И не оделись сады в белый цвет.
Лишь первоцвет из-под снега пробился,
Жизни грядущей принес он привет.

Этот цветок — символ чистой природы,
Он украшает весенний пейзаж.
Пепельный снег смоют талые воды,
Чище и ярче весь мир станет наш.
Апрель, 2022

* * *

Провисло небо — льет как из ведра,
И кажется всё серым и унылым.
Печалью моросило чуть с утра,
А вот сейчас с дождем оно застыло.

Не шелохнется небо: полный штиль.
Но тучи всё сбиваются плотнее.
И нет просвета на десятки миль.
От этого путь кажется длиннее.

Эй, ветер вольный! Тучи разгони
И возвести, что солнце выйдет скоро,
Что за дождем теплее станут дни —
Всё на бескрайнем оживет просторе!
Апрель, 2022

* * *

Жизни радостные минуты,
Когда слышу я голос твой.
Мои нервы в кулак сомкнуты,
За высотку идёт вновь бой.

Струны эти не отпускаю,
Не должны расслабляться они.
Это понял теперь я, знаю
И до встречи считаю дни.

Жду тот день, когда дверь откроешь,
Спросишь тихо: «Где долго был?»
Своих слез в этот миг не скроешь.
Взгляд твой, милая, я не забыл.

Твои руки, улыбку, укоры
И морщинки у краешка глаз.
О проблемах детей разговоры,
Что, увы, возникали не раз.

В миг затишья о доме мысли,
Но вот залп напрягает опять.
Тучи дыма над нами нависли,
Не воротишь тут время вспять.

Закрываю глаза — вновь дома,
Здесь уютно и тишина...
Вещь здесь каждая мне знакома,
Лишь открою глаза — война...
12.04.2022

* * *

Как хочется расслабиться порой
Иль в тишине наедине забыться.
Живу лишь мыслью я сейчас одной —
Скорей бы в дом родимый возвратиться.

Обнять жену, дочурок и внучат.
И выпить с сыном залпом грамм по двести.
И пусть на нас родные не ворчат.
Сын как никто поймёт меня без лести.

Тогда, в пятнадцатом, он это пережил:
Морозы крепкие, окопы, артобстрелы...
Солдатский быт тогда ребят сдружил,
Хоть Марс с небес нацеливал в них стрелы....
14.04.2022

* * *

Мгновенье это могло всё изменить
И гранью стать между двумя мирами.
Оно решало: умереть иль жить,
Не осыпало Божьими дарами.

Разрыв снаряда, дым столбом и крик,
Взрывной волной распахнуты все души.
И жизнь промчалась предо мной за миг,
Осколки разлетались, словно груши.

Куда лететь, решают не они,
Природа физики их сыплет хаотично.
От фейерверков этих не горят огни,
Но цель свою все знают на отлично.

Кто в душу, кто во плоть, порою в сердце —
Без разницы, куда они вонзятся,
Без разницы, куда открыта дверца,
Они летят, но болью отразятся.

Ту боль, что плоть узнала, пережил.

Утраты ближних не могу доселе.
Мечтой о доме дорожу, ей жил.
Душа болит, пусть нет той боли в теле.

Друзей терять, которым жить да жить,
Я не могу, я не хочу, не буду.
Всё, что случилось, надо пережить.
День девятнадцатый апреля не забуду.
25.04.2022

* * *

Спасибо тем, кто не вышел из боя,
Кто жизнь отдал, своей не пощадив.
Мы перед вашими могилами все стоя
Святую память, обещаем, сохраним.

Чтоб дети, внуки помнили и чтили,
Чтоб не черствели души и сердца.
О подвиге чтоб память сохранили
Во имя Сына, Духа и Отца!
Май, 2020.

* * *

Их было три. Но с интервалом
Они летели напролом.
Тогда, за автоматным шквалом,
Не слышен даже был и гром.

Он громыхал — они летели —
Три пули — быстрою стрелой.
Быть может, вовсе не хотели,
Их жизнь диктуется войной.

Их было три последних пули,
Все остальные вдалеке.
И вот они туда шагнули,
Где смерть иль жизнь на волоске.

Одна, войдя с трудом в твердыню,
Пронзила сотни две колец.
И дуба тихую гордыню
Нарушил холода свинец.

Вторая вдаль шагнула, в вечность,
Лишь слышен тихий перезвон.
О ней времен-то быстротечность
Забудет, будто страшный сон.

Но где же третья? Третья — в сердце!
Она вошла легко в него.
Но не в распахнутую дверцу,
А напролом — за миг всего.

Оборвала любовь и счастье,
Большую радость иль успех
И принесла с собой несчастье,
Взвалив на душу чью-то грех.

Их было три... Возможно где-то
Утонут две в небытие.
А третья станет амулетом,
Как горький знак о той войне.
Январь, 2002.

Светлана ТИШКИНА
г.Луганск, ЛНР

Поэт и прозаик, публицист и драматург, член Союзов писателей России и ЛНР, Межрегионального союза писателей, Национальной Ассоциации Драматургов. Председатель Православного литературного объединения «Свете Тихий», лауреат Всероссийской премии СП России «Слово».

Составитель Международного альманаха «Свете Тихий».

Награждена медалью «Луганской иконы Божией Матери». Лауреат литературных премий «Олега Бишарева» и «Молодая гвардия». Дипломант XII Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь».

Работала журналистом в газетах ЛНР «XXI век», «Республика», «Православная Луганщина».

ЧЕСТЬ ИМЕЮ

Это было ужасно! Киев обстреливали из артиллерии! Кто? Ну, раз на Украину «напала» Россия, то было естественно думать, что её войска и обстреливают. Это было неправдой, но правду никто не искал. Киевлян принуждали оставаться дома, не давая выходить даже в магазины. Кто? Это делали свои, украинские силовые структуры. Запасы продуктов, если у кого и были из населения, то очень быстро подходили к концу. Некоторым смельчакам удавалось прорваться в магазины, но толку от этого было мало — полки были почти пустые, кассы не работали. Тех, кто, теряя самообладание от голода, решался взять что-то из того, что могло утолить жажду или голод, ловили, приматывали к столбам скотчем и, спустив штаны, лупили чем попало по голой заднице. Кто? Те самые националисты — «герои» Украины из нацгвардии или территориальной обороны, которые вызвались поддерживать порядок в городе. Средневековье какое-то! Слухами о их зверствах земля полнилась… Страх нарастал.

Соседи по вечерам выходили на лестничную площадку, чтобы узнать новости. Конечно, они шаблонно ругали Путина с его армией за то, что всё-таки вторгся на Украину и покусился не на какой-то там Донбасс, к чему давно привыкли, а на саму столицу. Шёл месяц март 2022 года.

Наталья, тридцатипятилетняя киевлянка из тридцать девятой квартиры, поверить не могла, что такое вообще может происходить в благополучном до сих пор Киеве. Мужа Натальи, как он не увиливал от мобилизации, пришли домой, грубо увели и отправили воевать в Донбасс. Последний раз он звонил жене четыре месяца назад, затем связь оборвалась. Что случилось, жив ли он, жена не знала. Наталья осталась одна с двумя детьми: семилетней Лилией и пятилетним Марком.

Дед Ефим, недавно поселившийся в тридцать пятой квартире у сестры, тоже выходил послушать кто что знает. Говорили, что русские обстреливают Киев из занятого ими Гостомеля. Ефим возражал: он своими глазами видел, что прилёты были с противоположного от аэропорта направления. На это люди только пожимали плечами. Что-то доказать из почти арестованного положения не получалось, хотя и новостям, пока ещё льющимся из «зомбоящиков», тоже уже не верилось.

В связи с нарастающим голодом, всё острее вставал вопрос об эвакуации из Киева, оказавшегося в зоне боевых дей-

ствий. Куда бежать? Это был главный вопрос на повестке дня.

На днях соседи с третьего этажа пытались выехать во Львов на своей машине. Звонили, рассказывали, что их за определённую мзду выпустили из Киева. Но в Житомире их снова остановили военные и сказали, чтобы ехали за ними. Больше от них звонков не было. Телефон не отвечал. Ходили слухи, что вояки из территориальной обороны забирали для нужд армии машины, вытряхивая хозяев, как ненужный хлам. Иди куда хочешь, пока жив. Но правда это была или очередная страшилка, люди не знали.

Сегодня утром ещё одна семья из соседнего подъезда пыталась вырваться из Киева в сторону Одессы, но терроборона не выпустила их. Пришлось вернуться.

Нужно было что-то предпринимать, чтобы выжить, но где соломки подстелить, чтобы горя не испить, никто не знал.

— Я оставаться здесь с детьми и умирать от голода не собираюсь, — заявила Наталья, — буду пробовать уехать на запад, возможно даже в Польшу. Мне один знакомый сказал по секрету, что есть такие люди, которые помогают беженцам добраться до Львова. А если на восток или на юг едешь — не выпускают. И расстрелять могут, как предателей. Война всё-таки!

Дед Ефим с сестрой Марией решили ехать в Донбасс, но о решении своём, по понятным причинам, никому не сообщали. Они понимали, что лучше ехать на общественном транспорте на север, пока не упрутся либо в российские войска, либо в государственную границу с Россией или Беларусью. Заманчивыми в этом отношении были рейсы «Киев — Чернобыль» и «Киев — Чернигов». Не факт, что удастся уехать из Киева, и не факт, что даже до автовокзала удастся добраться, но очень уж хотелось деду в свой родной дом, что в посёлке под Луганском, с сестрой вернуться.

Вечером, после очередного обстрела, их район остался без света. Это обстоятельство придало соседям смелости, и уже следующим утром из подъезда одна за другой, вышли три семьи. Им повезло, бойцы территориальной обороны проспали их бегство.

Одна семья — родители, дочь и племянник — сели в личный автомобиль и были таковы.

Вторая семья — Наталья с двумя детьми — вышли чуть позже. На углу дома их ожидал микроавтобус, водитель которого занимался тем, что за немалые суммы помогал беженцам добраться до Львова.

Третьими из подъезда вышли дед Ефим и баба Мария. Они пешим ходом решили идти на автовокзал. Пройти нужно было около трёх километров. Для Марии это было большим испытанием, но она смиренно шла за братом, понимая, что он выбрал самый безопасный маршрут. За плечами Ефима висел небольшой рюкзачок, в котором лежали самые нужные вещи сестры и одно на двоих силиконовое дедово одеяло. Мария шла налегке. В руках у неё был только пакет, в котором лежало два пирога с картошкой. Испекла она их из последних запасов, как тот колобок из сказки: по сусекам поскребла и наскребла. Назад дороги не предвиделось. Только вперёд!

Наталью с детьми довезли до автовокзала, сказали, чтобы шла к группе отъезжающих у третьего перрона. К этому месту, мол, через пятнадцать минут должен был подъехать большой, комфортабельный автобус, который довезёт семью до Львова. Не подозревая подвоха, женщина надела на детей небольшие рюкзачки, забрала чемодан, большую сумку, и они вышли из микроавтобуса. Он сразу уехал.

Наталья с Марком и Лилией подошла к группе.

— Вы на Львов? — спросила она для порядка у молодой женщины, возле которой стоял чемодан на колёсиках.

— Да какой Львов? Все дороги перекрыты. Тут хотя бы до Винницы добраться.

— Как перекрыты? Кем? — опешила Наталья.

— Не знаю. Так говорят, — пожав плечами, ответила молодица.

— Не знаете, так не пугайте. Я же с детьми…

— Здесь все с детьми, в очередь становитесь! — возмутилась пожилая дамочка, подумав, что мамочка с детьми не хочет стоять в очереди.

— А вы во Львов? — с надеждой найти попутчиков, спросила Наталья?

— Нет. — Удивилась дамочка. — Здесь все на Винницу. Через двадцать минут отправление.

В доказательство двухэтажный белый «лайнер», покачиваясь на мягких рессорах, вплыл на перрон и с шипящим шиком открыл двери на посадку. На лобовом стекле отчётливо красовалась табличка: «Киев — Винница». Пассажиры стали заполнять автобус.

Наталья поняла — её банально ограбили. Она тройную цену заплатила, чтобы добраться до Львова, а аферисты довезли её с детьми до вокзала и исчезли.

— Ничего святого у людей! Правду говорят: «Кому война, а кому мать родна», — пожаловалась мама детям, но, похоже, они не поняли, что случилось и причём здесь война.

— Мама, я ку-у-ушать хочу-у-у!.. — в ответ протяжно напомнил пятилетний Марк. Вдруг мама забыла об этом.

— И я тоже, — поддержала Лилия брата и жалобно посмотрела на маму.

Вдалеке какая-то предприимчивая женщина с лотка на колёсах торговала жареными пирожками. Наталья посмотрела в изрядно похудевший кошелёк, тяжело вздохнула и повела детей к лоточнице.

Дед Ефим и баба Мария благополучно миновали блокпосты терробороны и дворами прошли до самого автовокзала. Ещё издали они увидели Наталью с детьми, стоящую в длинной очереди за чем-то съестным.

— Как хорошо, что мы не дети… — произнёс Ефим, сочувствуя соседке.

— Вернее, что мы не с детьми… — справляясь с одышкой, уточнила Мария.

Ефим внимательно всматривался в обстановку на площади перед автовокзалом.

— Вроде не обижают людей. Пошли, — предложил он.

— Хоть бы автобусы ходили, и билеты продавались. Ладно, пошли уже. Там лавочки всё-таки, — ответила Мария и первой ступила на зебру перехода с неработающим светофором.

Вооружённые люди в камуфляже, с синими повязками на рукаве, появились ровно в полдень. Они по-хозяйски стали обходить территорию автовокзала. Дед Ефим заметил, что несколько касс, как по команде, захлопнули свои окошки. Билеты на утренний рейс «Киев — Чернигов» уже покоились у него в кармане, поэтому можно было не волноваться за то, что кассы вдруг прекратили их продавать. Но не волноваться не получалось.

Людей обыскивали: проверяли не только документы, но и содержимое карманов и сумок. Паспорт ЛНР дед Ефим спрятал в потайной кармашек на рукаве куртки, но, если искать, всё же, прощупать его было можно. Главное сейчас было не суетиться, чтобы не вызвать подозрения у блюстителей непорядка, а ещё точнее, блюстителей хаоса. Наталья с детьми давно переместились поближе к соседям. Марк и Лилия, привалившись друг к другу, спали на лавочке. Дед достал своё одеяло из рюкзака и укрыл малышей.

— Со стороны мы единой семьёй выглядим, — рассудил он. — Бабушка с дедушкой, дочка и внуки уезжают из столицы.

— Вот и пусть так считают, — согласилась баба Мария. — Мужчина, хоть и старый, а всё равно защитник молодой хорошенькой женщине, которую любой похабник обидеть может.

— Будем держаться вместе, — согласилась Наталья. — Мне с вами спокойнее, да и вам с нами — тоже. Не забывайте, у меня муж за Украину воюет!

— Ну, это мы ещё посмотрим, кто кому и чем поможет. — По-доброму

усмехнулся Ефим. — Главное, чтобы Господь без Божьей помощи не оставил. Его сейчас в пустыне диавол искушает. Может, и не до нас, человеках, Ему теперь.

— Что ты такое говоришь, старый? — возмутилась Мария. — Как это не до нас? Где вера твоя? Он же Бог! Всемогущий и вездесущий! Господи, помилуй нас грешных!

— Тихо. Всё. Разговоры только о «цветочках». К нам идут.

К ним подошло пять человек с автоматами и потребовали предъявить паспорта и открыть сумки. Дети, услышав громкую речь на украинском языке, моментально проснулись, и сонными тетерями рассматривали дяденек в камуфляже.

— Куди їдемо? — спросил приземистый бородач лет сорока.

— В Чернігів, — ответила за всех Наталья, — а звідти на Львів поїдемо.

— Навіщо такі кульбіти? — удивился мужчина, рассматривая три украинских паспорта и два свидетельства о рождении.

— Так у Києві квитки на два тижні вперед розкуплені... а повертатися назад нам не можна. Вдома ні світла, ні їжі.

— Гаразд, тільки на жалість не тисни. Все одне Москва сльозам не повірить. Окупанти кляті... А де чоловік?

— Воює… За Україну!

— Ну-ну... А чим доведеш, що за Україну, а не за Русню? І взагалі, звідки так мову добре знаєш?

— Я вчителька української мови та літератури в школі. Ви мене в чомусь підозрюєте?

— У школі, кажеш? А ось зараз і перевіримо, чому ти дітей своїх вчиш.

Военный повернулся к детям и гаркнул:

— Слава Україні!

Лилия растерялась, а вот маленький Марк — ничуть. Наталья не учила его этому, но, видимо, учили в садике, потому что он, не задумываясь, звонко и чётко выдал на-гора:

— Героям слава!

— Гер-рр-оям слава! — заикаясь, повторила за братом старшая сестра.

— О, тепер бачу, що не москалі. Ми пішли. Але я ще повернуся. Красива ти баба. Кажеш, до ранку на вокзалі будете? Таких, як ти охороняти треба!

Он цинично рассмеялся, отдавая паспорта. Когда проверяющие отошли на приличное расстояние, русскоговорящий дед Ефим выдохнул былое напряжение.

— Слава Тебе, Господи! Наталья, права ты была. Спасли вы нас, старых. Я ж отродясь язык не ломал, на мове не тарабарил. На русском бы заговорил, неизвестно в каком подвале оказались.

— Что вы! — Наталья махнула рукой. — Оно само собой получилось. А от Марочки я вообще такого не ожидала!..

— Благодаря ему, получается, мы проверку прошли, — обнимая и целуя детей, сказал дед.

— Мне не нравится, что он обещал вернуться, — печально добавила Наталья, — взгляд у него сальный такой, бр-р-р-рр.

— Я тоже об этом подумал, — согласился с ней дед. — На ночь вам здесь оставаться нельзя.

— Может, домой вернёмся? — спросила Мария.

Ефим отрицательно покачал головой.

— А пойду-ка я на разведку схожу, — хитро улыбнувшись, предложил дед. — Осмотрюсь, может, узнаю чего.

С этими словами он пошёл на выход из автовокзала. Минут через пятнадцать «разведчик» даже не вошёл, а вбежал в зал ожидания.

— Так, берём вещи и на выход! — приказал он.

— Куда мы? — спросила его Мария.

— На север, на север и ещё раз на север! — бодро объяснил дед. — Автобус полупустым отправляется, а мы здесь сидим и ничего не знаем. Бегом!

Больше вопросов не последовало. Добрые соседи помчались в пугающую неизвестность.

Им повезло, водитель частного автобуса решил подзаработать на дополнительном рейсе. Приобретённые в кассе билеты не пригодились, но сдать их обратно не получалось.

— С такими грабежами на дорогах о Львове и Польше можно больше не мечтать, — тихо пожаловалась Наталья.

Дед Ефим всё понял, достал кругленькую сумму и отдал водителю со словами «за всех».

— Спасибо, отец, — со слезами в глазах произнесла Наталья. — Видите, теперь вы нас спасаете.

— Один у нас Спаситель. Не просто так Он свёл нас на опасной дороге. Помоги нам, Господи!

Дед перекрестил соседку и подтолкнул на посадку. Баба Мария, Лилия и Марочка уже смотрели на них сверху вниз через окно.

Автобус, следующий рейсом «Киев — Чернобыль», конечно, тщательно проверили на выезде из Киева, водитель «отчехлил» определённую сумму бойцам территориальной обороны, и они поехали далее. Уже через час пути пироги с картошкой были дружно съедены и запиты водой из купленной на автовокзале пластиковой пятилитровки. Понимая, что дети вскоре снова запросят кушать, дед Ефим прошёл по салону к водителю.

— Мы с детьми едем. В дорогу много взять не смогли. Останови, пожалуйста, где можно накормить их.

— Понял, — ответил улыбчивый мужчина средних лет, — будет вам остановка. Только вот что… Вы в курсе, что в Чернобыле российские военные хозяйничают?

— Нет, — соврал дед Ефим, — слышал что-то, но не поверил. Неужели, правда?

— Доедем, увидим, — уклончиво ответил водитель. — Беженцам лучше к ним попадать. Они мирных эвакуируют в Россию.

— Да мы во Львов хотели…

— Это будете на украинских блокпостах рассказывать, а мне не надо объяснять, зачем люди на север едут.

— Понял… Спасибо, — поблагодарил дед Ефим и поспешил вернуться на своё место.

Мария спала, раскинувшись на оба кресла. Ефиму и сесть-то теперь было некуда. Он нашёл свободное кресло в конце салона, уселся и постарался последовать примеру сестры. Отдохнуть надо было обязательно. Кто знает, что ждёт их впереди.

Дети есть дети, им надоело сидеть тихо. Засыпая, дед Ефим слышал, как Наталья пыталась успокоить расшалившихся Марка и Лилию.

На въезде в какой-то посёлок задремавших пассажиров разбудил оглушающий взрыв. Автобус развернуло, поставив поперёк дороги. Дед метнулся к своим, проверить все ли целы. Марк плакал, потому что испугался. А вот Лилия не просто плакала, она орала! Осколок мины пронзил боковину автобуса и вошёл в её бедро. Мама со слезами на глазах и с дрожью в руках, перевязывала ей ногу оторванным от своей блузки рукавом. Ранеными оказались ещё двое пассажиров, которые сидели около окон. Ранен был и сам водитель. Лобовое и боковые стёкла были вынесены взрывной волной.

— Что делать? — спросил водителя дед Ефим.

Тот тихо стонал, кровь стекала с темени, заливая лицо, но он смог достать из-под сиденья аптечку и отдать деду.

— Перевязывайтесь там… Едем в ближайшую больницу.

Не дожидаясь пока окажут первую помощь, он завёл мотор и поехал вперёд. Слава Богу, это оказалось возможным! Но каким бы героем ни был шофёр, его надо было сменить за рулём.

— Притормози! Я сяду на твоё место, — осторожно предложил дед Ефим.

— А справишься? — еле слышно спросил водитель.

— Не сомневайся. Вставай, говорю, пока в столб не въехал.

До больницы они доехали без происшествий, водитель с перебинтованной головой сидел рядом и показывал дорогу. Видимо, он бывал в этом отчуждённом «от жизни» районе и знал, где и что в нём работает. Ещё несколько мин разорвалось в стороне, похоже, на той трассе, по которой ранее следовал автобус.

— Кто это стреляет? — спросил дед. — Наши?

— Это зависит от того, кого ты, батя, считаешь нашими, — глухо ответил водитель.

— Укропы? — уточнил дед.

— Так точно, — по-армейски браво ответил раненый, хотя было видно, что ему становится всё хуже и хуже.

Как только автобус остановился у районной больницы, в салон автобуса вошло два солдата с белыми повязками на рукавах. Ефима прошила радостная догадка… Он видел такие повязки в четырнадцатом!

Солдат, увидев раненую девочку, бережно взял на руки и, не теряя времени на расспросы, понёс в приёмное отделение. Наталья побежала за ним, оставив на деда с бабой младшего сына. Второй солдат, оценив ситуацию, крикнул стоящим снаружи военным, чтобы принесли двое носилок. К этому моменту водитель уже был без сознания. Второй раненой женщине военный помог спуститься со ступенек и вместе с дедом Ефимом повёл в больницу. Зарёванный Марк побежал за ними. Баба Мария догнала его и крепко взяла за руку, чтобы, не дай Бог, не потерялся в чужом городе.

Всем остальным пассажирам была дана команда: оставаться на местах. Через окна автобуса (кто-то с ужасом, кто-то с удивлением, а кто-то и с восхищением) смотрели на Камаз, на борту которого красовалась белая буква «Z».

Добро пожаловать в русский Чернобыль!

Лилию прооперировали. Марка накормили. Маму успокоили. Врачи обещали, что с её девочкой всё будет в порядке. Деньги за операцию платить было не нужно. Как только позволит состояние раненой, семью переправят в Россию. Дед Ефим был доволен, что так быстро оказался среди своих, русских, перед которыми не надо было ломать родной ему язык украинским диалектом.

И тут повеселевший, сытый Марк выдал! Он подошёл к раненым Z-солдатам, которые ожидали приёма у кабинета хирурга, поднял руку в фашистском приветствии и громко крикнул: «Слава Украине!» Ответа не последовало. Это озадачило ребёнка. Он ещё раз, ещё громче крикнул: «Слава Украине!». Но военные почему-то не ответили: «Героям слава!», а только усмехнулись.

— Детей зачем такому учите? — спросил один из них.

— Это не я, — опустив голову, ответила испуганная Наталья. — Это, наверное, в детском садике учат...

— Ну да, чему учат, тому и учится ребёнок, — согласился военный.

— В Киеве он нас спас этой кричалкой, когда проверка была. А теперь… вот… подвёл, — продолжила оправдываться Наталья.

— Не расстраивайтесь. Маленький он. Ещё будет время понять, что к чему.

— Простите нас. И знаете… Хочу быть честной с вами: у меня муж в ВСУ. Он не хотел воевать, но нас не спрашивали.

— Не переживайте, всё будет хорошо. Война скоро закончится.

Солдат с перевязанной головой надел форменную шапку-ушанку с кокардой, вытянулся по стойке смирно перед малышом, вскинул руку в воинском приветствии и отчеканил:

— Честь имею!

Марочка удивился, округлив глаза, но и на этот раз в грязь лицом не ударил. Он тоже вытянулся, поднял также руку и звонко повторил:

— Чесь смею!

Солдат подхватил малыша на руки, прижал к себе, поцеловал и со слезами на глазах повторил:

— Честь имею, малыш. Честь имею!

— Честь имею, — старательно выговорил Марочка. — Так?

— Так и только так! Дорогой мой, хороший! У меня же сынок в Рязани такой, как ты. Дай Бог счастья!..

Дед Ефим подсадил восторженного Марочку в самый настоящий военный вертолёт с винтами и мигалками и залез следом. Бабе Марии помогла забраться Наталья. Бедную девочку Лилечку на носилках занесли военные. Ранение оказалось серьёзным, осколок от мины достали, но кость была раздроблена.

Для того, чтобы девочка могла ходить в будущем, нужно было сделать ещё одну непростую операцию. Семью уже ждали в Московской детской больнице.

Сложные чувства одолевали Наталью. Она же собиралась бежать во Львов, в Польшу, в большую и богатую Европу. Но спасали её дочь сейчас те русские, которых приказано было считать врагами. Но ведь украинцы тоже русские. Почему же русские с русскими воюют? Кому это надо? Самое страшное, что ответы на эти вопросы лежали на поверхности, но поднять их могли только очень смелые, решившиеся на борьбу с НАТО, с США, с Западной Европой люди.

26.04.2022 года

Ольга СТАРУШКО
«Автор из Севастополя. Это много объясняет».

ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

Мы знаем по школьным азам,
кому причиняют зло,
зло причиняет сам.
У.Х.Оден, «1 сентября 1939 года»

Забавы в столице: каникулы, фестиваль,
газон аккуратно подстрижен, стоят палатки.
И вспомнят родители: томик, бывало, взял,
фонарик — и под одеяло, читать украдкой.
В Сокольниках детский писатель, покой и мир,
и можно за книгами встретить лучи рассвета
под шорох страниц, а не свист от летящих мин,
которым нас накрывает шестое лето.

Арине одиннадцать. Книги берёт в подвал,
но большую часть из них прочитала раньше.
Автобус из школы вчера под огонь попал:
вот там было страшно. А с книгой внизу — не страшно.

Стреляют? Высотка ли в городе, частный дом —
приходится к окнам тяжёлую мебель двигать.
В проёмы — матрасы, подушки, мешки с песком.
Но лучше всего от ранений прикроют книги.
К стеклу переплётом — «Отверженных» и «Чуму»,
и главное — втиснуть на полки побольше книжек.
Но нет ни одной объясняющей, почему
у каждого класса все планы на лето — выжить.

Поэт не ошибся: кому причиняют зло,
ответит не сразу. Но будет с рожденья знать, как
небратья не книги шлют нам — РСЗО,
и полным пакетом приходит его доставка.
А тут первоклашки, линейка, цветы, звонок…
И завуч уедет не в «скорой» — двухсотым грузом.
Отцы, что читали нам Пушкина перед сном,
погибли за право Донбасса читать по-русски.

Нам надо беззвучно усваивать, втихаря
азы выживания: так и растём без мира,
разучивая по табличкам, не букварям,
всю чёртову дюжину букв «Осторожно: мины!»
И в школьной программе предметы такие же,
как ваши. Но детям Донбасса другое важно:
читаем на НВП или ОБЖ,
где лучше укрыться и как не задеть растяжку.

И в библиотеках мы просим не киберпанк,
не триллер, не хоррор, их здесь наяву — навалом.
В Донецке умелец-механик заводит танк,
винтажный «Иосиф Сталин» угнав с пьедестала.
Из класса, раздали нам памятку, хоть ползком:
пожар — три сигнала, прилёты — один, но долгий.
А если заденут и ЛЭП — никаких звонков,
во тьме по кому ты над школой рыдаешь, колокол?

Мы в курсе про гроздья гнева и корни зла,
но гаубицам по «минским» нельзя ответить.
Чуть старше, чем мы, сопляк, обдолбавшись в хлам,
надпишет мелком снаряд: «Всё лучшее — детям».
И сводки о наших потерях иным — пустяк.
У нас комендантский час и война на вырост,
а где-то, скучая, почитывают в сетях,
кого ещё в мире достанет какой-то вирус.

У Кости в тринадцать полтемени — седина.
Спасал малышей: это всё, что он вам расскажет.
Желание, чтоб ни покрышки катам, ни дна
дороже ему, чем в подарок читалка-гаджет.

Не то что понять, а прочувствовать всем нутром
сумеет лишь тот,
кто на близких смотрел сквозь пламя:
сложившийся дом, переход и вагон метро,
Норд-Ост или смертные списки детей Беслана.
В секунды при взрыве спрессовываются года.
Статистику детской смертности пишут кровью.
А наши родители были детьми, когда
расстреливали Осетию с Приднестровьем.

Читайте про тех, у которых ни глаз, ни губ:
тела, а точнее, останки увидеть жутко —
рассыпаны чёрными буквами на снегу,
когда попадают в троллейбус или маршрутку—
про маму, которая прячет нас за диван
(как будто металл не пронижет его обивку),
про сны под обстрелом в чугунных утробах ванн,
про то, что к дыханию смерти нельзя привыкнуть.

Приметы жирующей в наших краях беды:
сгоревший детсад, над которым снаряды выли,
ворота-страницы, зачитанные до дыр
от снайперских пуль, с нацарапанным «Здесь живые».
Детдом, если взрослые падали за спиной.
В площадке у дома воронки — опять тяжёлым.
Когда-нибудь он настанет, наш выпускной,

хотя из убитых уже наберётся школа.

Читайте в бинокли, по лицам и по губам:
мы учимся.
И не прощаем.
И не забудем.
И вы, кто посеял здесь «Град» или «Ураган»,
однажды поймёте,
какую пожнёте бурю.

ВЕХИ

Там, где скифские бабы пугали чужую конницу,
или Дикое Поле оборонялось греками,
два солдата, два парня в ковыльных степях покоятся,
и могилы обоих становятся злыми вехами
на пути, где змеятся окопы, зияют воронки-кратеры:
не последняя боль на счету войны и не первая.
Эту землю хранили они под огнём карателей,
оборону держали от Славянска до Коминтерново,
ополчившись, стояли под ветром свинцовым намертво,
не сгибаясь от шороха смерти, летящей во поле.
И врастают корнями в донецкую землю снайперы:
из Одессы Скрипач и Ромашка из Севастополя.

ЖИВЫЕ И МЁРТВЫЕ

Поймите, не о памятниках речь.
Здесь даже слово сникло и озябло.
Октябрь вне формата минских встреч
рванул в глаза шрапнелью райских яблок.

…Они не выбирали времена,
среди других живя и умирая,
когда их души прибрала война:
кто в этом октябре, кто в прошлом мае.

Здесь не понять:
на передке?
в тылу?
Здесь не измерить —
долгий путь,
недолгий?..
И отставник сползает по крылу
доставившей снаряды старой «Волги»
к упрямому стволу на Карачун.
И в том строю —
кто на броне, кто пеший —
стоят они: оратор и молчун,
Ромашка-пономарь и снайпер-леший.

Строй поварих и медсестёр седых,
врачей, газовщиков, связистов местных.
Пенсионер с бутылками воды:
один на всех соседей.
Три подъезда.

Здесь мальчик: мы с тобой пойдём домой,
я только отдохну немного, папа…
Здесь строй имён — они укор немой.
Земля во рту под звук осенних капель.

Здесь бьёт и бьёт проклятый миномёт,
снимая адом прошенные жатвы.
Здесь женщина с осколочным в живот,
родившаяся ровно в сорок пятом.

Здесь каждый — воин. Посмотри: одно
назло и киборгу-наёмнику, и чёрту,
с луною споря, светится окно
в кромешной темноте аэропорта.

И накрывают залпы годовщин
тела своих и вражеские трупы.
Летящий к югу журавлиный клин
нацелен остриём на Мариуполь
и выкликает поимённо их,
по зову сердца, а не по приказу.
И все они стоят, храня живых,
обняв живущих
безоружным глазом.

СУВОРОВ

Не гнулся, словно был из камня высечен.
Резонов к отступлению найти
поныне не смогу не то что тысячу —
по пальцам не сочту и до пяти.

Когда б не сила русского оружия,
кто дал бы вам от басурман вздохнуть?
Не гетман, не предатели-хорунжие,
тем более не ляхи и не жмудь.

Вас турки продавали б полонёнными
и по сей час, когда бы не Москва.
Кто скачет с жёлто-синими знамёнами,
неужли швед? Я и его бивал!

Беспамятен народ, земля которого
добыта мной. Но совесть не в чести.
Вам впору бы молиться на Суворова.
Что памятник? Позора — не снести.

Покинув Киев, постою в Швейцарии
седым напоминаньем о войне,
когда мы с Альп лавиной, а не армией
свалились им как на голову снег.

Нет, монумент убрать —
не главный стыд ещё.
Печальней, что средь киевских мужчин,
воспитанных в суворовском училище,
на помощь мне не вышел ни один.

У тех, кто выкорчевывал историю,
нет никакого права, хоть убей,
на мой редут в Крыму под Евпаторией,
Очаков, Измаил и Хаджибей.

Без нас из вас уже однажды выросла
дивизия СС «Галичина».
Пусть там, где нерусь погоняет вырусью,
бесславье и позор не имут дна.

ПОЖАР

Омытый жгучими слезами
неопалимой купины,
Донбасс — одно сплошное пламя,
где плавятся металл и камень:
огни от Сены не видны.
Не вам приносят смерть снаряды,
не к вам из-под могильных плит
родня взывает: горше ада!

Пожар, раздутый над Белградом,
Славяносербию палит.
Сквозь кладбище к аэропорту,
от Иверской до Нотр-Дам,
ни в год второй, ни в год четвёртый
не рикошетили прилёты,
не шелестело *аз воздам*.
Париж, Париж, ты стоишь мессы,
а тут не жаль, кого ни тронь?
Пусть фосфором воняют бесы —
не отзывается Одессы
нечеловеческий огонь?
Так снизойдёт ли благодатный?
Нет, гибельный — на Страшный суд
они придут, верша расплату:
и те, кто был убит когда-то,
и те, кого ещё сожгут.

СМЕРТНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

В небе шелест, в небе свист,
баю-бай, ложись, *ложиииись*!
Заворкуют пули,
чтобы мы уснули.

Всю семью в одной могиле
здесь вчера похоронили:
комья взорванной земли —
всё, что мы от них нашли.

В наши хаты год шестой
смерть заходит на постой,
сеет мины вдоль обочин.
В огороде мёртвый кочет.

Спи в канаве, спи в траншее
с медным крестиком на шее.
Рухнул храм под Рождество,
дым, и больше ничего,
только в небе вороны
во четыре стороны.

Ляжешь в подпол, между банок.
Спит под боком кот-подранок.
Смотрят звёзды из-за туч,
сеют фосфор бел, горюч,
и висит над серой зоной
пепел — саван невесомый.

Бьётся, бьётся колокол
над горящей Горловкой
смертным боем: *баю-бай,*
головы не подымай.

Рядом с дочкой спит Кристина.
Вой, не вой над гробом сына:
от осколков поутру
он закрыл спиной сестру,
наклонившись над коляской.
Спи, мой мальчик, смежив глазки.

Мы под Зуевкой на пляже
на песок горячий ляжем.
Под крылом мелькнувшей «сушки»
спят убитые игрушки.

Сын крестьянский, внук шахтёрский,
в обожжённом Углегорске
спи с оторванной рукой.
Со святыми упокой.

В школе «Град» повыбил стёкла,
и тетрадь в крови намокла.
Жерла гаубиц глядят
в детский парк и детский сад.

Шесть часов из-под завала
люди Глеба доставали.
Ваня тихо скажет папе
напоследок: мне поспать бы…

Засыпай в бинтах и вате
на столе, а не в кровати.
Спи-усни, не плачь, не плачь,
даже если плачет врач.

Вечный сон на лицах детских:
спят в Луганске, спят в Донецке.
И над плитами аллеи
ветви крыльями белеют:
сон как средство обороны
против боли, против стона.
Снег ложится, баю-бай.
Спи, мой ангел.
Не вставай.

МЫТАРСТВА

Помню литые, долгие дни
дочкиных тех каникул.
Папа сказал: уж ты извини,
нынче я без клубники.

…В Харькове душно.
Плацкарт, стомлён,
ждёт обирал. Таможню.
«*Сумки видкрыйте!*» И тычет он
в банку: «*О це — не можно!*»
Я же везу три литра всего,
думал, гостинец внучке,
что ещё крымского, своего?
Мытарь царапнул ручкой
строчку в блокноте. Замер вагон:
муху слыхать в полёте.
Я к нему как к человеку. А он:
«*Швыдче! Або выходьте!*»
И проводник, опустив глаза,
(сам — на базар черешню):
батя, мол, слушай, теперь нельзя…
«*Сыдячи в Крыме — ешьте!*»
Как сыпану на перрон: да на!
Хочешь — подымешь с полу.
Выронил банку в сердцах: со дна
аж отлетел осколок…

Грядки, покуда хватает сил.
Гордость сынов крестьянских.
Ни у кого ни о чём не просил
выросший под Бердянском,
ведавший голод, стрельбу-войну,
суржик и мову: *мамо!*
Только разбили его страну,
да на осколки прямо,
чтобы из Харькова танки шли
в край, где печёт подошвы
пласт опалённой степной земли,
где, отзываясь прошлым,
снова грохочет беда-война,
и паренёк загорелый
горстку клубники возьмёт со дна
банки под артобстрелом.
Грядки в пороховом дыму.
— Сколько, бабуль?
— Нисколько!
Внуку гостинец бы своему…
Сладкая.
Без осколков.

ПЕСИГОЛОВЦЫ

Этот страх с малых лет знаю.
Книжка та
на мове — от мамы:
вон выходят ночами
з гаю
люди с волчьими головами.
Как по воду пойдёшь к речке,
слева-справа шуршит сорго.
Вроде дом твой и недалече,

ну а если почуешь волка?

Мама слышит своих старших,
тёмный шёпот их о Волыни:
тихо, тихо кажи! Нащо?
Зачекай, не лякай дитину…

У моей бы спросить свекрови —
это после войны было —
как жених захлебнулся кровью
и нашёл в тех лесах могилу.

А они чёрта с два сгинут.
А они обойдут капканы —
и воткнут топоры в спину,
если помните про Галана.
А они уползут в схроны
да и пересидят где-то.
Выйдут оборотни в погонах
или даже при партбилетах.

Матереют теперь, звереют,
воют в городе и в деревне.
Не таятся ни днём, ни ночью,
и рисуют крюки волчьи.
Не смотри, что они сами
называют себя псами.
Брешут, точно, да что толку?
Видишь: волки — и есть волки.

Кто щадил их и кто плодил их,
столько лет охраняя норы?
Кто им дал осквернять могилы?
Кто им пули даёт и порох,
смолоскипу
и керосина?
Хто бажав створити як краще?
Тихо, тихо кажи! Нащо?
Де загине твоя дитина?

ВИШЕННОЕ

Речь моей мамы как вишен созревших сок.
Вишен на Винничине, что снятся и мне.
Лепят в стодоле ласточки под потолок
гнёзда. *Діду Іван вівци жене…*
Вижу во сне: дед Иван мелет
в стодоле хлеб.
Сыплется с жерновов ржаная мука.
Вижу во сне на стерне бабы Софии серп,
ранку на левой ноге. И поверх —
лист подорожника…

Белый, как вишен цвет, уже мамин висок.
Маме моей скоро восемь десятков лет.
Я, говорит, туда не поеду.
Всё.
Надо же было дожить до поры,
пока станешь сед,
думая, что в Украине все такие, как я,
думая, что украинцы — одна семья.
Я не хочу больше знать их.
Только не с ними.
Нет.
Не с палачами. *Не с катами.*
Вони мені — не братья!
Пусть как от вишен оскомина, но повторю:
к кому?
К этим *песиголовцям*?
Вони же вбивають.
Жгут!
Были мы под фашистами.
В детстве.
И потому
к ним — не поеду.
А наши в могилах. Те подождут.

Так говорит моя мама, и речи её темны,
словно вишнёвый сок, но боли не утолят.
Бьётся в падучей родная её земля —
там, где к погостам крестами
родичи пригвождены —
От Приднестровья до Приазовья.
Кров'ю гірчить.
И не идёт ко мне сон: я слышала,
как звучит
маминым стоном в ночи
память былой войны.
И я не могу молчать.
И ты не молчи.

Анна ВЕЧКАСОВА
г.Краснодон, ЛНР – г.Видное, Московская обл., РФ

«Родилась в 1973 году. Фельдшер. Подвержена влиянию А.С. Пушкина, А.А. Ахматовой, М.А. Булгакова. Пишу давно, очень стараюсь».

МУТНОЕ ВРЕМЯ

Словно сквозь вату доносились неясные звуки: крепкий темнокожий молодой человек негромко напевал что-то монотонное, хлопая ладонями и качая бритой головой в такт. Его молча слушала разномастная толпа. Серые бетонные дома с указателями и искусственными газонами создавали иллюзию пребывания внутри какого-то старого голливудского фильма без названия.

Городская улица сменилась разрушенными сельскими домами и сгоревшими остовами автомобилей, к пению присоединился странный гул, похожий на гром. Воздух колебался горячим маревом, изображение поющего расплывалось и вращалось, постепенно бледнея на фоне тусклого летнего неба. Внезапно все картинки смешались, закружились бешеной каруселью и обрушились в сознание громкими звуками жаркого летнего дня вместе с резким, бьющим в нос, запахом.

Вера открыла глаза: из тумана на неё с тревогой смотрело женское лицо. Комната с белыми стенами плыла и кружилась, как давешний поющий негр.

— Что Вы здесь делаете? — слабо спросила Вера.

— Я-то работаю, — ответила женщина, — а что здесь делаешь ты?

Действительность вернулась, и Вере стало неловко, что она потеряла сознание от обычного укола в неподходящий момент. Впрочем, было бы странным иметь время для такого события.

— Извините, Алевтина Ниловна, — смущённо пробормотала Вера, — я не успела Вам сказать, что мне плохо...

— Успела-успела, а я тебя поймала и уложила на кушетку, — улыбнулась медсестра. — Садись за стол, будешь восстанавливаться.

Вера пила крепкий горячий чай с шоколадом, смотрела в большое окно и беседовала с Алевтиной Ниловной о каких-то пустяках. Постепенно комната приобрела чёткие очертания, в голове окончательно прояснилось, лишь в теле осталась приятная истома, как после тёплой ванны. Очень хотелось подольше посидеть вот так, по-домашнему, но задерживаться здесь было нельзя: за дверью в кабинет уже собралась очередь.

Распрощавшись, Вера вышла на улицу. Солнце уже прошло зенит, катилось на запад, поджаривало всё живое, тщательно выжигая окрестную степь добела. Заканчивалось последнее мирное лето.

* * *

В ноябре начался киевский майдан. Сначала на Донбассе все события воспринимались, как временные трудности, которые под силу решить правительству. Но дальше всё пошло по какому-то мутному сценарию. Из неведомых закромов вдруг выползли «правосеки» и нацисты всех мастей. В Крым и на Донбасс отправлялись «поезда дружбы». Как местные жители встретились с такими «поездатыми героями» на площади города Донецка, Вера смотрела онлайн. Слышно было, как женщины говорили «дорогим гостюшкам»:

«Езжайте домой, работайте! Мы вас сюда не звали!» Внезапно среди приехавших возникла потасовка, и Вера увидела, как оседает на асфальт мужчина и все бросились к нему. Справа из толпы вынырнул коротко стриженый субъект, плавным движением спрятал за пазухой нож, и, не оглядываясь, спокойно ушёл. Убийство для него — обычное дело! Вера ненадолго оцепенела. Первая мысль была, что это невозможно, потом, что надо позвонить в милицию. Тем временем толпа на мониторе уже кричала и рвалась в драку. Но ведь кто-то же наверняка это увидел кроме неё! Вера выключила компьютер, стараясь не разбудить детей, пробралась в свою комнату. Время было позднее, но она никак не могла уснуть: увиденное настойчиво возвращалось к ней снова и снова. Наконец, усталость вместе с валерьянкой победили, и Вера забылась тревожным сном.

В Краснодоне было неспокойно. Народ собирался в ополчение для самообороны от украинской национальной гвардии, потому что местным властям не очень доверяли. На улицах появились подозрительные чужаки, обычно группами, некоторые говорили на западно-украинском диалекте. Их обходили стороной, лишний раз не вступая в дискуссии. Вера столкнулась с такой парочкой в магазине, где вели они себя почти по-хозяйски. Люди стали собираться на митинги. Обсуждали последние новости, решали, как быть дальше. На одном из таких митингов, у памятника молодогвардейцам, на листе А4, люди написали обращение к Президенту России со словами: «...просим Вас защитить русскоязычное население Донбасса от произвола незаконной власти и ввести миротворческий контингент...». Этот документ подписали около полутора тысяч человек, в том числе и Вера с детьми. Через несколько дней старая приятельница, круглолицая белокурая Оля, доверительно сообщила ей, что некие доброхоты общественное обращение Путину отправили не по указанному адресу, а прямиком в Киев. Правда, никаких доказательств на этот счёт у неё не оказалось.

Однажды, чудесным майским вечером Вере позвонила знакомая:

— Привет. Что ты делаешь послезавтра, одиннадцатого числа?

— У меня будет выходной. А что случилось?

— Нужен секретарь избиркома на референдум. Я знаю, что ты не откажешь.

— Добро. Когда и куда подойти?

Через час Вера получила нужные инструкции.

* * *

— Нет, ты не должна рисковать собой! А если на вас нападут? Ты понимаешь, что вся эта ваша акция незаконна? — Максим ходил из угла в угол, меряя шагами комнатёнку Веры.

Вот уже два месяца он и его сослуживцы - пограничники жили в подразделении, без права выхода по домам и в город. Кроме того, к ним под конвоем из военкомата приводили обычных гражданских, формируя из них местную «нацгвардию». Среди них велась активная пропаганда командования о «едыной Украине», справедливости новой власти и шла разъяснительная работа об опасности «незаконных бандформирований» - так называемого ополчения. Наконец, командир позволил военнослужащим оставить ненадолго серое, неуютное здание бывшего института и разойтись по домам, чтобы проститься с родными: подразделению было приказано через несколько дней окопаться на пункте пропуска Изварино. Максим воспользовался моментом и навестил Веру.

— Если это так, то почему нам дают помещение и уже завезли бюллетени? Ты же сам видишь, что происходит вокруг: правительства нет, «ушёл» Крым, люди сходятся на митинги, в городе полно чужаков...

— Вас подставят! Вот увидишь, добром вся эта затея не кончится! Вам за участие, наверное, много денег заплатят?

— Нет, всё бесплатно. Я уже пообещала, нехорошо людей подводить отка-

зом. Ладно, дай мне свой ПМР для самообороны. С кобурой. Буду «понты лимонить» перед комиссией.

Максим нерешительно остановился и задумался. С оружием Вера, бывшая сослуживица, обращаться умела, но вдруг отберут или потеряет в потасовке? Разрешения и сейфа у неё нет, и потом найдут законного владельца, а ему совсем немного осталось до пенсии...

— Я за тебя очень переживаю. Принесу газовый баллончик.

— Давай, если так надо, — Вера пожала плечами. Она была уверена в том, что всё обойдётся.

11 мая день выдался солнечным и тёплым. Рано утром Вера встретилась с остальными представителями избиркома. Они прошли в здание, где директор техникума сказал: «Значит так, предупреждаю: выборы эти незаконные. Если что — я тут ни при чём». А затем начался референдум по самоопределению народа Донбасса. Люди шли на голосование непрерывным потоком, был общий душевный подъём и необыкновенная торжественность. Неожиданно, Вере позвонил брат, Жора:

— Привет. Ну, шо там, всё нормально?

— Да, не волнуйся.

Но неугомонный брат, не прерывая разговора, уже обследовал окрестности и объявил:

— Тут у вас мужики с автоматами прячутся, я их всех вычислил.

— Это наши, успокойся, — ответила Вера.

— Кто тебе звонил? — спросила Марина, председатель комиссии.

— Брат мой, переживает, как бы чего не вышло, — ответила Вера.

— У него машина есть? Нам позарез надо.

Сразу вошёл брат Веры, который тут же получил спецзадание: возить отдельную комиссию с бюллетенями и урнами, по адресам к тем, кто не мог прийти по каким-то причинам. В процессе нашлась девяностолетняя бабушка, которая считалась давно умершей. Немощная старушка помнила фашистов по Отечественной войне, поэтому с радостью встретила членов избиркома и приняла участие в голосовании.

Позже на участке ненадолго появился Максим: с плохо скрываемым отвращением он оглядел присутствующих.

Затем отозвал Веру ненадолго в сторону и незаметно отдал ей средство для самозащиты. Баллончик оказался помятым, пустым, с треснувшим и отвалившимся клапаном. Вздохнув, Вера положила его подальше, чтобы случайно не потерять, как-никак, вещь казённая. Здание избиркома негласно охраняли вооружённые ополченцы, рассредоточенные в ближайших кустарниках, повода для беспокойства не возникло.

Поздним вечером провели подсчёт голосов: «за» проголосовало более 800 человек и только 10 были против автономии Донбасса в Украине. Затем комиссия вышла из душного помещения на свежий, прохладный воздух и под вооружённой охраной, отнесла бюллетени на место общего сбора к зданию треста «Краснодонуголь». Отстояв большую очередь, протискивались в толчее, общались с представителями других избиркомов, сравнивая результаты. По домам разошлись после полуночи: уставшие, но с чувством исполненного долга. Вера смотрела в самое красивое на свете ночное небо над крышами домов, где звёзды, необыкновенно большие, яркие и чистые, переливаются разноцветными огнями. Кажется, стоит протянуть руку вверх и вот она, ослепительная красота, сияет на ладони. Вера спешила скорее к детям, выпить чашку чая и лечь спать: завтра рано вставать на работу.

Через день пришёл Максим за баллончиком.

— Спасибо, Макс, он мне не пригодился. Здорово, что мы провели референдум! Донбасс будет автономией, как Крым. А захотим — тоже уйдём в Россию. И бандиты из Киева нам не указ!

Но близкий друг забрал казённую вещь, надулся, сделал патриотическое ли-

цо и буркнул: «Как знаешь». На этом они и расстались. Насовсем.

* * *

Через пару дней, старший сын, Артём, сказал:

— Мама, мы с Лёнькой уйдём в подполье!

— Чего-чего? — спросила удивлённая Вера. — Куда это вы собрались? А Лёньке мама разрешила?

— Мы против запрета георгиевской ленты на Украине. Вот, — с этими словами сын достал из рюкзака несколько мотков георгиевской ленты и пачку бумаги А4.

— Будем везде по городу развешивать: на остановках, деревьях, памятниках.

— Бумага вам для чего? — спросила Вера.

— Писать листовки о том, что георгиевская лента — память о Победе над фашистами, а мы не «колорады» и не «сепары».

— Никакого подполья! — отрезала она. — И так не пойми, кто свой, а кто провокатор, ещё вам не хватало вляпаться куда-нибудь.

К счастью, учебный год закончился, и Вера отправила детей к близким родственникам в безопасное место, дышать свежим морским бризом и запасаться витаминами до лучших времён.

А город, словно хмурился в ответ на происходящее. На дорогах появились легковые автомобили с мигающими аварийными фарами. Вере отчего-то они казались больными. Поползли слухи о боевых столкновениях с националистами. В интернете появились ролики от имени участников таких вылазок. Это были силовики и просто неравнодушные люди, которые собирались в «летучие» группы и своими силами выбивали националистов с занятых ими территорий. Вера посчитала нужным присоединиться к этим сознательным товарищам. Одно давнее знакомство позволило ей встретиться с довольно серьёзным человеком из «органов», который лично участвовал в подобных историях. Вера пришла к зданию бывшего банка, окна которого были заложены мешками с песком, а на входе стояли вооружённые люди — здесь находилась комендатура. Спросила, где найти Андрея. К ней подошёл коренастый мужчина, он только что приехал с очередной потасовки, усталый и настороженный. Но, памятуя просьбу их общего знакомого, вкратце объяснил суть дела: Вере надо было принести копии своих документов и придумать себе позывной, потом по звонку выезжать с группой на «мероприятия». Договорились о встрече, и Вера шла домой в приподнятом настроении. Как она всё это сможет утрясти на новой работе, пока не укладывалось в голове, но очень не хотелось сидеть в бездействии. Однако, когда в условленное время пришла на встречу к Андрею, то около комендатуры его не оказалось, а телефон был «поза зоной досяжности». Вера поняла, что её затея с «летучим» отрядом провалилась и почувствовала себя уязвлённой. «Может, всё это к лучшему? Я не смогу убивать людей. Одно дело стрелять по мишеням, а в человека — совсем другое» — думала она, по привычке считая Максима и бывших сослуживцев «своими».

Но сомнения взяли верх, и в следующий выходной Вера с документами снова отправилась в комендатуру. В здании было много людей, одетых в военную форму. Подошла к дежурному, сказала для чего, ей велели ждать в коридоре. Вдруг Вера увидела знакомого священника из местного храма, где крестила своих детей, да и просто любила бывать в тишине и умиротворении. Батюшка был в рясе и с пакетом в руке. Грех не поговорить с духовным лицом, коротая время в ожидании.

— Здравствуйте, батюшка, не ожидала Вас тут увидеть. Вы что же, в ополчении? А как же наш храм?

— Меня сюда начальство определило, послушание такое: с ребятами в окопах для поддержания боевого духа. Они даже мне пистолет выдали, а я и не знаю, как с ним управляться. Вот, ношу с собой.

Батюшка приоткрыл пакет, и Вера увидела боевой ПМ.

— Так я умею обращаться с оружием и научу вас, если хотите.

— Не надо, пускай лежит. В церкви я служу по воскресеньям.

Неожиданно он спросил:

— Ты сюда чего пришла-то?

— Да вот, хочу Родину защищать, — ответила она, смутившись, что вышло как-то с пафосом.

— Не благословляю. Домой иди, — сказал он. — К детям. Эта война не твоя. Кто детей твоих поднимать будет, если с тобой что случится?

С этими словами он, огромного роста дядька, подхватил Веру под руку и вывел на улицу...

* * *

Время неслось, раскручиваясь стальной спиралью. Полным ходом шла битва за Луганский аэропорт, кипел Изваринский котёл. Некоторые доброхоты помогали нацгвардии, поставляя на позиции ГСМ. А что тут такого? Страна же «едына», понимать надо, а там может быть новая власть примет во внимание их заслуги. Однажды Юля, старая подруга Веры, увидела из окна своей девятиэтажки, как вдалеке, на Поречье какой-то снаряд разрушил частный дом, и он сложился, словно игрушечный. Потрясённая, она уговорила Веру перевезти самые ценные вещи на сопредельную сторону. Женщины наняли грузовую «газель» и, простояв на пункте пропуска «Северный» несколько часов, добрались к Юлиным родственникам. Вера посчитала самым ценным компьютер и зимнюю обувь. Так как, если (не дай Бог!) в дом что-то прилетит, то купить новую кожаную обувь себе и детям будет невозможно, а техника была не очень доступна и до войны. Дядя Гриша помогал разгружать пожитки. Складывая во дворе нехитрый скарб, сказал:

— Да, натворили делов-то. Мои знакомые, от небольшого ума, в Киев на майдан ездили, против вашего правительства оппозицию поддержать, ну и деньжат сколотить.

— И как, хорошо заработали? — спросила Юля.

— Да, как сказать... Привезли денег, конечно. А к ним в придачу ещё триппер и наркозависимость. На лечение всё потратили.

— Так им и надо, — буркнула Вера.

В Россию потянулись тысячи и тысячи беженцев. Закончился первый, необычайно холодный летний месяц.

Июль начался сумбурно, и Вера не успевала следить за событиями и понимать где правда, а где досужие выдумки. Говорили, что 1 июля на одном из блокпостов задержали четверых ряженых. От поста к посту ездил то ли «жигулёнок», то ли «москвич», в котором колесила весёлая компания: водитель, священник и девушка-беженка с другом. Священник щедро благословлял воинов на правое дело, дарил иконки, ладанки, нательные крестики и напечатанные на маленьких листках молитвы, пока один из ополченцев, до войны часто посещающий храм, не обратил внимание на маленькую деталь: крестное знамение священник совершил почему-то на католический манер, а простую молитву прочитал неправильно. И вдруг выяснилось, что «батюшка»-то — липовый, девушка — украинская журналистка, а «друг» — её сотрудник и вся эта «гопкомпания» занимается разведывательной деятельностью: собирает данные о перемещениях и численности «сепаратистов», а затем «сливает» их украинской стороне. О водителе так ничего и не узнали. В общем, мутная история.

В городе и окрестностях грохотало: так, 7 числа, после пристрелочного огня украинские вояки разрушили на квартале Баракова часовню Святого Николая, построенную на месте гибели 80 шахтёров в 2000 году. Дальше - хуже. Ранним утром, 11 июля, когда Вера готовила сдачу смены, раздался страшный гул, затем грохот, старое здание задрожало, и все сотрудники выскочили на улицу, отчаянно пытаясь понять, что же произошло. Через пару ча-

сов выяснилось: украинский самолёт разбомбил проходную УМДРГШО (управление монтажа, демонтажа и ремонта горношахтного оборудования) кассетными бомбами, погибли двое: женщина и мужчина. С ужасом Вера пыталась дозвониться подруге, которая там работала охранником. Раз за разом набирала её номер, но в ответ металлический голос повторял: «Абонент знаходиться поза зоной дияльности мережи». Позже Вере сообщили, что Аня жива-здорова: тем же утром, узнав о происшествии, она выехала с семьёй в Крым.

После обеда позвонил ей бывший начальник, офицер:

— Здравствуйте. А что у вас сегодня взорвали?

— Проходную в ремонтных мастерских.

— Мы знаем, что туда ополченцы танки пригнали, наш самолёт разгромил террористов.

— Нет танков на базе, — резко ответила Вера, — и не было. Погибли гражданские, работники на проходной.

И досадливо отбила вызов. Похоже, «свои» среди сослуживцев заканчиваются.

Впервые в жизни гул самолётов нагонял на Веру невероятную тоску. Внутри словно сжималась в комок душа и ныла, ныла, не переставая. Хотелось куда-нибудь убежать от гудения самолёта и звука разрывов, но ноги делались предательски ватными, силы исчезали. В подвал Вера ни разу не спускалась, думала, что если дом разрушится, то никто её там не найдёт. Делая огромное усилие над собой, под звук «бахов» начала сдирать со стен старые обои в надежде поклеить новые, купленные весной. Через три дня, 14 июля Вера собиралась на работу и вышла посидеть во дворе с чашкой кофе. Внезапно, большой пёс Фред, развалившийся на солнышке, поджал хвост и спрятался в будку так, что можно было увидеть только кончик его носа. В небе послышался гул летящего самолёта. Вера увидела белые облачка разрывов вокруг него. «Зенитка», — подумала она.

— Давай! Бей фашистов! — кричала она, глядя в небо и позабыв об остывающем напитке. Но облачка кружились вокруг да около, не попадая в цель. Тяжёлый транспортник гудел, удаляясь от города. В этот же день, от сотрудницы Вера узнала, что он был сбит над Давыдо-Никольским и упал около старой фермы. Самолёт вёз военное снаряжение и продовольствие, которое разлетелось в огороды на радость людям. Мародёрство местных, которые были рады упавшей с неба сгущёнке и тушёнке, строго пресекли ополченцы. Экипаж транспортника, якобы катапультировался, но унесённый коварным степным ветром, приземлился на российской территории и можно сказать, что ему повезло - попасть в добрые руки пограничников. Чего не скажешь о пилоте сбитого буквально через час в тот же день над Краснодоном военного самолёта СУ-25. Лётчик успел катапультироваться и едва не погиб от рук местных женщин. Разъярённые бабы набросились на него с тяпками да лопатами и страшно подумать, чем всё могло закончиться, если бы вовремя не подоспели ополченцы. Они с трудом отбили у женщин лётчика, получая удары черенками от лопат. Поговаривали также, что этого пилота, избитого до полусмерти, ополченцы привезли в Краснодонскую больницу, где его дочь работала медсестрой.

* * *

Слухи слухами, но Вера не сидела на месте. Все свои выходные дни она попеременно, то с одной подругой Юлей, то с другой подругой, Наташей, ездила в соседний Донецк. Глядя на лагерь беженцев, стоя в очереди под дверями инспектора миграционной службы, сидя в коридоре центра занятости, старательно переписывая адреса организаций, предоставляющих вакансии и узнавая условия работы по специальности здесь, в Донецке, Веру не покидало странное чувство, что всё это пустая трата времени. И в день, когда нашли квартиру для тяжелобольной Наташиной матери, вдруг стало ясно, что лучше всего оставаться дома, под сенью старого, но

ещё крепкого абрикоса, в компании Фреда и кота Зямы. Иногда Вера заглядывала в гости к своей давней знакомой, Анне Санько, которая была фельдшером на скорой. Невысокая, с вечно торчащими волосами, чем напоминала репей. Почему эта странная тётка не уехала из города, Вера не знала, спрашивать было неловко, сама же она не откровенничала. Иногда, за чашкой чая, от неё можно было услышать какие-то странные истории.

— Представляешь, Вера, говорят, что недавно на окраине Семейкино, поздно вечером к старикам постучался в окно мальчишка-срочник, который три дня полз по степи к селу. Сбежал с АТО, надо же!

— Так его надо было в комендатуру сдать, — сказала Вера, — враг же!

— Ты что такое говоришь? Он ещё сопляк совсем. Отмыли, накормили, одели, дали телефон, чтобы матери позвонил, да ещё и на поезд посадили из Луганска до Киева.

Вера задумчиво размешивала сахар в стакане с чаем, почему-то вспоминая историю о сбитом лётчике.

— А ещё случай был буквально позавчера. К моей знакомой, стрелочнице на ж/д путях, постучался рано утром какой-то мужик, весь ободранный, грязный и почему-то с автоматом. Оказалось, что приехал сюда из «нэзаможной» защищать мирное население от «террористов». Но, когда на его глазах «нацики» убили несколько обычных селян, забрал автомат и полями, посадками, где бегом, а где ползком, коекак выбрался к будке стрелочника.

— Прямо с оружием шёл? Так надо было его сдать куда следует. Это опасный тип, — встрепенулась Вера.

— Та шо ты заладила, Верочка! Подумай сама: оружие он там не оставил, забрал с собой. Значит, что для хохлов — дезертир, а для наших — боец. Поэтому его накормили, приодели и рассказали куда идти дальше.

Вера слушала и думала о том, как сложно оставаться человеком во время войны, когда белое вдруг оказывается чёрным, а чёрное вообще чёрт знает, чем и неизвестно, что дальше будет с постучавшимся в окно, и с прозревшим на поле боя, да и вообще со всем Донбассом...

Бывшая родина бесновалась: 20 июля украинский самолёт отстрелил тепловые ловушки, а затем сбросил над Молодогвардейском 14 парашютов. Поговаривали, что сбросили какую-то химию и несколько человек десанта. По словам Вериной тётушки Тамары, через её огород ополченцы с автоматами гнали пришлых под оглушительный лай и вой соседских собак. А через пару дней у всех окрестных садоводов почернел виноград.

* * *

Наступил душный, страшный август. 6 числа Вера после ночной смены спала весь день. Сон был чёрно-белый, тягостный: знакомого вида негр, в военной форме и разгрузке, вооружённый, патрулировал с напарником улицу её города. Дома и застройки почему-то обнесены колючей проволокой, девятиэтажки частично разрушены. За ограду выходить запрещено, Вера убегает от патруля и получает автоматную очередь по ногам... Разбудил её страшный грохот и толчок, от которого дом, казалось, наклонился. Вера вскочила, пытаясь понять, что это и выбежала во двор. Затем последовал новый удар, такой силы, что колебания почвы ощутились в ногах. Всё стихло, но спать не хотелось, сердце выпрыгивало из грудной клетки, пульс барабанил в виски до тошноты. Вера пила валерьянку уже не по две таблетки, как советовала ей Санько, а просто горстями.

Наутро, выйдя на работу, выяснилось, что украинский самолёт расстрелял свадьбу в городе Суходольске кассетными бомбами. Поговаривали, что пострадало более 60 человек, погибли 27: молодожён, гости, дети, люди по соседству. Ополченцы, бригады скорой помощи, местные жители вывозили раненых в краснодонскую больницу, ставшую прифронтовым госпиталем. Та же Санько со скорой рассказала, что опытные фельдшеры к концу дня свалились с гипертоническими кризами, сда-

вали нервы, плакали. После этой смены многие ушли: кто в отпуск, кто на больничный. Вера поговорила с одним из пострадавших, это было уже через три недели после трагедии. Пожилой человек плакал, рассказывая, как маленькие дети, бывшие среди приглашённых, радостно кричали, показывая в небо: «Самолёт! Самолёт!», а он в ответ сбросил на них смерть...

Удивительное дело, что после каждого обстрела ей звонили бывшие сослуживцы. Они говорили Вере, что по городу бьют «галимые сепары» и российские солдаты, что она предала присягу и сотрудничает с врагами. На что женщина отвечала, что ни одного российского солдата не видела, присягу давала украинскому народу, а не бандитам в Киеве, и что у всех здесь украинские паспорта, а вот сослуживцы и есть предатели. «Свои» с каждым разом отдалялись.

Большую часть известий Вера получала от Санько, которая всё реже заходила в гости.

— Знаешь, Вера, — сказала она однажды, — у нас горе какое. Позавчера какие-то твари обстреляли из миномёта больницу в городке.

— Боже мой, — ответила Вера, — а там больные были?

— Нет, у них дневной стационар, не было никого, сторож один. Сашка погиб, наш водитель. А мы с ним буквально два дня назад смену откатали...

— Как же вышло-то? — спросила Вера, — остальные целы?

— Когда заходил на подстанцию, осколок мины прилетел, аккурат на пороге. Следом шла фельдшер, Наташа. Сейчас она в больнице, ранена. Повезло ей, что хлеб прижимала к животу, он замедлил и задержал осколки, поэтому рана не сквозная. Диспетчер Елена Валентиновна контужена и ногу сломала: взрывной волной выбросило из-за стола на пол. Бригада как раз с вызова вернулась.

— Как вы будете там работать? Страшно подумать.

— А никак не будем. Окна разбитые, в крыше дырка. Вывезли мы вчера всё с подстанции, амбарный замок повесили на дверь. Старшая прицепила к ней бумажку с номерами телефонов. Кому надо будет, найдут.

Вскоре, Санько перестала заходить в гости — теперь она работала без выходных. Вера тоже забыла об отдыхе. Работники предприятия разъехались кто куда, поэтому на месте осталось только трое. Смены ставили себе как могли, договариваясь заранее, что делать если кто-то не выйдет на работу. И не зря, потому что через несколько дней каратели батальона «Айдар» заняли посёлок Новосветловку и село Хрящеватое, после чего тут же пропала связь. Можно было только догадываться о том, что там происходит.

Изредка доходили слухи. Например, о двух жительницах, которых «нацики» выгнали из дома тёмной ночью, пообещав им жизнь, если они будут бежать быстро и ни разу не упадут. Две перепуганные до смерти женщины в одних ночных сорочках, бежали по тёмной улице прочь, а им вслед стреляли настоящие фашисты. И так, двигаясь наугад через ночную степь, в любой момент рискуя быть убитыми, они вышли к своим, ополченцам.

Вера всё так же ходила на работу. Город заметно опустел, по улицам бегали стаи брошенных собак всех мастей, магазины большей частью закрылись, в супермаркетах товар закончился, а на рынке, некогда бойко торговавшие одеждой и обувью цыганки, предлагали купить свой нехитрый товар: сухие и живые дрожжи. С хлебом было непросто. Некоторые «дельцы», от большого ума, втрое подняли цены на хлеб, который стал дефицитом. Этих «нетоварищей» ополченцы лечили от жадности своими методами. Чтобы стать обладателем одной буханки, нужно было отстоять огромную очередь в магазине. Вера, пока добиралась до заветных закромов не всегда успевала купить его. Но благо, что имелся небольшой запас муки, вода и электричество. А подруга Люся дала рецепт выпечки домашнего хлеба, так что

особого беспокойства на этот счёт не было.

Однажды соседка оставила Вере свою кошку с котёнком, деньги на их прокорм и уехала с семьёй в лагерь беженцев. Как-то незаметно исчезли жители и из соседних домов, скоро улица обезлюдела. Уехал брат с семьёй. Осталась Вера с Зямой и Фредом, да с поднадзорными соседскими мурлыками.

* * *

А война шла своим чередом. В ходе жестоких боёв 28-29 августа ополченцы освободили Новосветловку и Хрящеватое. Принимали, записывали и размещали вывезенных оттуда жителей в краснодонской гостинице «Турист». От рассказов о злодеяниях карателей кровь стыла в жилах. Как только украинские нацисты пришли в Новосветловку, тут же «сознательные граждане» предоставили им поимённый список ополченцев с адресами. Эти дома «нацики» расстреляли из танков. Начались насилие, грабежи, убийства, мародёрство.

Жарким днём всех местных согнали в церковь и не выпускали на улицу, один из фашистов предложил им помолиться о своих жизнях. Пока жители гадали, что происходит, каратели грабили их дома, вывозя всё: от посуды до стиральных машин с бельём, попутно провоцируя ответный огонь со стороны ополчения в район храма. Чтобы потом, после разрушения церкви и массовой гибели согнанного туда народа, на весь мир объявить о «зверствах сепаратистов».

Один житель Новосветловки, отец ополченца, рассказал, что у него в подвале спряталась от обстрелов невестка с маленькими детьми. Сам он не успел спуститься к ним, а во двор ворвались люди в форме. Один из них сразу подбежал к подвалу с гранатой в руке. Дед пытался спасти свою семью, кричал, что там маленькие дети, просил убить его, если им так нужна чья-то смерть, плакал, умолял позволить ему открыть дверь, чтобы вояки убедились, что там нет «террористов». Ухмыляясь, каратель выдернул чеку и бросил гранату в подвал.

Неудивительно, что во время освобождения этих посёлков нацистов в плен не брали.

* * *

К сентябрю фронт отошёл далеко от Краснодона. Люди постепенно приходили в себя, рассказывали о пережитом, делились болью друг с другом, понимая в душе, что этим летом они стали одной семьёй.

Вера слушала и сердце сжималось. Назвать украинских карателей животными не повернётся язык, потому что животные не убивают ради забавы и не издеваются над себе подобными для удовольствия.

Наконец, в город стали возвращаться беженцы. Те, кто отсиживался на территории «нэзалэжной», знали всё происходившее летом в Краснодоне с точностью до наоборот, мол, все обстрелы по мирным, дело рук ополченцев. Глядя в остекленевшие от украинской пропаганды глаза, доказывать что-либо смысла не было, да Вера и не спорила, удивлялась только скорости зомбирования своих земляков.

Однажды, к радости, снова объявилась Санько со своими историями. Она рассказала, что среди карателей в Новосветловке в числе иностранного сброда были даже негры. И показала Вере фотографию одного из них. Внутри что-то ёкнуло и к горлу подступила тошнота: на фоне кучи тряпья цвета хаки и каких-то частей тела выделялось знакомое, темнокожее, мёртвое лицо. То, что осталось от того самого негра в военной форме, из её сновидения.

— Откуда у Вас это... эта фотка? — спросила Вера.

— Водитель наш, Валёк, живёт в Новосветловке. Насмотрелся там всякого. Сделал несколько фото, — ответила эта странная тётка, — а что, неплохо смотрится на зелёном — крокозябра.

И зло добавила:

— Нечего было тут шастать!

Наконец, домой вернулись дети. Загорели, подросли и повзрослели за лето. Начался новый учебный год, жизнь постепенно налаживалась.

В начале октября к Вере постучал в дверь нежданный гость — Максим. Как обычно аккуратный, хмурый, сдержанный. Рассказал, бахвалясь, как он ловко одурачил ополченцев, пробираясь в город. Солдата ВСУ здесь ожидала долгая беседа «с кем надо», возможно в подвале. Разговор как-то не клеился.

— От меня что нужно? - сухо спросила Вера.

— Я хотел сказать, — помявшись, ответил Максим, — что я не предатель. Просто я очень сильно... больше всего на свете я люблю Украину!

— Совет да любовь, — ухмыльнулась Вера, указывая Максиму на дверь. — Нехай щастыть, как у вас говорят.

«Свои» закончились.

Война катилась дальше по степям Донбасса, огрызаясь и скалясь, словно бешеная собака, разрушая города и сёла, отбирая жизни и ломая судьбы.

* * *

Происходят в мире странном
Удивительные вещи:
На окошко утром ранним
Прилетает ворон вещий.

Он приносит небылицы
И значительные вести.
Всё рассказывает в лицах.
Старый он: ему за двести.

Ворон статен и прекрасен,
Он умен и интересен.
— Что ты ищешь на Донбассе?
— Жду войны и горьких песен...

По утрам стучит в окошко,
Ожидая безнадёжно
Слёз и боли, стёкол в крошки...
Мир хранят. Пока возможно.

* * *

По велению Украины
Убивают народ солдаты.
Гибнут дети детей безвинно,
Полыхают кострами хаты,

Как нацистов пошла «потеха»,
Помнишь, сколько промчалось вёсен?
Под обстрелами не до смеха –
Пролетело смертельных восемь.

* * *

А «скорая» меня не довезла,
напрасно била об асфальт колёса.
В единый миг я стала безголоса
среди руин и битого стекла.

Подумайте: молчать! А что осталось?!
Не видеть мир, не трогать и не слышать,
как бисер-дождь рассыпался по крышам…
Опять не повезло – какая жалость.

НОЧЬ

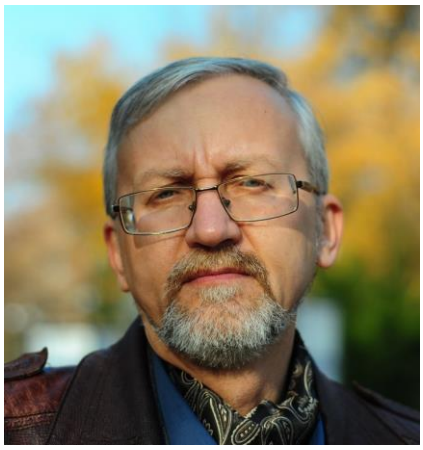
Укрывает ковыль коврами
Пришлых тварей гнилые кости.
Ярко светится над дворами:
То луна заглянула в гости.

Серебром залила дороги,
Раздала тишины припасы.
Охраняют древние боги
Русский дух на святом Донбассе.

* * *

Я вижу сон: Донбасс в огне,
Дома горят и воют «Грады».
Так мира хочется. И надо
Давным-давно проснуться мне.

Владислав РУСАНОВ
г.Донецк, ДНР



Родился 12 июня 1966 года. По образованию инженер-геологоразведчик, кандидат технических наук по специальности «Бурение скважин».

Прозаик, поэт, переводчик. Автор 28 книг, выходивших в разное время в издательствах «Крылов», «Астрель» (Санкт-Петербург), АСТ, ЭКСМО (Москва), «Шико» (Луганск, Севастополь). Переводил с английского прозу Артура Конан Дойла, Грегори Киза, Джо Аберкромби, Гилиан Флинн и других.

Редактор-составитель сборника гражданской поэзии Донбасса «Час мужества» (обладатель специальной премии в номинации «Поэзия» Московской международной книжной ярмарки 2015 года).

Лауреат премии «Лунная радуга» в области литературы (2014 год).

Кавалер Ордена им. Ф.М.Достоевского 1-й степени (2016 год).

Член Союза писателей Донецкой Народной Республики. Почётный член Интернационального Союза писателей. Член Союза писателей России. Член Совета по фантастической и приключенческой литературе при Союзе писателей России.

ПИКСИ В ПИКСЕЛЕ

Там, где встал туман по-над весями,
где дубы скребут поднебесный свод,
пикси в пикселе пляшут весело,
пикси в пикселе водят хоровод.

Пусть хобгоблины все повесятся,
прыгнут брауни в омут головой,
всё равно пикси в пикселе весело,
пикси в пикселе в пляске круговой.

Ты не ведаешь ли, кудесница —
в камуфляже грудь, на плече АК,
отчего пикси в пикселе весело,
пикси в пикселе не берёт тоска?

Пробираясь сквозь редколесицу,
вдоль сухих ручьёв, скальных берегов,
знай, что пикси в пикселе весело
заморочат след, заведут врагов.

Пусть чубатые воют, крестятся,
угодив в овраг в предрассветный час,
пикси в пикселе нынче весело,
пикси в пикселе берегут Донбасс.

РОЗА МИРА

Росою алою Друккарга
скрепляем жизнь.
Плывут слои Шаданакара,
как миражи.

Встаём с колен, шагаем дружно
в единый строй.
Блестят штыки, грохочут ружья —
ты здесь герой.

Здесь наша мощь, здесь наша сила —
Святая Русь.
Здесь родина, всё сердцу мило,
и с нами Жругр.

Не ради почестей и славы
встаёт волна.
Налей владыке алой шаввы!
Налей сполна!

И, покидая поле брани,
плюём на смерть.
Позволь нам, арунгвильта-прана,
своё допеть.

* * *

У февраля удел особый —
он пролагает путь весне,
когда январские сугробы
застыли в шатком полусне.

Когда с утра размыты краски
и манит смятая постель,
когда к обеду солнце дразнит,
но к вечеру опять метель.

Когда в толпе неуловимо
мелькнёт знакомый силуэт,
цепляя прошлого извивы,
к которому возврата нет.

Когда всё чаще и весомей
сжимает сердце боль потерь,
когда приходишь полусонным,
оставив незакрытой дверь.

Какой-то глупой мишурою
замкнётся ожиданья круг.
И вновь тебя февраль укроет
от суеты и от разлук.

* * *

Время ничуть не лечит,
не назначает встречи,
не произносит речи —
на языке крамола.
Видишь, танцует пламя.
Видишь, трепещет знамя.
Это уходят сами
души седьмого помола.

Помним ли друг о друге,
мчась день и ночь по кругу.
Не затянув подпругу,
не победить в паркуре.
Выжить конечно можно,
только безумно сложно,
если сжимают вожжи
волки в овечьей шкуре.

Вечность – игра в орлянку.
Снова пробили склянки.
Не удержаться... Глянь-ка —
рушатся в прах кумиры.
Грешные и святые,
мудрые и пустые
будут они отныне
эхом войны и мира.

* * *

А мы много хотим успеть —
кто допеть, а кто долюбить.
А мы за нос поводим смерть,
из надежды свивая нить.

А мы много хотим сказать,
лишь бы слушать кто захотел,
лишь бы кто-то глядел в глаза
в суете каждодневных дел.

А мы много хотим забыть,
и забудем — не в первый раз.
Чем казаться, так лучше быть
без иллюзий и без прикрас.

А мы много хотим понять,
не страшась ни тюрьмы, ни сумы.
Как ладонь ляжет на рукоять,
так за правду поляжем и мы.

А мы много хотим простить
и чтоб нас простила земля.
Веселей гляди, волчья сыть!
Нам полжизни ещё догулять!

СВО

Когда в эфире что ни час
бурлит злословье,
покрепче зубы сжал Донбасс,
стоит не сломлен.

Когда исчадий Сатаны
оскал кровавый,
и что ни день кошмар войны
приходит в яви,

когда безжалостные дни,
и ждём мессию,
Россия, руку протяни!
Приди, Россия!

Но мы услышим рёв машин
и рокот траков,
и частой дробью калаши
поддержат драку.

Тогда российского орла
взметнётся знамя,
и в небе синем два крыла
плывут над нами.

Неудержимо на закат
волна победы
пойдёт, как много лет назад
шагали деды.

ПОЛЯ НАДЕЛИ МАСКХАЛАТЫ...
Поля надели маскхалаты,
вороний грай.
Глядят расстрелянные хаты
за небокрай.

Торчат, чернея, дымоходы,
как в небо перст.
День ото дня и год от года
неси свой крест.

И ждут, почти что без надежды
бойцы приказ,
который, получив депешу,
комбат отдаст.

И потекут, прорвав барьеры, —
долой тоску! —
рекой стальною БТРы
по большаку.

Поддержат братьев батареи
стеной огня.
Победа воинов согреет
к исходу дня.

Рванёт на всю, героев встретив,
гармонь меха,
И расцветут улыбкой стрехи
разбитых хат.

* * *

Жертвуют всем что дорого,
жертва всегда оправдана.
Сильные бьют без промаха,
а побеждают правые.

Даже в бокал фалернского
капнуть можно отравою.
Бой начинают дерзкие,
а побеждают правые.

Дни ожидая судные,
не поступившись нравами.
Смерть обоснуют мудрые,
а побеждают правые.

И у небесной лестницы
помни простое правило —
верят в победу честные,
а побеждают правые.

* * *

Не доставай гранату,
не извлекай чеки —
даже солдату НАТО
смерть встречать не с руки.

И украинским братьям
не причиняй ущерб —
скоро на рынке гранатном
цены взлетят вообще.

Дело ведёт торовато
терроборона в/на.
Будет твоя граната
стоить полкабана.

Знаю, тебе диковато,
но не гони прогресс.
Станет твоя граната
символом их ЕС.

* * *

Набей потуже чемодан,
набей потуже!
Ты уезжаешь в никуда
и ветер кружит

в пустых бульварах, площадях
и на перронах.
Тебя конечно пощадят
и не затронут.

И будет жизнь твоя легка,
как вольный ветер.
Играй по жизни дурачка
и в интернете.

Обрушь на Родину свою
ушат реляций,
потребуй новый «Хасавюрт»,
капитуляций.

Но только думать перестань,
что ты здесь нужен.
Набей потуже чемодан,
набей потуже!

Марина БЕРЕЖНЕВА
г.Балабаново, Калужская область, РФ

«Я родилась в Дебальцево Донецкой области, после школы уехала в Новосибирск, в 2004 году вернулась на Донбасс, где и проживала до 2019, работала в рекламе, на радио, в интернет-проектах. В 2014 году возглавила Министерство информации и связи ДНР, затем возглавляла пресс-службу Верховного Суда ДНР. В 2015 году стала членом Союза писателей ДНР. Сейчас живу в Балабаново Калужской области, работаю завучем в школе».

БАБУШКА-УКРАИНА

Помнишь, как ты ездил к бабушке на Украину? Из большого шумного города — в маленький городок, над крышами которого шумели остроконечные верхушки серебристых тополей, а прямо во дворах многоэтажек на кудрявых невысоких деревцах зрели абрикосы. Их тугие зелёные *попки* за пару недель наливались медовой желтизной, и такой же медовой сладостью. Бабушка целыми днями хлопотала у плиты, где волшебным образом из груды овощей рождался густой и бордовый борщ, румянились налистнички с творогом, а то пыхтела с натугой здоровенная трёхэтажная алюминиевая соковарка, исторгая из своих глубин струйку горячего ещё ароматного сока.

Ты же целый день пропадал с пацанами то во дворе, где у самодельных футбольных ворот кипели настоящие сражения за побитый жизнью красно-синий, совсем не футбольный мяч. Но это было неважно, потому, что тогда совсем не важны были ни бренд футбольного мяча, ни наличие треугольничка с логотипом известной спортивной фирмы на твоей футболке — его с успехом заменял улыбающийся олимпийский мишка, которым ты гордился так, словно ты сам и был этим весёлым мохнатым олимпийцем.

А ещё совсем неподалёку была речка. И в самую жару вы со всей ватагой дворовых пацанов спасались в ней, ползая на пузе возле самого бережка, или ныряя там, где вода доставала аж до макушки.

Вы соревновались, кто больше соберёт камешков со дна, и ты однажды получил свою минуту славы, достав в горсти вместе с илом и обточенным водой бутылочным стёклышком, здоровенный, царский еще медный пятак, покрытый зелёной патиной.

И девочка из соседнего подъезда тогда посмотрела на тебя так, что ты не раздумывая вручил ей свою находку, гордый ещё и своим великодушием.

А вечером с бабушкой вы читали книжки. Ещё утром, по дороге за хлебом и молоком, вы заходили в книжный магазин, где пахло совсем не как в хлебном, но тоже так вкусно и немного тревожно, тебе казалось, что это запах приключений и удивительных историй, там вы покупали книгу. У бабушки в магазине был «блат», как говорили взрослые — там работала её школьная подруга. поэтому для тебя специально оставляли «Остров сокровищ» или «Денискины рассказы». И вечером вы с наслаждением читали с ней по очереди главу или рассказ. Кстати, некоторые из этих книг были на украинском, но это не мешало тебе следить за приключениями их героев и так же ждать развязки. Потому, что в вашей дворовой компании было без разницы — на русском или украинском говорить. Каждый понимал каждого — сказанное на том языке, на каком ему было удобно. И за пару дней ты переставал прислушиваться к тому, на каком языке говорят Мишка и Оксанка, Сергуня и Тарас. Иногда тебе бабушка разрешала залезть в глубину тяжеленного тёмного дерева комода и достать шкатулку с лаковыми розами на крышке. Там, на бордовом бархате, лежали ордена и медали твоего деда. Ты осторожно трогал их металлические

тяжёлые кругляши с гербами, танками, профилем какого-то мужчины, про которого бабушка сказала: это Сталин. Ты однажды даже осмелился примерить орден перед зеркалом, пока никто не видел — тебе казалось, что за такое непременно заругают, но примерить очень хотелось. А потом ты уехал. И однажды зимой пришла телеграмма, и мама плакала, а папа побежал покупать билеты. К бабушке, на Украину. Но вот тебя не взяли, оставили дома, «на хозяйстве». А вернувшись, мама сказала, что бабушки больше нет. Вы больше не ездили в тот маленький городок, где во дворах растут абрикосы. Не к кому стало ездить.

Когда мы потеряли тебя, бабушка-Украина? Когда ты умерла? Когда из любимой, доброй и хлебосольной бабули, мамки, весёлой сестрёнки, ты превратилась в накачанное иностранным оружием и идеями нацизма чудовище, пожирающее своих детей и внуков? Как мы допустили это? Как ты сама допустила такое с собой сделать? И как нам жить дальше, ведь мы знали тебя раньше, и любили... Потому что как не любить родного тебе человека, родную тебе землю? Что же делать нам с тобой, родная?

ОТЧИЙ ДОМ

Она подняла на меня глаза — усталая немолодая женщина, весь день проводящая в кресле перед монитором среди бумажных гор бухгалтерской отчётности.

Спросила:

— Куда вы теперь?

— В Москву.

— Скажите, — начала она со знакомой уже мне интонацией, и я внутренне напряглась, ожидая тысячи раз заданного мне, счастливой обладательнице российского паспорта, которая в любой момент может благополучно пересечь «ленточку», продолжив житьё там, в мирной России, — скажите, как вы думаете, Россия нас не бросит?

— Нет, конечно! — собрав всё самообладание и твёрдость, уверила женщину я. Ну и себя, по возможности.

В который раз я это произносила, каждый раз набирая уверенности, как воды из колодца, чтобы выплеснуть эту фразу на собеседника, жаждущего именно её — «нет, конечно!», сказанную уверенно и значительно. Значительно просто потому, что она была произнесена человеком с российским паспортом, пусть даже не облечённым ни властью, ни полномочиями, но здесь, каждый с таким паспортом воспринимался посланцем «большой земли», носителем сакрального знания.

Я каждый раз, говоря это «конечно!», чувствовала себя шаманящей, ворожащей, пытающейся, поймав за хвостик этой фразы вероятность долгожданного события, притянуть его сюда, в эту реальность, чтобы просветлели смертельно усталые глаза этой женщины, поднятые на меня от монитора с отчётами, глаза, ставшие в эту минуту воплощением всех, вопрошавших меня: «не бросит?».

Услышав мой обнадёживающий ответ, она с некоторой завистью сказала:

— Знаете, я вот тоже хотела бы в Москву. Только никак — у меня мама… Ей за семьдесят уже, и она ходит плохо совсем. Её в пятнадцатом ранили сильно. В ногу.

Она помолчала, вспоминая.

— У нас дача была. Под Ясиноватой. Мы когда дачу купили, до войны ещё — так радовались! Фрукты свои, и на воздухе… Мама с папой там любили возиться, ну вы понимаете… Лучше б мы её продали, эту дачу…! — вдруг с горечью вырвалось у неё.

— Понимаю, — кивнула я, чтобы поддержать разговор.

— Я ж ей говорила — не надо туда ездить, бог с ней, дачей, посиди дома! Но разве удержишь? — продолжила женщина всё с той же горечью.

— Мина? Осколок? — понимающе спросила я.

Что ещё могло быть летом пятнадцатого под Ясиноватой? Сколько этих «дачных» историй по Донбассу... Растяжки, миномётные обстрелы, осколочных ранений было — не перечесть.

— Нет, пуля. Понимаете, пуля! Доктор сказал, какая-то особая: входное отверстие сантиметра два, выходное — восемь! Скорее всего, сказали, снайпер бил, — женщина внешне выглядела спокойно, но было видно, как мучает её что-то, неодолимо мучает.

— Понимаете, — продолжила она с той же отстранённой интонацией — мама у меня такая… женственная, хоть и в годах. С мужчиной её никак не спутать, она и штанов-то никогда не носит, и в тот день в платье с длинной такой юбкой была, и в платочке белом. Ну никак её за солдата и даже вообще за мужчину принять нельзя, понимаете? — и она посмотрела на меня, словно пытаясь найти хоть какое-то логическое объяснение тому, что старушка в платье и белом платочке, ковыряющаяся на дачном участке, оказывается мишенью снайпера.

Честно говоря, ни понимания, ни логического объяснения у меня произошедшему не было. Я не понимала, как можно целиться в старушку в платочке, поливающую огурцы на дачном участке, как можно нажать на спуск, и затем рассматривать в оптический прицел (говорят, хорошо видно, очень хорошо), как эта старушка истекает кровью.

— Её сосед спас, — помолчав, продолжила женщина. На соседнем участке возился, услышал и прибежал, перетянул ногу и отвёз в больницу. Доктор сказал — чудом успели. Ну и она у меня молодец, с характером. После операции ей очень долго лежать пришлось — доктор объяснял, что пуля в кость попала и не простой перелом получился, а кость от удара пули вдоль ещё треснула, до самого верха. Но она встала. Потом мне сказала, что очень мне помочь хотела — она у меня крупная, носить её мне не по силам было, вот и хотела мне помочь. Сначала нам такую штуку на ножках подарили — она на одной ноге прыгала, её переставляла, и так передвигалась, а потом уже с палочкой начала ходить. Но всё равно надолго оставаться одна не может. Так что, какая тут Москва…

…А на даче мы больше не были. Соседи сказали, что она после одного из обстрелов сгорела, так что и смысла уже туда ехать нет… Вот у меня и не стало отчего дома: это я после папиной смерти так дачу называла, папа там много всего сделал, любил её очень…

— С...ки, — неинтеллигентно высказалась я, а женщина согласно кивнула.

— Знаете, — сказала она, — мама так ни копейки за все эти годы не получила пенсионных с Украины: после всего этого она туда точно не поедет, а я и подавно, в общем, невыездные полностью мы с ней.

За окном опускались ранние декабрьские сумерки. В свете ламп на стене кабинета яркими красками сияли плакаты, выпущенные ко второй годовщине Республики, случившейся два года тому. Плакаты ничуть не выцвели и радовали взгляд яркими красками и бодрыми лозунгами. Женщина помолчала, а потом снова спросила то, что я уже слышала тысячи раз, и на что у меня уже давно не было никакого ответа:

— Как вы думаете, это когда-то закончится?

Донецк, 2018 г.

* * *

Не сдай себя. Не сдай себя врагу.
Не покорись его речам слащавым.
Не говори себе — я не могу,
Я не сумею, я не... Переправы

Никак закончиться не могут, целый век
Переправляемся — то броды, то понтоны.
А сверху лупит... Разве человек
Такое выдержит? Заплатки похоронок

На тех местах, где рядом шли бойцы.
А переправе нет конца и края,
И деды все ушли, ушли отцы, —
Зовёт, курлычет, улетая стая

Тех самых журавлей... Чего ты ждёшь?
Как в синий Ирий с ними бы, привольно...
Но ты на переправе, ты бредёшь,
Лишь слёзы на губах — морскою солью...

Тебе ещё идти, с водою в сапогах,
С натёртыми поклажею плечами,
А где конец пути? И сердце гложет страх,
А душу — безнадёга и печали.

На переправе обустроив быт —
Привычные к любым судьбы кульбитам,
Полвека всё идём, идём мимо корыт,
В которых кто-то чавкает так сыто...

Там те, кто сдал себя — за чечевичный суп,
За тридцать кругляшей из драгметалла.
А ты не сдай себя — будь даже зол и груб,
Но продолжай идти, не опускай забрала,

Не прячь своё лицо, не отрицай свой путь —
Он проторён задолго до рожденья.
Он — это ты и есть, ты — переправы суть,
До самого последнего мгновенья.

* * *

На линию фронта ходили трамваи,
За линию фронта маршрутки ходили.
Дончане тем летом так много узнали
О людях, о жизни, о Боге, о мире...

Военные будни — с учёбой, работой,
Но кто-то вернется с работы усталый,
А кто-то, в историю канувший кто-то,
Уже не придёт... Всё начнётся сначала —

Его фотографии — детям и внукам,
А может, чужим чьим-то внукам и детям,
Когда-то расскажут о боли, разлуках,
И то, если кто-то их всё же заметит...

Их много — попавших промеж жерновами,
Не звавших, не ищущих бури и «града»,
Их много — они просто не сознавали,
Что смерть и разруха — так близко и рядом.

Так близко и рядом — безумье нацизма,
Его беснованье, зловонье дыханья —
Оно вдруг вошло в наши мирные жизни
Тенями на стенах сожженного здания.

Вошло навсегда, как в сороковые,
Отметиной в судьбах родных и далёких
Раненья — осколочные и пулевые,
Последние письма, последние строки...

Всё это, из ранее павшего в Лету,
Внезапно вернулось сплетением свастик.
Донбассу военные осень и лето
Цинично вручили нацистские власти...

ДОНБАССКИЕ СКАЗКИ

А кто-то расскажет нам
страшные сказки потом,
Как спят на Донбассе от горя уставшие дети,
Как ветер в руинах над ними рыдает, о том
Как страшно ему – повидавшему
много на свете…

А может, не сказки, но кто же поверит тебе,
Что можно — прямою наводкой —
в окно детской спальни?
Что в чёрной, затмившей
и разум и зренье злобе,
Так просто накрыть жилмассив
артиллерией дальней.

Так просто по городу выпустить
«града» пакет,
Ведь не разобрать — там блиндаж,
или дети в подвале.
И кровь запечётся на пёстром
цветном покрывале,
Плохая от «града» защита —
их тоненький плед…

Потом — много слов и сюжетов
покажут нам СМИ,
О том, что случилось, с кем
сталось несчастье такое,
А мы посочувствуем, и ощущенье покоя
Исчезнет ненадолго, выпьем души за помин…

Но день промелькнёт, ночь придёт
и усталости вал
Уносит, как прежде, и снова дела одолеют,
И мы позабудем на время, как пятна алеют
На маленьком пледике,
что тех детей укрывал…

* * *

Сквозь то, что нам положено пройти,
Мы все пройдём, просеемся сквозь сита
Событий, отделивших неофитов
От тех, кто в курсе — что там на пути
Нам стоит ожидать. Но сердце ворожит,
Ему смиряться с участью нет силы.
От края колыбели до могилы
Оно выводит нас на виражи,
Которые и не вообразить,
Которых загадать не получилось.
И лишь мечта — маяк или лучина?
В зелёном мареве случайного дрожит...

ВАСИЛИЙ ТОЛСТОУС

г. Макеевка, ДНР

Член Межрегионального союза писателей (МСП, Донбасс). Лауреат премий — СП России «Гранатовый браслет» им. А.И. Куприна (2022); Донецкой областной Государственной — им. В.В. Шутова» (2009); МСП — имени Михаила Матусовского (2007 г.), Владимира Даля (2010 г.), Олега Бишарева (2014 г.), «Молодой гвардии» (2019 г.).

Стихи и проза публиковались: в России, ДНР, ЛНР, Великобритании, Канаде, Германии, и др.

ПО ДОНЕЦКУ

Троллейбус подошёл. Раскрылись двери,
как будто приглашали: мол, войди.
Урчал мотор, спокоен и уверен,
полгорода оставив позади.
Я приглашенье принял. Солнце встало,
на поручнях троллейбусных блеснув.
От железнодорожного вокзала
мы тронулись и въехали в весну.
Сияли окна девятиэтажек,
алели розы в капельках росы,
и воздух плыл, по-утреннему влажен,
с земли на небо, в ласковую синь.
Бежала мимо улица Артёма,
где каждый дом по-дружески знаком.
Большие клёны плыли, невесомы,
качнув листвой троллейбусу вдогон.
Вот исполком, а слева — «Белый Лебедь»,
за ним – родной весёлый политех.
Побыть студентом юным снова мне бы.
Жаль, не вернуть времён весёлых тех...
Троллейбус мчится в мир воспоминаний:
библиотека, оперный театр.
Бегут дороги, пройденные нами,
где каждый метр — из памяти стоп-кадр.
А вот и площадь. Памятник, фонтаны,
и розы — ими город окружён.
Окончен рейс. Я вышел, чуть усталый.
Донецк живёт. Всё будет хорошо.

* * *

С зарёй остатки сонной лени я
смахну, скажу себе: «Пора!»
Укажет взводный направление
для выдвижения с утра.
В тиши, нехоженными тропами
в разведку выступит отряд,
чтоб на полях, пять лет не вскопанных,
растаять в травах сентября.
Нас, провожаемых сороками,
наверно, выследят враги:
большие птицы вьются около,
сужая с криками круги.
И вспыхнет бой короткий, бешеный.
Вернёмся, если повезёт,
живыми, но уже не прежними —
родной одиннадцатый взвод.
Дивизион получит данные
о диспозиции врага,
сплошным огнём накроет здания
артиллерийский ураган.
...А мы помянем над могилами
навек покинувших войну,
и вспомним тех, что раньше сгинули
за дом свой, веру и страну.

«СЕРГЕЙ ПРОКОФЬЕВ»

«Когда-то здесь летали самолёты».
«Да ну? Не заливай, братан».
«Ей-богу, я не вру.
Я убегал сюда, придя с работы,
смотреть, как вниз аэроплан
идёт на первый круг».
И направляли снова два бинокля
в окно соседи средних лет.
Вдали аэропорт
чернел, эпохой ошалевшей проклят,
и башни высохший скелет
глядел на них в упор.
«Назвали же вокзал «Сергей Прокофьев»,
он ведь не лётчик, — музыкант!»
«И хорошо. Он наш.
И музыканты гибнут на голгофе.
За что? Наверно, за талант,

за стиль и за кураж».
«Наверно, было здесь легко взлетать-то», –
сосед соседу говорил.
«А бой, поди, утих».
Они курили и не знали, кстати,
что над посёлком дрон парил,
и снайпер видел их.

* * *

Та жизнь, которой нет уже,
прости за то, что пролетела,
ведь там, на вспаханной меже,
нет ни души давно, ни тела…
Прости и ты, мой старый дом,
за то, что окна покосились,
я без вины виновен в том,
что меньше гонора и силы…
Кипела жизнь, фонтан играл.
Как целоваться было сладко!
Привет, пустынный кинозал
и танцевальная площадка!
Привет и вам издалека —
друзья, исчезнувшие где-то,
те, с кем гуляли от ДК
до сквера у кино «Победа».
Мы так любили внешний лоск
и так сложны внутри бывали…
Но мы любили наш Свердловск,
деля с ним радость и печали.
Сюда пропащая душа,
застыв на крайнем взлёте вдоха,
стремится, зная: здесь — межа,
пусть и распаханная плохо…
Здесь даже птиц крикливый клин,
летя в чужбину, отдыхает,
и даже если ты один, —
родное сердце ожидает.

* * *

В краю степей и перелесков
я бредил стройками дорог.
Простор большой в стране советской:
пройти насквозь не хватит ног.
Я помню первый телевечер:
шёл в пятьдесят девятом май.
Открыл, что мир наш бесконечен,
в нём есть и море, и трамвай.
Ещё мы в космос не летали,
и мчали улицей ЗИС-5.
В стране дверей не замыкали:
не от своих же замыкать!
В старинном парке две воронки
укрыла зеленью трава.
Мир наступил нестойкий, ломкий,
в свои не верящий права.
Братишка мой вот-вот родится.
О ком ни вспомнишь, тот — живой:
то скрипнет в зале половица,
то бьют часы над головой…

* * *

Опять с небес, где звёзды и орлы,
в закатный час, к исходу воскресенья,
слетел октябрьский вечер и поплыл
над городом, над улицей осенней.
По-летнему ленивые ветра
несли тепла невидимую россыпь —
туда, где стайкой мчалась детвора,
отряд лихих разбойников курносых.
В большом дворе играли в домино,
а мимо с шумом школьники вприпрыжку
спешили вдоль по улице в кино,
не дочитав потрёпанные книжки...
Тенями вечер с неба наползал.
Несли во двор соседи радиолу,
и быть спокойным, право же, нельзя
от этих песен, странно невесёлых.
Их слушали окрестные дворы,
и подпевал безногий дядя Митя —
широкий двор уютен и открыт,
и с улицей невидимою слитен.
Соседка Тая ставила вино,
чтоб на фронтах погибших помянули.
Мы очень дружно жили на одной
из трёх случайно уцелевших улиц.

* * *

А родина только одна,
пусть мало в ней шарма и лоска.
Донбассом зовётся она,
а точка на карте — Свердловском.
С рожденья бессрочно дана,
как юная мать у младенца,
и это не просто страна,
а вся география сердца.
Недаром, намаявшись всласть,
за годы повсюду бывая,
однажды захочешь припасть
к земле подросткового рая.
И дом, и штакетника ряд —

такие же, только чуть ниже.
Такие же гроздья висят
к земле наклонившихся вишен.
Но нет беспокойных ребят —
соседей из дальнего детства.
И — нет, и не будет тебя.
От этого некуда деться.

В МУЗЕЕ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Я тень Тюленина в музее увидал —
он слушал гида и босой ногою ёрзал,
смотрел задумчиво на свой мемориал,
и на глазах его поблёскивали слёзы.
Сергей Тюленин был ершистый,
как живой,
похож в подробностях
на собственное фото,
в руке держал мешочек —
маленький, простой,
под весом вниз его оттягивало что-то.
Ходила публика по залу, не спеша,
пуская шпильки об одетом плохо гиде,
не замечая бледной тени крепыша —
его, казалось, я единственный и видел.
Экскурсовод честил изменчивость властей,
дрожа от холода нетопленого зала.
Продав за грош ключи сердец и крепостей,
страна Советов потихоньку угасала.
Уже шагали по одной шестой земли
головорезы нарождающихся кланов,
а Кошевой Олег с Корчагиным ушли
под переплёты непрочитанных романов.
Но вот закончил гид, и в стиле «карнавал»
попсовый хит проник в музей
с окрестных улиц,
и у Тюленина в котомке — я слыхал —
коктейли Молотова грозно шевельнулись.

НА ДЕРЕВНЮ ДЕДУ
(ПИСЬМО ИЗ ДОНБАССА)

«Я русских пашен маленький росток.
В моём селе родная сердцу хата
стоит и ныне. Лет, наверно, сто
деревьям из заброшенного сада.
Здесь жили по-простому, —
день да ночь, —
в тридцатые, конечно, голодали,
а в ту войну, чтоб Родине помочь,
последнюю рубашку отдавали.
На улице соседи и друзья
по вечерам сидели, пели песни.
Здесь девушке в любви признался я,
и сизари взлетали в поднебесье.
Крестьянам было с горки наплевать,
какую им ввели национальность, —
им важно, чтобы руки нарасхват
и чтоб жилось, как водится, нормально.
Сердцам близки отцовский ус седой,
морщины деда, мамина улыбка,
в сенях ведро с колодезной водой,
и с меньшим братом старенькая зыбка.
С тех пор прошло немало зим и лет.
В стране, что стала ощутимо меньше,
мы стали вдруг чужими на земле,
как будто между нами встали межи.
Всё сбилось в ошалелых головах.
Вот ты, мой дед, скажи —
ты много прожил —
откуда в людях ненависть и страх,
когда в беде — и ближний не поможет!?…
Но что покоя вовсе не даёт, —
на остальное я и сам отвечу, —
скажи, он жив ли, русский мой народ,
с которым я родной учился речи?
Как черви из удобренной земли,
как саранча, сжирающая поле,
пришли иные, смяли, обошли,
и русским подготовили неволю.
С подходами, кивая и смеясь, —
вы свой язык забудьте, говорили.
И вот они — навязанная власть,
мы все в ярме, — они повсюду в силе.
На русском лишь на кухнях говорить,
такая нам даруется свобода.
Подохнуть у рассохшихся корыт
дозволено великому народу.
Скажи мне, дед, надолго это всё?
Ответа нет, наверное, простого.
Я знаю — жизнь кружится колесом,
и дурь пройдёт, лишь надо верить в Бога.
Прошу: на русском петь, слагать стихи
на сей земле — моих детей и внуков
сподобь, Господь... Ещё — прости грехи
и защити нас, русских.
Ваня Жуков».

Марк НЕКРАСОВСКИЙ
г. Луганск, ЛНР

«Поэт, прозаик, гражданин».

Из книги «КРОВАВАЯ ПЫЛЬ»
Летопись войны

Это не дневник в нашем привычном понимании. Я писал стихи о том, что видел. Стихи, написанные по реальным событиям. Стихи-репортажи. Стихи-документы. Я понимал, что каждое такое стихотворение может стать приговором для автора, т.е. меня, но не писать не мог. Пока было электричество стихи бросались в Интернет. Тогда же была выставлена книга «Осада». «Осада» — коллективный сборник поэтов-луганчан о войне 2014 года. «Друзья» предупреждали, что нас «повесят» за эту книгу, но спрятаться было равносильно предательству перед теми, кто был ранен или убит, перед теми, кто держал линию фронта.

Почему я решил дополнить стихи прозой? Дневник — это личное и обычно не предназначен для открытого прочтения, но многие стихи, если не все, написаны по реальным событиям и читателям (не луганчанам) будет трудно понять, что хотел сказать автор. Встречаясь с читателями в России, я старался не только прочитать стихотворение, но и объяснить им, что это не война жителей Донбасса с нацистской Украиной, а война русского мира с фашиствующим западным миром.

Чтобы написать одно стихотворение исписываются от трёх до десяти листов блокнота с разными вариантами и мыслями о том, что хочется сказать. Я когда-то читал, что аборигены Австралии, чтобы вспомнить важный для них день, берут с места события какой-либо предмет с сильным запахом и, когда хотят вспомнить этот день, они нюхают предмет, и воспоминания приходят к ним. Щепка, цветок, растение становятся опорными сигналами памяти для них. Мои стихотворения и исписанные черновики — это мои опорные сигналы. Некоторые стихи дописывались позже, когда приходило осознание события или данные, которых я в тот момент не знал. В постскриптумах я об этом пишу.

…Эта книга не имеет конца — война ещё не закончена. Но я надеюсь, что придёт День Победы и я допишу её.

И опять буду писать стихи о любви.

Новые власти Украины твердили жителям Донбасса — Донбасс живёт на дотации, шахты убыточны — надо их закрывать, жители Донбасса генетический мусор, люди второго сорта — унтерменши. Потом они перешли от слов к делу — обстрелы, бомбёжки, казни военнопленных и гражданских лиц. Сейчас они твердят, что без Донбасса не будет успешной Украины. Правда, жители Донбасса им не нужны — только территория. Только кто будет работать? Сами «западенцы» могут работать только в домах престаре-

лых и на уборке урожаев в Италии, Греции. Продадут нашу землю США? Сланцевый газ? Чернозём? Труженики Донбасса стали на защиту своей земли, своих близких.

* * *

Ни дома, ни жены, ни сына…
Крепись, шахтёр.
Ты для «свидомой» Украины —
«Москаль» и вор.

Имел ты статус дармоеда —
Дотаций ждёшь.
Но без тебя вся их победа
Не стоит грош.

Но без тебя для них закрыта
В Европу дверь.
Вот почему семья убита.
Гоним, как зверь.

Но кто насильно будет милым?
И пуст забой.
Донбасс врагам раздаст могилы.
Шахтёры, в бой.

Читал эти стихи ополченцам несколько раз. И каждый раз после чтения подходили бойцы и говорили, что это стихотворение об их убитом товарище. Много их было — неизвестных героев, отдавших свою жизнь за други своя.

БАЛЛАДА О РАЗВЕДКЕ

На нейтральной нарвались на мину,
И застыла на земле разведка.
Двух убило. Я был ранен в спину.
Что-то треснуло в спине, как ветка.

И лежу я, ног не ощущаю.
Боль такая, что терпеть нет мочи.
Умираю, братцы, умираю.
Не дожить мне до исхода ночи.

Мне теперь домой не возвратиться.
Не обнять мне ни жену, ни сына.
Я теперь им буду только сниться.
Вот такая грустная картина.

Но не зря ходили мы в разведку.
Данные разведка всё ж добыла.
Не кричу — зубами сжал я ветку.
И ползу, пока в руках есть сила.

И ползу я, кровью истекая. —
И теряя силы понемногу,
Что ж судьба мне выпала такая —
Выдержать последнюю дорогу.

На рассвете словно вата руки,
Но дополз и дал координаты.
С дальнобойной получайте, с...ки.
Ведь недаром умерли ребята.

* * *

На войне не думать о войне
Помогает только мысль о доме.
Раненый лежу я на стерне —
У врага как будто на ладони.

Как стемнеет, будут меня брать,
Размечтались — не избегну плена.
Будут меня резать, убивать,
Наслаждаясь этим откровенно.

Не всегда везёт нам на войне,
Но забыл я о врагах и смерти.
Думаю о детях и жене —
Как спасти их в смертной круговерти?

Я последний свой держу редут:
Здесь на поле, на стерне и в жиже.
Солнце село. Слышу, как ползут.
Окружают. Ближе, ближе, ближе...

Я гранаты отпустил чеку.
Только так я близких сберегу...

Майданная Украина не способна соблюдать договора. Цели и задачи у неё другие. Какие Минские соглашения? Пока Донбасс держится, он пример для других регионов Украины. Пример сопротивления и победы над нацистами. Нацики используют перемирие для перегруппировки своих сил для последующего продолжения войны.

* * *

Войной разорвана страна,
И ненависть страну убила.
Донбасс пугает тишина,
В которой ни войны, ни мира.

Нацизма тварь ещё жива,
Ещё хребет её не сломлен.
А мы – свободы острова,
И мы как кость во вражьем горле.

В умах врагов живёт война,
И Каин стал для них героем,
А значит эта тишина –
Для нас затишье перед боем.

Самое страшное на войне то, что привыкаешь к смерти своих товарищей. Смерть становится привычной, рутинной. Все войны когда-нибудь закачиваются. И главное на войне не уцелеть, а победить и остаться человеком.

* * *

На войне даже смерть — рутина.
Убивает людей война.
Не жалеет ни пуля, ни мина,
Но солдат для страны — стена.

Каждый верит — будет победа,
И что он возвратится домой.
Каждый верит, и эта вера
Нас бросает в смертельный бой.

Каждый день, как подарок от Бога,
Проживи его без стыда.
Сам ты выбрал эту дорогу,
Где фанерная ждёт звезда.

И плевать нам, что смерть рутина,
Наша смерть – не наша вина.
Над могилами пусть рябина
Сыплет ягоды-ордена.

Щербицкий, глава Компартии Украины, просил партийное руководство СССР, чтобы убрали из свободного доступа сведенья о «геройстве» украинских националистов в Белоруссии — чтобы не возбуждать ненависть к украинцам. Сожжённая Хатынь — это дело рук украинских коллаборационистов. Украинских фашистов разбили, но не раздавили и поэтому война 2014 года стала продолжением Великой Отечественной войны.

* * *

Осень сыплет листья на дорогу,
Ветер их разносит по стерне.
Листья, листья… это письма к Богу.
От солдат, погибших на войне.

От солдат убитых, не зарытых,
На полях чьи косточки лежат.
От солдат убитых и забытых,
Жизнь отдавших за страну солдат.

Боже, Боже, как же так случилось?
Что реванш фашизма на Земле.
Боже, Боже, окажи нам милость —
Дай потомкам победить в войне.

Осень сыплет листья на дорогу,
И горит земля моя в огне.
Листья, листья… это письма к Богу
От солдат, погибших на войне.

История развивается по спирали. Окопы ополченцев находятся на позициях Красной Армии, окопы ВСУ и нацбатов на позициях войск фашистской Германии. Призыв Юлиуса Фучика «Люди, будьте бдительны» забыт. Фашизм возродился. Потомки полицаев и бандеровцев хотят убить потомков победителей. Тогда не получилось, не получится и сейчас.

* * *

Эта пыль под ногами — кровавая пыль.
Это всё, что осталось от нас после боя.
Кем я был — я забыл, что любил — я забыл.
Не осталось тревог, не осталось покоя.

Время пыль разметёт. Мы травой прорастём.
Станем облаком, лесом, цветком зверобоя.
И на землю прольёмся весенним дождём,
Чтобы смыть все следы
от смертельного боя.

Сколько нас полегло в безымянность могил,
Каждый ветром кричит: я ведь жил,
я ведь жил…
Ветер гонит волной серебристый ковыль,
Что не век — то война и кровавая пыль.

Мамы ждут своих детей домой. Даже тех, на кого пришли похоронки. Даже тех, кого они сами хоронили. Мамы всегда ждут своих детей.

* * *

От дождя грохочет черепица.
Дождь весенний. Сильный. Грозовой.
Маме в сотый раз опять приснится —
Сын погибший к ней пришёл живой.

Он заходит, хоть закрыты двери.
Пахнет лесом, травами, весной.
Мама, мама… Как Вы постарели.
Вы же были, мама, молодой.

А у нас затишье перед боем.
Я домой вернулся на часок.
Победим и новый мир построим.
Победим, лишь дайте только срок…

Мама спит. Во сне она счастлива.
Явь ужасна — траурный портрет.
Много лет цветёт у дома слива.
Много лет, как сына больше нет.

Похоронка. Злая похоронка.
Сын погиб геройски за страну.
Нет могилы, только есть воронка.
Жизнь отдал солдат за тишину.

Многие устали от войны. Хотят о ней забыть. Они твердят, что хватит о ней писать. Но это позиция страуса — голова в песок и никаких проблем. Но война ещё не кончилась. Враг не разбит и Победа ещё не за нами. Расслабимся, потеряем бдительность и враг победит. Каждая строчка — это пуля. Только так и не иначе.

* * *

Зачем пишу я о войне?
Ведь мне твердят, что надоели
Стихи, одетые в шинели.
Пиши о женщинах, вине...

Но я пишу всё о войне.
О том, как заживо сжигали,
Детей и женщин убивали,
И город мой горел в огне.

А я пишу всё о войне.
О том, как билось Хрящеватое,
И жизнь войной была распятая,
И нам не жить в одной стране.

А я пишу всё о войне.
О том, как становились старше,
Подростки «смертью смерть поправши»,
В бой шли на светлой стороне.

О нашей я пишу вине.
Фашизму дали мы подняться,
Не все со злом пошли сражаться.
Писать я должен о войне.

* * *

Стихи, одетые в шинели,
Тревожат вас, как выстрелы, в ночи.
Как снайпер, поражая цели,
Стихом поэт в сердца людей стучит.

Не спите, братья, – враг стоит у дома.
Убьёт он близких и разрушит дом.
Все на борьбу — и это аксиома,
Иначе не за грош мы пропадём.

Кто в щели прячется, чья хата с краю,
Тот стал рабом, виновником всех бед.
И безразличных ищет вражья стая,
— Где брат твой, Каин? А ответа нет.

Не будет мира, если нет победы.
И нет победы, если рядом зло.
Все на борьбу – вот символ нашей веры.
И верим мы все в красное число.

Мы за победу жизни не жалели.
Мы — здания победы — кирпичи.
И пусть стихи, одетые в шинели,
Тревожат вас, как выстрелы, в ночи.

Нина ДЕРНОВИЧ
г.Молодогвардейск (Атамановка), ЛНР —
х.Вишневецкий, Каменский район, Ростовская область, РФ

Педагог. Писатель. Поэт. Публицист.
Заслуженный работник образования УССР.
Член Союза писателей России, Международного сообщества писательских Союзов, Международного Союза писателей и мастеров искусств, Союза писателей ЛНР.
Лауреат литературных премий им. Владимира Даля и им. Михаила Матусовского.
Автор 25-ти изданных книг.

КРЕЩЕНИЕ

Немцы ушли.

Пробуждалась первая послевоенная весна. Наклонив голову навстречу зябкому ранневесеннему ветру, по степной просёлочной дороге шла женщина. В руках у неё был, завёрнутый в одеяло, худенький, почти двухлетний ребёнок. Ноги вдавливали в землю только что проклюнувшиеся зелёные иголки. Земля была холодная и сырая, так что присесть или положить ребёнка на землю было невозможно. Женщина устала, но упрямо шла сквозь промозглую степь к намеченной цели, — в ближайшую Церковь, находящуюся более чем в 10 километрах от их заброшенного, забытого Богом в донецкой степи, хуторка.

Уже много времени ребёнок не ел, не пил и даже не плакал. Не понять было, чем душа теплилась. Оставалась последняя надежда — на крещение. Может крещёную малютку Бог спасёт. Или примет.

Увидев крест над куполом Церкви, женщина обрадовалась и прибавила шагу. Но оказалось, что обрадовалась рано, — батюшка сказал, что без крёстного отца крестить ребёнка нельзя. Мужчин не было. От усталости и разочарования отяжелели руки, да и всё тело стало неимоверно тяжёлым, будто земное притяжение вспомнило, наконец, о своих обязанностях и начало притягивать со всей своей дури. Женщина опустилась на небольшой едва подсохший пригорок у церковной ограды, чтобы дать отдых утомлённым ногам.

Горько-солёные слёзы скатывались в уголочки рта, будто напоминали о том, что жизнь — вовсе не мёд. Сколько времени она так просидела, сколько облаков проплыло над головой её, но Бог послал мужчину. Это был военный, после госпиталя догонявший свою часть. Он был православный, армянин и с пониманием отнёсся к просьбе. После обряда крещения крёстные вместе понесли ребёнка домой. Странно, но обратная дорога показалась значительно короче. Как оказалась, эта молодая женщина — не мать крещёной девочки, а тётка. Мать же ждала их дома, переходя от окна к окну и тревожно всматриваясь в дорогу. Она была учительницей и за участие в обряде крещения могла поплатиться работой. Женщины быстренько выставили на стол всё, что было в доме, чтобы накормить солдата. Они сидели за столом, когда, вдруг, услышали невнятный лепет в другой комнате. Втроём бросились к детской кроватке: щёчки девочки порозовели, она тянула руки, улыбалась и что-то пыталась сказать. Впервые за долгое время поела, и с этого дня пошла на поправку.

А её крёстный отец пошёл очищать землю от коричневой нечисти. Он не подал весточки о себе, хотя обещал. Интересно — вернулся ли живым с войны и жив ли сейчас? Ведь столько времени и воды утекло.

Так и не довелось мне познакомиться со своим крёстным отцом.

Не раз испытывала моя семья силу Божьего Храма. Мой организм с двух месяцев находившийся в условиях войны и ослабленный ею, нередко давал сбой, так что даже не очень серьёзные детские болезни становились подчас почти неразрешимой проблемой. По-моему, все дети, пережившие ужасы войны, имеют право на статус Участника Великой Отечественной.
Однажды в канун Пасхи обыкновенный паротит, что в народе называют свинкой, свалил меня с ног. Соседки, зная, что болею, приходили проведать и на гостинец приносили крашеные яйца. Я не очень разбиралась в церковных праздниках. Но Пасха – это был праздник моих глаз и души, он припадал на день моего рождения или близко к нему. Хотя родилась перед Пасхой, в Чистый четверг. Я любила этот праздник праздников, любила крашенки. Может быть, с тех самых пор — так люблю разноцветье. Яркие, разноцветные яйца лежали у моей кровати, чтобы создавать и поддерживать праздничное настроение. Но «свинка» жёсткими копытцами так придавила, что я стала задыхаться. Начался бред, — казалось, что на меня положили столько крашеных яиц — гору, что уже нечем дышать. Я металась по кровати и просила убрать их, пока не потеряла сознание.

Было светлое солнечное пасхальное утро. Мимо нашего дома верующие возвращались из Церкви. Испугавшись, что я умру, мой не верующий в Бога отец выбежал на дорогу и попросил у прохожих свячёного. С трудом затолкнули мне в рот кусочек пасхального кулича. Я проглотила и… пришла в себя, задышала. Так с Божьей помощью я осталась жить. Конечно, моему излечению нашли научное обоснование — кулич прорвал нарыв. И я выросла атеисткой, как и мои родители.

А жизнь продолжалась. Вышла замуж, нарожала детей. И когда вновь оказалась на грани между жизнью и смертью, мои уже взрослые дочери, не сговариваясь, каждая сама по себе, приобрели, освятили в Божьем храме по крестику и привезли мне в больницу. С тех пор эти кресты всегда со мной.

Позже, уже будучи взрослыми, дочери осознанно приняли крещение. А я, прожив не одно десятилетие с мужем в законном браке, вдруг задумалась, что мы не венчаны и поэтому — дети наши рождены во грехе. В моей душе затеплилось желание, чтобы Бог освятил наш брак и снял греховность рождения наших девочек. Я верю, что так оно и будет, потому что спасение Храмом — в традиции моей семьи.
А началось-то всё с крещения…

ПО МНЕ ПРОШЛАСЬ ВОЙНА

По мне прошлась война. И не одна.
Разрывами поля вокруг вспушила
И кровью обагрила степь она,
Живое жгла, неправый суд вершила.

Не я — война на смерть обречена,
Хотя судьбу мне «Вальтером» прошила.
Она не вечна. Мирная весна
Жизнь осветила и траву взъершила.

Ветра, свистя, запели в тишине,
Глаза воронок пыль запорошила.
Но… снова степь Донецкая в огне —
Воткнул разбойник между рёбер шило.

Запрет на волю, речь… гудит гроза —
Враг нагло замахнулся на святое.
Воронки вскрылись, снова их глаза
Рыдают сквозь ресницы травостоя.

Глядят, из-под нахмуренных бровей
Небес — поля, томимы мести жаждой.
Раз не сломалась— стала я сильней.
По мне прошлась война. И не однажды.

ЛУЧШИХ НЕ ДОСЧИТАЕМСЯ

Зло неприятия других не вечное.
В майданной копоти земля шатается.
Война гражданская — бесчеловечная.
Так горько — лучших не досчитаемся.

Никчёмность чванится, а души узкие.
Их урезонить, понять пытаемся,
Мы терпеливые, мы — люди русские.
Но горько — лучших не досчитаемся.

Мы земляки, мы друзья-соратники,
Клянёмся кровью и ей братаемся.

Пусть «колорады» зовут нас, «ватники»,
Но горько — лучших не досчитаемся.

Глазам не мил камуфляж оливковый.
Снарядов бешеных степь наглотается
И превратится в пустырь суглинковый.
Так горько — лучших не досчитаемся.

Враги подавятся своекорыстием.
С фашистской сворою мы расквитаемся,
И нашу степь разноцветьем выстелем,
Но горько — лучших не досчитаемся.

Мы будем жить и любить неистово,
Что допустили такое, каяться.
Отгромыхают, утихнут выстрелы,
Но горько… Лучших не досчитаемся.

НЕПОБЕДИМЫ РУССКИЕ

Нередко Россию, как смачный кусок,
Вояки французские, прусские
Пытались оттяпать. Напрасный бросок —
Ведь непобедимы русские.

Тревожно звонил колокольный набат
Над Русью пред бедами, войнами.
А русский раздумывал: «В чём сила, брат?
— Она в справедливости вольного».

Пусть тысяча против, а русский один,
Набычится перед угрозою,
И станет преградою — непобедим,
Не сдаст даже почки берёзовой.

Он в вере рождён, чтобы Бога любить,
Россию, всех благожелателей,
Но точно и вежливо, не нагрубив,
Зачистить войны поджигателей.

Над грустными песнями плакать навзрыд,
Чтить верованье христианское.
Бесхитростен русский, для мира открыт,
Коль надо, рискнёт без шампанского.

Склероз у Европы. И не первый раз,
Забыла уроки истории,
Торопится в рай, но получит свой ад
И новые крематории.

А с нею и Штаты. Зачем воевать? —
Ну, что вы всё время делите? —
И будет спокойною каждая мать,
В России, в Европе, в Америке.

Спит русский, покуда непрошеный гость
Не явится с ложем прокрустовым,
С претензией за свою белую кость —
Костями России похрустывать.

Поднимется русский, возьмёт пулемёт,
«Гостей» чтобы залихорадило,
Из мести фашистам он место займёт,
Без времени павшего прадеда,

И, вспомнив о Боге, утюжить врага
Начнёт, жечь пропалы не узкие,
Напомнит врагам, — здесь, мол, наша тайга,
И непобедимы мы, русские.

Не смеют на Русь даже исподтишка
Чужие, не будучи психами.
Жалеет ЕС, нет у них Ермака,
Дойти до Великого Тихого…

ZA ПОБЕДУ!

Всем казалось, что жили дружно мы,
Позитивно,
Но сегодня бряцает оружием
Украина

На Донбасс, где герои гордые,
Нрав казачий.
Как взбесились бандеровцев орды
В дикой скачке.

Проявилась душонка их узкая,
Как под кальку.
Родилась, слава Богу, русскою,
Я москалька.

Вы свой пыл, притязания ложные
Поубавьте.
Русский мир — он всех клятв надёжнее,
СИЛА V ПРАВДЕ.

Вас с амбициями фальшивыми
Нам не надо.
Мы для вас, недобитки вшивые,
Станем адом,

Сталинградом! Дедов достойные
Чтим заветы.
Вас добьём, чтобы жить не меж войнами.
ZA ПОБЕДУ!

Наши земли: донецкие, курские —
Защищаем.
МЫ СВОИХ, так устроены русские,
НЕ БРОСАЕМ.

Александр ЦЫБА
г.Енакиево, ДНР

«Первая публикация состоялась в далеком 1996-м году в енакиевской молодежной газете. До 2014 года писал и печатался нерегулярно, мало и бессистемно. Толчком к творчеству и переосмыслению своей роли как литератора послужили события 2014 года – пресловутый «Майдан» и т.н. «Революція гідності».

С 2014 года и до сего дня регулярно печатаюсь в журналах сборниках и альманахах РФ, ДНР и ЛНР (более 30-ти публикаций).

Победитель и лауреат нескольких Республиканских и Международных конкурсов».

НИЧЕЙНАЯ ЗЕМЛЯ
(из жизни 2000-х)

Тяжелые напольные часы под старину, надменно-неторопливо пробили одиннадцать. Гендиректор строительной фирмы с интригующим названием «Консоль +» — скуластый, как якут и рыхлый, словно застывшее желе — потянулся пухлой, похожей на шевелящегося краба, ладонью к кнопке на столе, искусно сделанной в виде женской головки, и, чуть склонившись, произнес:

— Юлечка, два моккачино. Мне без сахара.

— Хорошо, Владимир Антонович, — вкрадчиво, как из омута, отозвалась Юлечка из приемной.

«Да, успел Вовчик стать Владимиром Антоновичем, удалась жизнь», — подумал Сергей, косясь на его модный галстук с золотой булавкой, лежащий ленивой змеей на белоснежной рубашке, прятавшей безразмерный живот.

Владимир Антонович затянулся дорогой сигаретой, выпустил облачко дыма в экран компа, всхрапнул от удовольствия и, откинувшись в мягком кожаном кресле, продолжал:

— Дело верное, Сергей. Земля хорошая. Ей сейчас цена — копейки, а через пару лет дорогу проложат, и нынешний пустырь будет ого-го! Лес, река, воздух… — Владимир Антонович на секунду закатил глаза, представляя себя в райских кущах. — Я элитный поселок там буду городить со всей дребеденью: магазинами, фитнес-центрами, детскими садами. Заказов — полный портфель. — Он хлопнул себя по ляжке, точно приказывал — «к ноге!», и в этот момент вошла ослепительная Юлечка, с маленьким сверкающим подносом в красивых ухоженных руках. Сергей на миг даже забыл, зачем он здесь — так его впечатлили выскальзывающие из декольте полушария «интеллекта» и стройные ноги от ушей. Юлечка поставила на стол поднос с чашками, улыбнулась одними глазами и, словно наваждение, покачивая бедрами, исчезла за тяжелой дубовой дверью.

Владимир Антонович сказал «буду строить» вместо «хочу», точно дело было уже решенное, и Сергей вдруг поймал себя на мысли, что никак не может понять, что его раздражает в этом самодовольном денежном мешке: дорогой костюм, наглая самоуверенность хозяина жизни, нарочитость и отсутствие пафоса, или сошедшая с обложки «Пентхауса» секретарша. «Ноги секретарши — лицо начальника», — вспомнил он народную мудрость, потирая лоб, прогоняя школьные воспоминания, где Вовчик всегда был сопливым двоечником с потрепанным портфелем и грязными ушами.

— Ничейная земля, — продолжал гендиректор, — а я откат даю хороший, не прогадаешь.

— Это муниципальная земля, — глухо сказал Сергей, краснея, будто его уже поймали за коррупционную руку.

Владимир Антонович стряхнул пепел в серебряную пепельницу, сверкнул золотой фиксой в зубатом, как у акулы рту:

— Не дури. Городу эта земля, что зайцу — пятая нога. Все бурьяном поросло. Только бомжей плодить. Я сделку предлагаю, а ты кочевряжишься. Ты же у нас власть! — с нажимом сказал он, хохотнув жирным смешком и шумно отхлебнув кофе.

— Мне пора. — Сергей встал, игнорируя остывающий ароматный моккачино, быстро пошел к двери, пряча глаза и стыдясь своей мягкотелости. Казалось, прикоснись он к чашке, и тут же станет соучастником земельной аферы. Хотелось быстрее выбраться из этого роскошного, забранного в пластик и дерево склепа.

— Съезди, посмотри, что там. Послезавтра жду тебя здесь. С документами, — отрывисто бросил Владимир Антонович вдогонку тоном, не допускающим возражений, и Сергей наконец понял, что его так нервировало. Вовчик держал себя с ним, как учитель с нашкодившим школьником, вымещая застарелые комплексы. И весь антураж — кабинет, секретарша, часы — был призван заретушировать его несостоятельность, как человека, скрыть непорядочность и гниль.

Владимир Антонович оказался прав: земля за городом походила на разоренное варварами поле. Всюду валялся мусор: старые автомобильные покрышки, пустые бутылки, грязные пакеты, тряпки, сухие изломанные ветки на черных проплешинах выгоревшей от костров травы. Место пикников и купания в близкой речушке давно превратилось в трущобы, влекущие темных асоциальных личностей, живущих здесь все лето в будках, шалашах и ямах.

Сергей вышел из машины, заметил идущего к нему столетнего, заскорузлого, сморщенного, как пересушенный гриб-сморчок, кривоногого деда в грязном пиджаке с рядами планок на груди.

— Здравствуйте, — прошамкал старик беззубым ртом, мелко тряся косматой, давно немытой головой. — Я вас помню, вы из мэрии.

— Чего тебе? — неприветливо спросил Сергей, пытаясь вспомнить, где он видел этот хрящеватый нос и шрам в половину лба.

— Скажите, а помощь ветеранам ко Дню Победы дают?

— А ты что, ветеран? — Сергей недоверчиво посмотрел на стариковские планки.

— Ветеран, — упавшим голосом подтвердил старик.

— При наличии документов. Паспорт, прописка, удостоверение есть?

Дед молча провел темными худыми ладонями по замызганным штанам.

— А родственники?

— Жиночка с сыном давно померли, родных боле нет. Только друзья здесь…

«Такие же бомжи, как и ты», — подумал Сергей, но вслух спросил:

— А что друзья не помогут?

— Так все ж давно в земле лежат. В 42-м бои здесь были крепкие. Немец — на том берегу, мы — на этом. Стояли друг против друга почти две недели. Потом получили приказ — занять плацдарм. Заняли, держали его, а фрицы резервы подтянули, артиллерию. Штабные о нас будто забыли — ни снабжения, ни подкреплений. Только приказ, держаться. Нельзя нам было отступать, пока фронт перегруппировывался. До рукопашных доходило. Помню, середина лета, немец как раз на Сталинград пошел и командованию не до нас стало. Солдатиков тут наших полегло… Вся земля — одна братская могила. Тут и товарищи мои боевые...

Старик умолк, погрузившись в воспоминания.

— А сам как? — Сергей почувствовал неловкость за первоначальную грубость.

— Выбили нас немцы. Меня контузило, и если б не старшина, загиб бы я со всеми.

Вдруг Сергея будто хватили оглоблей — он вспомнил, где видел это лицо со шрамом.

— Фамилию старшины помнишь? — спросил он с дрожью в голосе.

— Конечно. Он ведь мне жизнь спас. Старшина Володин Алексей Данилыч.

Сергей впился взглядом в грязно-серое, как пергамент лицо. Сомнений не осталось. Он видел этого старика молодым, подтянутым красавцем, стоящим рядом с таким же молодцом — его дедом — Алексеем Даниловичем Володиным, на старой фотографии в отцовском альбоме. И сейчас же ему вспомнились рассказы отца о деде, воевавшем в здешних местах и пропавшем без вести в 1942-м.

Сергей тронул старика за грязный рукав.

— Что со старшиной?

— Не знаю. Я до конца года в госпитале пролежал, потом в артиллерийское училище направили. После войны искал его, да все попусту. Загиб, наверное, мой старшина, тогда от нашего батальона мало осталось…

Минуту они стояли молча, непохожие друг на друга ни по возрасту, ни по виду, ни по статусу. Но их уже связала нить прошлого, объединила память и горечь.

— Садись, отец, поедем в город, гуманитарку получим и деньги, — Сергей открыл дверь «шевролета», и по тому, что он назвал его отцом, старик понял, что его рассказ коснулся каких-то глубоких личных струн чужой души.

Ехали по заброшенной дороге, каждый думая о своем. За окном мелькал кудрявый лесок, нарядившийся в трепетно-нежные, изумрудные одеяния свежей листвы и пестрое убранство цветущих полян.

В 1990-е здесь работали поисковые группы, военно-исторические союзы проводили раскопки, пока «большие люди» не перекупили землю. С тех пор она осквернённая и поруганная, ходила из рук в руки, готовясь в разное время к бесчисленным прожектам: строительству овощебазы, дома отдыха, реабилитационного центра для алкоголиков и наркоманов, спорткомплекса, даже казино и военного полигона, пока не перешла в собственность города и не пришла в окончательный упадок. Теперь очередной стервятник вновь примеряется превратить ее в доходный бизнес.

«А здесь мой дед воевал, — думал Сергей. — Быть может он лежит в этой земле с тысячами безымянных героев, ждет, когда на его костях построят кинотеатр и будут смотреть фальшивые фильмы о войне». Сергей тряхнул головой. Не будет этого! Поисковые работы нужно возобновить. Облагородить это место, превратить в мемориал. Конечно, денежный мешок просто так не отступит, не сдастся, будет давить, требовать, подкупать, шантажировать. Перед глазами всплыла фотография деда, стоящего рядом с боевым товарищем и улыбающегося в широкие усы. Вспомнились слова старика: «Нельзя нам было отступать». А он? Отступит? Сдастся? Позарится на мзду? Пойдет на сделку с совестью?

24.IV.2018. — 11.V.2018.

Александр ДАЦЕНКО
г.Воронеж, РФ

*«Геолог 1965 года рождения.
Школа, армия, университет,
девяностые годы, работа».*

НАШ ДВОР

Если на лёгких ногах промчаться по крупной и разноцветной гальке, зачем-то утопленной в сером бетоне ступеней, и, выскочив из подъезда, не останавливаться, бежать дальше вдоль нашего двухэтажного дома за дощатые сараи, то можно увидеть бухту, фрегат у старого скрипучего причала, а за бухтой — открытое море тёмно-синее, почти чёрное к вечеру.

Паруса фрегата убраны, но точно известно, — они лазоревые.

А какие же ещё? Чего зря быть такому красивому, певучему слову «лазоревые»? Наверное, и цвет хороший, вот бы посмотреть.

Борта корабля набраны из свежеобтёсанных досок.

Воздух пахнет йодом, водорослями и сосновой смолою.

А еще вокруг шум волн, скрип мачты и крики чаек. Иногда урчание синего «запорожца» дяди Юры Кругликова.

Дядя Юра строгий, но он зубной врач, поэтому умеет разговаривать и с детьми, и с самыми глупыми взрослыми. Справа за лобовым стеклом у автомобиля небольшая ретушированная фотография — портрет Сталина.

«Запорожец» не вовремя выехал из гаража и стоит на причале. Стоит, тарахтит мотором, но вид не портит, и пираты, словно на подбор, в потёртых кепках-восьмиклинках, легко его обходят. Пираты всерьёз заняты — таскают в закрома картошку нового урожая. Картошка насыпана в огромные, даже с виду неподъемные джутовые мешки — чувалы.

Пиратам приходится иногда остановиться, чтобы передохнуть. Тогда они курят папиросы с заломанными гильзами и украдкой пьют портвейн номер 33 из бутылки-огнетушителя. Выпивают за раз по половине гранёного стакана, вытирают рукавами усы, вкусно ухают. Вина огромное количество — целых три бутылки стоят в тени сарая, прикрытые телогрейкой.

За причалом — линия береговой обороны, грамотно эшелонированная и мощная, куда там линии Мажино.

С заглубленными казематами, ДОТами, траншеями, блиндажами. Невероятно укрепленная, нерушимая и последняя. Впрочем, почему только береговой? Позиции окружают весь наш дом. Дом старый, двухэтажный. У него есть собственное имя. «Шанхай» — называют его взрослые.

Сейчас никто не атакует наши окопы, но мы готовы. Мы бы и жили мирно, но опять грохочет в небесах канонада далеких сражений. Пока не у нас, а в соседнем дворе...

Там линия обороны слабая, никчемная линия обороны, потому что в соседнем дворе никто не сгружал автокраном «Ивановец» бетонные конструкции. А у нас сгружали.

— а для чего это все сюда привезли?
— для чего-то...

А мы знаем для чего.

В потерне ДОТа сидит Серега Самоделкин и выжигает увеличительным стеклом на спинке скамейки слово «дура». Буква «а» не получается, и он аж высунул язык от усердия — старается завернуть виляющий хвостик у этой нелепой буквы, но сам плохо понимает, куда именно надо завернуть, и потому нервничает, а хвостик буквы всё дальше и дальше убегает в сторону ангаров.

Чуть дальше за огородами, сразу за кустами вкуснючего шиповника, — пустырь и вечная стройка. Старостройка.

Под ней, в подземных многоярусных тоннелях, располагаются космические силы нашего двора. Крейсера — люлька от мотоцикла «Урал», боты — две старые покрышки от «Кировца», и огромный ударный линкор — настоящий остов автомобиля «Победа», со стёклами и мотором.

В нашем дворе есть всё, что вообще существует в мире. Точнее всё, о чем мы уже успели узнать.

И мотоцикл, и милиционер Паша со второго этажа, и бордюры, даже цыгане. Судья, военком, пенсионеры. А ещё три добрые бродячие собаки, без счёту стремительных кошек, заросли гигантского ревеня под окнами и старая новогодняя ёлка, которая несколько лет торчит из ревеня, словно скелет календаря.

Посреди двора стоим мы.

Нас восемь. Вообще-то девять, но Серёгу родители «загнали». Так мы говорим — «загнали», это означает выдернули в свой мир. Опасный и чужой, не наш, взрослый, неизбежный.

Но мы не боимся.

Мы столько знаем, столько пережили: и войны и самое главное — мир. Отыскали Эльдорадо, спасли Скотта, видели Атлантиду в темной толще океанской воды. Красные пески Марса хранят отпечатки наших кед, а в реках Венеры потеряно немало крючков на коварных подводных корягах. Чернобокие, хищные имперские дромоны несли нас душной тропической ночью в десант на Александрию. Отсвечивали в сером свете Луны бликами смертей наконечники контарионов.

Мы — соль земли, надежда и опора, не солжём, не предадим, не отступим.

Поэтому и не боимся взрослого мира.

Просто жаль, что Серёга не сможет сегодня охотиться на китов.

Но гарпун он нам оставил. Хороший гарпун, ни у кого такого нет.

Из легкого и прочного алюминиевого уголка.

Тусклое серебро, серебро...

Чего нам бояться?

Ну чего?

Слаба эта их взрослая жизнь, слаба. Да ты послушай, слышишь — слышно же...

— Серёгаааааааа, выходиииииии...

А на старых фотографиях, на которых все ещё живы — ничего не меняется. Бездомные в обнимку с олигархами, новая тельняшка у Петьки, одна большая страна, и всё впереди.

Мертвые подают отвёртки живым, спившиеся разливают лимонад на дне рождения калеки, а пропавший без вести дурашливо пристраивает рожки из растопыренных пальцев к голове серьёзного, как учитель географии, но волосатого, как хиппи политолога, — идиота.

Подумать только, она уже полковник...

ПРО ВАСЮ

Я ехал из Тынды после одного из самых тяжёлых сезонов своей жизни. Усталость, казалось, затаилась в каждой клетке тела. Желание просто ехать в поезде и ничего не делать ощущалось почти как главное на ближайшие годы. Читать, спать, есть — триединство мечтаний, венец устремлений и даже что-то по Фрейду. За окном летел в зиму 2010 год.

Мне необычайно повезло с билетом. Билет продала безукоризненно красивая и

добрая девушка в кассах предварительной продажи. Повезло и в том, что уезжал практически сразу, только-только выбравшись из тайги, ещё и в двухместном купе, есть такие, не люкс, а сразу за проводниками, места 37-38. Мое место нижнее, 37.
Странная особенность вагонных полок — когда уезжаешь из дома, они жёсткие, давят на ребра, когда едешь домой, они необычайно удобные и мягкие. Полгода. Да, почти полгода, и представления о комфорте, данные нам в ощущениях, сильно меняются.

Вася вбежал в купе перед самым отправлением поезда со станции Таксимо и забился на верхнюю полку, тревожно дыша. Он лежал, отвернувшись к стене, и озирался. Уже одним этим Вася был интересен: мало кто умеет озираться, отвернувшись к стене.

Сумку, огромную, уже давно не спортивную сумку, он, не сомневаясь, кинул на пол посреди купе.

На Васе, на сумке и даже на страхе, что болтался в воздухе, было написано: «Вася работал старателем в Бодайбо».

Поезд тронулся.

Через час Вася спустился со своей полки и всё так же озираясь представился:

— Вася…

— Да я вижу, — отвечаю. — За сто вёрст видать, что ты Вася…

Он непонимающе покрутил головой, глазами, ушами, словно бы разминался.

Сунул руку в свою сумку и вынул, нет, извлёк знакомый мне по бодайбинским анабазисам литровый пузырь самокатной водки. Бутылка из желтоватого с синюшным отливом стекла, мелкие пузырьки и ощущение горькой тоски пополам с подвигом от одних только воспоминаний о вкусе продукта внутри нее. Авторская вещь. Называлась она как вся водка, что лили старательные бичи в Кропоткине, каким-то названием с непременным словом «Царская». То ли доза, то ли стопка, то ли просто и незамысловато — «Царская водка». Да, именно так!

Водка имела этикетку, количеству завитушек и масонских символов на которой мог позавидовать почти всякий новодельный князь или граф российского дворянского собрания.

— Вася, — сказал я Васе, — я геолог, я не пью. И ты тут не пьешь. Ты тут и ночуешь-то только после тестов на степень опьянения и собеседования на предмет верности гуманитарным принципам организации «геологи без пределов».

Надо сказать, что тот год я и вправду не пил. Причиной тому послужило моё деятельное раскаяние за предпринятую попытку христианского миссионерства в мусульманском квартале старого Иерусалима и прочие, не менее увлекательные приключения, в которые меня вовлёк неумолимый рок, когда я в абсолютно пьяном виде знакомился с обычаями Святой Земли. Впрочем, это неинтересно.

Важен факт — я не пил. А Вася пил.

И еще Вася нёс в себе угрозу порядку вещей, поскольку был классическим старателем. Это означало, что необходимо обезопасить свое временное место жительства, купе, от всего набора мероприятий, что пытаются провести вокруг себя пьяные, напуганные, но неукротимые в своей залихватской глупости старатели после окончания сезона. Обезопасить на пять суток дороги.

Все их уловки, предложения, песнопения, слова скорби, способы веселья, причины слёз и устремления я знал наперечёт. С первого взгляда умел определить статус грядущего бедствия уже по изменению цвета роговицы глаза или по ритмике дыхания будущего потерпевшего. Более того, суровая жизненная необходимость научила меня эффективно предотвращать эти прорывы из ада.

Вася попытался ещё пару раз завязать душевный разговор, спел первый куплет оды о трудностях и лишениях, даже испустил скупую слезинку из левого серого с побежалостью глаза.

Увы ему. Я просто показал понятным жестом, что буду бить. Вася, охваченный неистовством чистой своей души, вышел в коридор, прихватив свою роскошную бутылку водки ручной работы. Во взгляде его читалась уверенность, что всё сложилось хорошо.

За пять суток пути он встречался мне в самых разных местах, в компании самых разных людей и в самых разных ситуациях. Вася бегал, тряся пачкою денег, по случайно выбранным им вагонам, высевал в купе бывалого вида проводницы шлиховое золото из пробного пакетика, пел тоскливые застольные песни в тамбуре, плясал вприсядку, алкал справедливости и сиял фонарями, декламировал стишок с табуретки в вагоне-ресторане, имел бурный роман с буфетчицей прямо в резиновом переходе меж вагонами, прятался от бандитов в туалете и скандалил с цыганкой на почве рекламации за качество гадания. Много чего случилось с Васей, даже на случайный взгляд со стороны. Но в глазах его неизменно плескалась вера в то, что всё сложилось хорошо.

Было так, как и бывает со старателями, которые по сути своей — дети. Именно дети, все черты, присущие характерам людей, у них усилены до гротеска. И доброта, и хитрость, и жадность, и тупость... всё.

Всё нормально, не жизнь такая, люди такие…

На четвертые сутки его запойного благотворительного марафона я поймал Васю на перроне в Тюмени, отвел в купе и забросил на законную верхнюю полку.

Вася заснул.

Проснулся он часов за двенадцать до прибытия в Москву. Заметно страдал под гнетом мощнейших внутренних духовных переживаний.

Никому не нужный, как новость о взятии Рязани монгольским полководцем Батыем, прошёл по вагону.

Вернулся, причесал пятерней брови и спросил, не знаю ли я, где его деньги.

Перед тем, как потерять сознание, успел ещё крикнуть, что не это имел в виду.

Васю я полил Карачинской минеральной водою и, усадив на откидной стульчик, попросил уточнить, что же именно он имел в виду.

И Вася сказал, что просто не знает, куда подевал четыреста тысяч с копейками…

— Помню только, что проводнице я подарил девяносто тысяч

— Зачем ты подарил проводнице девяносто тысяч?

— Мне её жалко стало, она сказала, что на квартиру копит и на свадьбу...

— Хм. Значит не дала….

— Нет, — робко и грустно вымолвил Вася. — Не дала.

Это всё, что Вася помнил отчетливо.

В общем, остался он без денег, окромя пятисот рублей. Хорошо, что билет на дорогу дальше у него имелся. Проживал Вася на Украине. То ли в Фастове, то ли в Белой Церкви, и ехать ему надо было с Курского вокзала.

Он попросил меня помочь доехать до Курского, потому что «на такси уже почему-то не хватает».

— Хорошо, — согласился я. — Как приедем, так просто иди со мною, я выведу тебя на Новорязанскую улицу и посажу к бомбиле, он отвезёт, ещё и на пиво останется.

Вася ходил за мною как привязанный. Целых двадцать минут ходил. Потом его похмелили, уж не знаю, как успели и кто.

Уже перед выходом на перрон Казанского вокзала он схватил свою отощавшую сумку и со словами «я договорился» выскочил с грацией глиссирующей баржи в коридор вагона.

Выйдя, я видел его в обществе двоих то ли носильщиков, то ли нуворишей, то ли просто людей с жизненными затруднениями. Эти двое обладали уверенными помятыми лицами столичных люмпенов.

Вася был похож на робкого туриста из глубинки. Но в глазах его читалось, что теперь-то вот всё уже опять хорошо.

Меня встречали, ждать пересадки нужно было ещё часов пять, и мы с парнями засели в каком-то кафе над кассовым залом. Нормально так общались, люди которым есть, о чем пообщаться, ну, знаете, как это бывает?

Стандартный набор — новости, шутки, обсуждение планов по захвату мира.

И тут в кафе появился Вася. Он влачил себя, и вид его был скорбен. Я не знаю, доводилось ли мне раньше видеть столь скорбного и просветлённого человека. Мне показалось даже, что мир вокруг притих, как во время полного солнечного затмения.

Вася подошёл, окинул взглядом страдающего за правду праведника нашу постыдную компанию. Обрушилась полная тишина. И вот в этой тишине он произнес, почему-то грассируя:

— Саша, милиционег'ы отняли у меня мои последние пятьсот г'ублей…

Конец простой: мы дали пятьсот рублей, Илья отвёз Васю на Курский вокзал и посадил в поезд. Поезд уехал.

Несколько лет я ничего не знал о судьбе Васи. Доехал ли, нет? И вот совсем недавно увидел его абсолютно случайным образом, в телевизоре. Вася теперь устроен, он теперь одна из составляющих новой власти на Украине. Он давал интервью, и в глазах его плескалась вера в то, что всё сложилось хорошо.

Я не удивлен, более того, это вполне вписывается во всё, что произошло на Украине, почти во всё… Я даже знаю, что будет дальше.

Я смотрю на пятьсот рублей, которые только что отложил для Васи, и напеваю Рио-Риту… Всё нормально.

Не жизнь такая, люди такие.

* * *

Разве это не счастье — умереть, не дождавшись войны?
Провалиться во тьму, что горит и зовет и все ждет каждый миг, каждый взгляд,
быть и видеть чудесные, яркие, вещие сны,
будто нету войны и не сторож тебе твой единственный брат...

Всё узнать, что хотел, в синей бездне увидеть ответы,
И пожить от души, и простить, и понять, и поверить отныне и впредь,
Там роса на снегу, и волнуются скалы от ветра...
Нам бы мир хоть на миг, чтоб суметь до войны умереть...

Разве это не счастье, умереть, не дождавшись войны?

РАЙ

Рай — это когда небеса без краю,
емшан и небо, и солнца свет,
и рыжие кони вдаль улетают
по просторам, которым меры нет.
Когда вдыхаешь чистоту Слова
и Силой силен и Верою пьян...
В прозрачном воздухе Мир соловый
наметом летит, сминая бурьян.
И все у тебя и все для тебя,
И каждый миг наступает срок,
И кровь кипит и льется кипя,
И Правда над Миром — клинком о клинок...

* * *

Из России выводят Бога,
официально, по договору,
Бог сидит на броне прищурясь,
что ж — домой, так домой,
шестикрылые серафимы
прогревают в бэхах моторы,
и на солнце триплекс бликует,
словно радуясь, что живой.

Скоро-скоро пойдет колонна,
все закончится скоро-скоро,
и не то чтобы нет патронов,
просто гниль — это просто гниль,
а какой-то усталый ангел,
на прощание по забору,
вывел суриком — «Ницше умер»,
и задумчиво сплюнул в пыль.
...
Он проверил сводки и смыслы,
расписал маршрут и дозоры,
вы не верьте в смерть и потери,
у Всевышнего каждый — живой...
Возвращается Бог в Россию,
в нарушение всех договоров..
В нарушение всех приказов,
Бог идет в Россию, домой...

Ах, как весело прет колонна,
как слоненок по помидорам...
Ну, нестрашная же страшилка,
намалеванный чортом чорт...
И тот самый забытый ангел,
снова суриком по забору
вывел: мы все равно вернулись,
а ваш Ницше все так же мёртв..

Курит Бог не спеша папиросу,
в рамках нравственного закона,
и в глаза горизонту смотрит,
из-за Северского Донца.
Сверху вновь улыбается небо,
магазины полны патронами,
а с брони улыбаются небу
претерпевшие до конца.

ПАВШИЕ ГОРОДА

Слышишь воют ночами павшие города.
Даже самым отчаянным не вернуться туда,
где тиши многолетней затихающий стон —
отзвук шага последнего под песками времен,
отблеск взгляда прощального
отраженьем в клинке
и тепло остывающих орудийных стволов,
бесполезная ярость в бесполезном броске,
очень краткая память, прах
несбывшихся снов.
Небо — тонкою нитью, память спит востоке,
кровь впитается в землю, станет
снова землей,
где упали на камни простаки и пророки,
изумрудные травы — над песком и золой…
Даже нужные знания мир лишают чудес.
Для кого-то — признание,
для кого-то — процесс.
Сомневаться не надо нам —
сказки выше законов,
где кончается радуга — зарыт
мешочек с патронами...
Это значит, что прошлое не прошло,
не пропало,
и те, кто списал нас начисто, поспешили слегка.
Смотри: в сапогах багряных,
у врат святого Романа,
стоит живой император
и кровь стекает с клинка...

ГДЕ-ТО ЕСТЬ ЕЩЕ СТРАНА

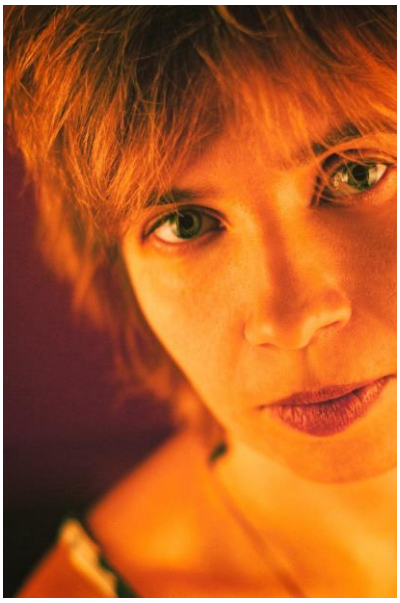
«Говорят, что СССР развалился и больше не существует. Но я не полностью в это верю. Может, эта страна еще существует? Люди там работают, 1-го Мая отмечают каждый год… » (Света Камынина. Из школьного сочинения)

Где-то есть еще страна, та,
где все мы были живы,
где зима белым-бела, а известность
некрасива,
там смеются облака, там живут живые люди,
не понявшие пока, что вот-вот —
и их не будет;

стынет завтрак на столе,
молока стакан и гречка,
и идем-бежим на речку босиком да по стерне.
Там ни лиц, ни слов не прячут,
биографии по нотам,
поезда везут на дачи и обратно на работу.

Надкусив буханку хлеба,
перед Родиной в долгу...
я стою, смотрю на небо —
насмотреться не могу...
…
Где-то есть еще страна...

Елена ЗАСЛАВСКАЯ
г.Луганск, ЛНР



Поэт, детский писатель, общественный деятель. Редактор газеты «Камертон» Академии культуры и искусств имени М. Матусовского.

Автор девяти поэтических сборников и поэмы «Новороссия гроз. Новороссия грёз», пяти книг для детей, а также публикаций в интернет-изданиях и периодике России и зарубежья.

Состоит в Союзе писателей России с 2019 года, в Союзе писателей Луганской Народной Республики с 2014 года и в других творческих союзах.

ЛЕТИ-ЛЕТИ

Лети-лети через границы,
И через линию огня,
В тот край, что мне ночами снится,
В котором больше нет меня.

Там дом родной. Там сад с погостом.
А на погосте старый крест.
Там счастье маленького роста,
Которому 16 лет.

Мне помнится. И ненароком
Оно в мои заходит сны
Из недоступного далека,
Из той 16-й весны.

Лети, мой ангел сизокрылый,
И передай привет скорей
Родным полям, родным могилам
И светлой юности моей.

ЗАПИСКИ ВЕТЕРАНА АПОКАЛИПСИСА

Все что мне нужно: нож,
кэш и нательный крестик,
Хотя достаточно и одного креста.
Это мой меч, оружие против бесов
В темные дни Апокалипсиса
1
Это не гром пушек,
Это мир сбрасывает старую кожу,
Падают как игрушечные
Деревья, дома, прохожие.

«Войнушка! Войнушка!» –
кричали дети,
То самое поколение «бумер».
Войнушка — всего лишь игра на планшете:
Движение пальцем и враг твой умер.

На самом деле так и бывает,
Палец на крючке спусковом,
И прежде чем тебя убивают,
Ты успеваешь подумать о том –

Успел ли ты сохраниться?
В облаке, в доме, в родимых лицах?
В рыжем мальчишке,
так на тебя похожем,
Может быть, в песне?
Может быть в книжке?
Может быть, может быть, может быть…

Потом прикрывая руками рану,
Ты падаешь в грязный февральский снег,
И кто-то живой своё дыхание
Тебе отдаёт при всех.
2
Ничего не оставляй на завтра!
Завтра война! Мировая. Гибридная.
Третья. Четвёртая…
Сухпаёк военторга съедая на завтрак,
Ты увидишь, как катятся к чёрту
Твои ипотеки, кредиты, пузатые хаты…
Карты биты.
Ты гол как сокол.
И не верится.

Ты лежишь среди дикого поля.
Под тобою Большой Суходол.
Над тобою Большая Медведица.
3
Когда распадалась империя,
Как же мы верили
В мир, дружбу и жвачку,
Биг-мак, кока-колу,
Потёртые джинсы,

Последней заначкой
За все эти прелести не дорожили.
Какими ж мы были наивными,
глупыми, жадными!
Но мир этот сгинет,
Охваченный новым пожаром!
4
Завтра эвакуация.
Завтра мобилизация.
Поезд отходит от станции
Город Дебальцево.
Ну же, останься,
Не бойся,
Так уже было:
И бронебойными били,
И мы уходили
Без боя,
Чтобы вернуться
К своим алтарям и могилам,
Чтобы остаться,
Чтобы остаться
Собою.
5
Мне снится Зорро
В своём сомбреро!
А раньше снился город
Пол миномётным обстрелом.
Взорванная Горловка
И её Мадонна.
И слёзы во сне подступали к горлу,
А на иконе
Плакала Богородица.
А может мне показалось.
И луч восходящего солнца
Сквозь тьму пробивался.
6
Окопная линия обороны.
Воды по колено, и глина, глина…
Земля пропитана потом и кровью.
Господи, из этого месива ты создал мужчину?

Видны обнажённые корни,
И пролесок синий-синий.
Засмотрелся на цветок воин
И вспомнил глаза любимой.
7
Причастье битвой.
Причастие ветром.
Причастье светом
В бою со смертью.
Лети молитва
Моя сквозь тризны.
Дай силу в битвах
Сынам Отчизны.
Причастье верой
Во имя Жизни.
8
Когда наши возьмут Киев,
Мы станем другими.
Мы станем совсем другими.
Какими?
Я не знаю, что мне тебе ответить,
Но я верю в жизнь после смерти.
И в мир после нашей победы!

НЕ БОЙСЯ

От ппш до калаша…
Гуляй же, русская душа!
Гуляй, и ничего не бойся!
Жизнь невозможно хороша,
Но вот ни стоит, ни шиша,
Коль только для себя живется.

НАВСТРЕЧУ СОЛНЦУ

Где-то в поле под Трёхизбенкой,
В злом, тревожном феврале,
Мой соколик сизокрыленький
На сырой лежит земле.
Так прикрой же пулеметчика,
Схорони от вражьих пуль
Твоего сыночка-срочника,
Силу дай, опорой будь,
Чтоб весенний цвет, что целится
В расползающийся мрак
Не топтал своими берцами
Хитрый и коварный враг.
Так душа моя как горлица
Бьётся, молит об одном:
Мать-земля, как Богородица,
Нерушимым стань щитом
Нам живым да против нежити.
Сын мой знает твой завет...
И весны твоей подснежники
Пробиваются на свет!

ВЕРНИСЬ ЖИВЫМ

Мальчишки уходили на войну
Художники, актеры, музыканты…
Они свои отставили таланты.
А как иначе? Родина в дыму!

Мальчишки уходили на войну.
Девчонки терпеливо провожали.
Не плакали, а молчаливо ждали.
А как иначе? Родина в дыму!

Вернись живым. Вернись живым. Я жду.
Я вынесу лишенья, боль и беды.
Мой ангел, донеси мою мольбу,
Пусть станет оберегом незаметным!
Вернись живым. Вернись живым. Я жду.
Я верю в нашу Правду и Победу!
И в русскую священную весну,
Наполненную негасимым светом!

Мальчишки уходили на войну.
Художники, актеры, музыканты…
Когда-то были, а теперь - солдаты.
А как иначе? Родина в дыму!
Мальчишки уходили на войну.
Узнали цену жизни и таланту,
Что наше боевое братство свято,
Что ничего не сделать одному!

Вернись живым. И мы еще споем.
И новые картины мы напишем.
Для будущих девчонок и мальчишек…
Мы нарисуем Родину и дом.
Вернись живым. Вернись живым. Я жду.
Я верю в нашу Правду и Победу!
И в русскую священную весну,
Наполненную негасимым светом!

ВЕСТОЧКА
Эти короткие весточки
Через друзей,
Как треугольные письма
военных дней:
Жив-здоров. Наступаем.
Все будет ок!
… и целая жизнь помещается между строк.

ВЕЧНАЯ БИТВА
Ни слов, ни слез,
Лишь скрежет стали…
Соль выступает на броне.
Мы в миг один сильнее стали,
Мы научились на войне
Так жизнь любить, как в мирной жизни
Мы не любили никогда!
И боль потери и стыда
Скрывать от всех на горькой тризне!
Так что же, дело молодых…
И мы идем и дух наш молод,
И вьется стяг, и льется стих
В пыли дорог. О как мне дорог
Твой образ, Родина моя!
Твои поля, березки, избы,
И безымянным сыновьям
Поставленные обелиски…
Что ж, может быть и мне такой
Когда-нибудь в степи воздвигнут.
И для меня все битвы стихнут,
Кроме одной,
За то, чтобы взошла заря,
Заря любви, заря отваги,
Что б от Луганки и до Ганга
Сияла родина моя!

ЛУГАНСК-ЛЬВОВ №134
Иногда по вечерам
По одному ему известному расписанию
Появляется поезд-призрак
Луганск-Львов, 134.
Он везёт домой
Души бравых хлопцив,
Что остались в наших ярах
И долинах,
В наших лесопосадках
И тихих заводях речек.

Мы встретились
На 78 километре.
Мыкола вышел покурить
На наш полустанок.
Знаешь, сказал он мне,
Даже мёртвым хочется домой,
Хотя раньше мне казалось,
Что мёртвым уже ничего не нужно.

В одной руке он держал цыгарку,
А другой — свою голову,
Оторванную при взрыве
В боях за город Счастье.

ДОНБАССКАЯ ПАСХА
А по посёлку Фрунзе лупят грады.
С донбасских сакур облетает цвет.
И баба Ната у разбитой хаты
Глядит на свет.
А лепестки, как ангельские перья,
Летят и кружатся под вражеским огнём
И дед Иван из своего бессмертья

Её прикрыл невидимым щитом.
А Благовест звучит сквозь канонаду
Христос воскресе… посреди войны…
Спасите, русские солдаты, бабу Нату!
Донбасской Пасхи
Верные сыны.

ПОСЛЕ БОЯ
А перед боем, перед боем,
Здесь было поле золотое,
Теперь здесь чёрная земля.
И не понять мне, что такое:
Она черна, черна от горя
Иль от огня?

Над чёрным полем чёрный ворон,
Не разбирает враг ли ворог.
Идёт война.
Я в эту землю вписан кровью.
На русском вписан и на мове,
Строка красна!

Но колоколенка глаголет,
Далёким звоном, нежным звоном
Средь бела дня.
И боль уходит, страх уходит.
Она на тризну ли на подвиг
Зовёт меня?

ЭТО НАША ЗЕМЛЯ!
Донбасс — моя Родина
В сердце моем навсегда.
Раздолье полей мне знакомо
И радость труда,
И песня, что льётся из сердца
Стремительно ввысь.
Эта земля —
Это наше наследство
И жизнь.

Сколько силы и света
Она нам даёт, посмотри!
Это наша победа:
Быть вместе и строить свой мир.
Это долг наш святой:
Защитить свой алтарь и очаг.
Наш донбасский характер таков:
Мы назад ни на шаг.

Да, нам есть чем гордиться:
Мы — Родины сильной сыны!
Будем вместе трудиться —
Затянутся раны войны.
Тех, кто в битвах полёг, кто погиб,
Тех запомним с тобою навек.
Нашей кровью полит
Каждый малый росток и побег.

Лихолетье войны, будто сон,
Но восходит заря.
Мы отсюда уже не уйдём.
Это наша земля!

ОСЬ ДНЯ
Ось дня —
сообщение в чате:
жив и цел.
А значит, можно
стоить планы на день,
стараться его прожить
не бесцельно.
С надеждой
на встречу.

НОЧЬ ПЕРЕД ОПОЗНАНИЕМ
Ночь перед опознанием
была длинной,
пугала и мучала
неизвестностью:
он или не он?

Ночь перед опознанием
была короткой,
дарила надежду:
а вдруг всё-таки не он?

Ночь перед опознанием
пахла пустырником.
Как в омут:
в пустоту беспамятства.

Прозвенел будильник.
Ночь перед опознанием
закончилась.
Наступило неизбежное.
Утро.

Андрей АНТОНОВ
Город-герой Ленинград

«Родился в Ленинграде. Профессиональная деятельность связана с юриспруденцией. Член Союза писателей России (с 2011 года), Союза писателей ЛНР (2015) и ДНР (2018), первый вице-президент, руководитель Славянского отделения Петровской Академии наук и искусств, зампредседателя Российско-Белорусского братства.

Автор книг прозы и стихов, многочисленных публикаций по общественно-политической, правовой и исторической тематикам».

СЛАВИМ РУСЬ!

Мне сказали: будь скромнее.
Я подумал — не хочу.
И о русских, русской славе
Говорю всё, не молчу.

Говорю, как мы богаты
Разумом и добротой,
Созидания талантом
Да широкою душой.

Наши пращуры собрали
Воедино сто земель.
Среди них — леса и рощи,
Где дубы, берёзы, ель.

Я горжусь делами дедов —
Землепашцев, кузнецов.
Их отвагой восхищаюсь
В сокрушении врагов.

Наши русские солдаты
Сохранили міру миръ[11].
Ордена, медали красят
Жжёный порохом мундир.

Много и открытий чудных
Сделал русский человек.
К звёздам первым наш Гагарин
Полетел в двадцатый век.

Песни русские прекрасны,
В грусть и радость их поём.
Силу, что от них исходит,
В сердце чувствую своём.

И о скромности советы
Слушать больше не хочу.
Я о русских, русской славе
Говорю и не молчу.

СОХРАНИ СЕБЯ

Жизни труден порою путь,
Но ты помни, друг, не забудь.
Может всякое быть с тобой,
Но останься самим собой.

Даже если и шансов нет,
Несчастливый достался билет,
Не робей и поспорь с судьбой,
Оставаясь самим собой.

Не склоняйся пред злом, не трусь.
Прочь гони это слово «боюсь».
И за Правду иди на бой,
Чтоб остаться самим собой.

Может статься, и ты влюблён.
Но не будь такою пленён,
У которой в кумирах дух злой.
Отойди, оставайся собой.

---

[11] Ранее существовало два написания слова «мир»: «миръ» — состояние отсутствия войны и «міръ» — человеческое общество, окружающая действительность (прим.автора).

Если хитрый коварный враг,
Обманув тебя, скинул в овраг,
Поднимись, не скули, не ной,
Верь в себя, будь самим собой.

Соберись и вперёд — на подъём,
Помня дьявола подлый приём.
Ласков, льстив будет он с тобой,
Не поддайся, останься собой.

А когда сгоряча тебя
Обвинят во грехах и зря,
От обиды хоть волком вой,
Но останься самим собой.

Не ворчи, не сердись в пути,
И до цели стремись дойти.
Грустно — песню хорошую спой,
Легче с ней быть самим собой.

ГОРЖУСЬ

Горжусь тем, что я — русский.
Наши предки входили в Париж.
Своим военным искусством
Подтвердив высокий престиж.

Горжусь тем, что я — русский!
Наши деды брали Берлин.
Тыщи вёрст пропахав по-пластунски
Под грохот снарядов и мин.

Горжусь тем, что я — русский
Наши братья подняли Донбасс,
Смерть и перегрузки
Переступая не раз.

Сионофашизм на планете
Не пугает сестёр и братов.
На этом на Белом свете
Будем вместе во веки веков.

МОТОРОЛА

Нет героев от рожденья,
они рождаются в боях.
А. Т. Твардовский

Он не убит. Он в душах наших
Живёт и улыбается, хохмит.
Среди людей его любивших, знавших
Он в памяти навечно… Не забыт.

Он лишь ушёл туда, в миры иные,
Где места нет интригам и вранью,
Где не стесняют рамки временные…
Там места нет и злому воронью.

И он ушёл туда в лучах Победы,
Сияньем озаряя Русский Путь,
Отважный, гордый, как отцы и деды…
Герой ушёл немного отдохнуть.

О РУССКИХ

Родиться русским - слишком мало:
Им надо быть, им надо стать!
Игорь Северянин

Русские, скажу, жить будут вечно!
Об ином не стоит говорить.
Русские, пускай не безупречно,
Могут на Земле добро творить.

В этом с нами вряд ли кто сравнится,
Опыт тысяч лет то подтвердит.
А без русов целый міръ – темница,
Где развязно правит паразит.

И когда над міром нависали
Узы рабства, пошлости, вранья,
Только русы белый свет спасали
От нашествий злого воронья.

Русские, скажу Вам, будут вечны!
Космос и Вселенная – наш дом.
Там пути-дороги бесконечны,
Мы по ним давно уже идём.

* * *

Нужен мне берег турецкий?
Отвечу, друзья, что нет.
С Отчизной я связан крепко
На сотни и тысячи лет.

Здесь сердце моё бьётся ровно,
Легко вздымается грудь,
Да на душе привольно...
Хочется сладко заснуть.

В чарующем сне стихия
В небо поднимет меня.
Твои просторы, Россия,
Увижу средь ясного дня.

Андрей ДОБЖАНСКИЙ
г.Луганск, ЛНР – г. Воронеж, РФ

Андрей Михайлович Авраменков (псевдоним – Добжанский) родился в 1990 году в Луганске. Окончил Восточноукраинский национальный университет им. В. Даля по специальности «Издательское дело и редактирование».

Работал журналистом в различных украинских и российских СМИ. Публиковался в луганских, воронежских и тамбовских газетах, литературных журналах «Индиго», «Подъём», «Литературный Тамбов», «Голос эпохи», «Дарьял», «Берега», «Территория слова».

Автор сборника рассказов «Город сломанных судеб» и повести «Ополченец». Призер конкурса «Кольцовский край» (2019), лауреат Исаевской премии (2022).

ЕВРОПЕЙСКИЙ ШЛЯХ

Настало самое тяжёлое для города время. Мины и снаряды щедро бахались на здания и улицы. Число погибших и раненых с каждым днем увеличивалось. Рейсовые автобусы не ходили, последний поезд уже давно отправился прочь из города.

Некоторые жители не собирались никуда, у других ещё теплилась надежда покинуть это опасное место, наполненное горьким дымом, запахом пепелищ и видами разодранных домов. Но как это сделать, когда город в осаде, окружён практически со всех сторон недругами, которые ещё недавно были братьями? Самому отправляться в такое путешествие… тут как повезёт. Но, скорее всего, не повезёт.

Были те, кто помогал в этом. Проводники, хорошо знавшие тайные тропы вокруг города, они могли безопасно вывезти. За отдельную плату, конечно. Одним из них был Виктор Кузьмичёв. Здоровый, светловолосый донбасский мужик. К нему снова обратились знакомые:

— Витя, помоги выехать из города!

И момент такой неудобный: жена уехала в село, помочь старым родителям, а пятнадцатилетнего сына не с кем оставить. И что делать, куда деваться?

Витя, загружая свою «Ниву» вещами знакомых, взглянул на своего пацана. Эх, хорош, парень: рукастый, технику любит и знает, общительный. Весь в отца. Как на молодого себя, глядел Виктор на своего Никиту. Нехорошо на душе было, тревожно. Не хотел он малого с собой брать. Но как его тут одного оставлять? Уж лучше вместе.

Подошел Славик, вкинул к нему в машину еще одну сумку. В его внедорожнике уже устроились жена Юля и десятилетняя дочь Оксана.

— Ну что, выезжаем? — спросил он.

Кузьмичёв осмотрелся. Над ним возвышались девятиэтажки, а сбоку раскинулся частный сектор. Вокруг никого не было. Принюхался. Тяжёлый летний воздух, да еще с нефтебазы доносился запах бензина. Прислушался. Вдалеке свист и гром. И почудилось Виктору, что они всё ближе и ближе.

— Да. Не мешкай и езжай за мной, — похлопал он Славика по плечу. Повернулся к Никите. — Ты не высовывайся.

Сын кивнул. Он старался не нервировать отца и не произносил ни слова. Знал, что сейчас необходимо безоговорочно подчиняться ему. А ведь до войны и ссоры были, и обиды с обеих сторон. Да и будут еще. Если они сумеют пережить всё это.

И две машины направились вон из города. По асфальтовой дороге гнали так быстро, как позволяла техника. Помех никаких, машин нет. Огненный воздух задувал в открытое окно. Недалеко послыша-

лись выстрелы из стрелкового оружия. Короткая перестрелка, и тишина. Кто, в кого, есть ли убитые? «Бог его знает», — подумал Виктор.

Мелькали разноцветные стены и окна частных домов. Остались ли в них люди? Наверняка. Сидят по подвалам. Нет, сейчас затишье, стреляют в другой стороне, поэтому, скорее всего, выбрались из укрытий, чтобы успеть сделать необходимые дела. Всегда наготове. Чуть раздастся свист, вой металлический – сразу в укрытие, если есть что подходящее, да, желательно, поглубже. Кирпич не спасёт, земля убережёт.

Проехали блокпост ополченцев. Этих Виктор знал, некоторых ещё до войны. Всё прошло нормально.

Дальше — опасней. Тут могут и ближние бои происходить. Витина машина свернула на грунтовку, Славик за ним. Мчались они по полям, перелескам и буеракам. Звуки сражений остались где-то сбоку позади.

«Ну, вроде, вырвались», — кивнул сам себе Кузьмичёв. Глянул на Никитку, он напряжённо смотрел по сторонам, вперёд на дорогу, оглядывался назад на машину Славика.

Раньше дорогу в сосновый бор перегораживал шлагбаум, но теперь он валялся рядом. Два автомобиля, не сбавляя скорости, преодолели этот рубеж. В скором времени они должны оказаться на украинской территории, в небольшом, умирающем селе. Подъезжать к нему надо не напрямую, по главной дороге, а в объезд, там, где не было блокпостов и позиций украинской армии. Для этого необходимо сделать размашистый крюк, переехать мелкую пересохшую почти речушку. Поворачивая на проселочной дороге, Кузьмичёв дал по тормозам. Витя опешил, увидев железнодорожный вагончик и несколько человек с оружием возле него. Посреди грунтовой дороги стоял двухколёсный прицеп, преграждающий путь. Флага не было, но Кузьмичёв сразу понял, что это военнослужащие Украины. Что же это такое? Ведь свободна была эта дорога. Или он что-то напутал? Да нет, вроде.

Машины затормозили. На них уже были направлены дула автоматов. Один из трёх солдат, видимо, старший, подошёл ближе и махнул рукой.

— Выходим, — окрикнул он.

— В машине сиди, — сказал отец Никите. — Я сам разберусь.

Кузьмичёв не спеша вышел и направился к военным. Знаков различия и принадлежности на них он не заметил. Из-за стресса потерялись мелкие детали. Только обратил внимание, что все – ещё пацаны, немногим старше его сына.

— Здорово, командир.

— Кто такие? Куда и откуда?

— Из Луганска в Харьков. Вывожу семью.

— Раздевайся, — держа на прицеле, скомандовал старший.

Виктор ловко скинул с себя футболку. Никаких татуировок, отметин, синяков. Молодой вояка удовлетворённо кивнул.

— С тобой кто едет?

— Знакомые с ребенком. Они силовики. Бегут от ополчения на Украину.

— Долго ждали, — беспристрастно прокомментировал солдат.

— Есть такое дело, командир. В багаже личные вещи. Показывать?

— Не, они мне и даром не нужны.

Витя оглянулся на сына. Тот спокойно сидел и смотрел по сторонам. Славик во второй машине нервно сверлил взглядом украинских солдат. Юля обнимала дочь.

— Смотри, дядя, дорога теперь платная, — прохрипел солдат. — По сто евро с машины. И валите.

— Сейчас, командир, погоди, — кивнул Кузьмичёв.

Он быстро подбежал к Славику и пересказал ему короткий разговор. Его попутчик что-то ответил, сторонник новой украинской власти не расслышал что. Но заметил, что Виктор возвращается без купюр в руках.

— У нас двести долларов, командир. Устраивает?

Это явно не понравилось человеку с автоматом. Его дружки начали напрягаться и подошли ближе к машинам, заинтересованно осматривая их.

— Дядя, ты меня не услышал? По сто евро с машины. Евро! Мне твои доллары на хрен не нужны. Украина теперь в Евросоюзе, понял? Мы теперь Европа, и ходить у нас будет евро.

— Как тебя по имени? — Кузьмичёв нервничал, но пытался держать себя в руках.

— На кой тебе моё имя? Ну, Глеб.

— Давай отойдём, перетрём в вагончике?

— А что нам с тобой перетирать?

Виктор немного приблизился к нему и тихо сказал:

— Ты же хочешь хорошо заработать? У меня есть к тебе предложение.

Глаза у молодого военного по имени Глеб загорелись. Он сказал своим, чтобы те были наготове, и провёл Виктора в вагончик. Металл был раскалённый, внутри было жарко и грязно, летали мухи, на полу валялись пустые бутылки из-под водки и коньяка.

— Командир, у нас нет евро, понимаешь? Только доллары. Чем они плохи?

— Дядя, они идеологически нам не подходят.

— Так Америка же поддерживает Украину, — парировал Кузьмичёв.

— Ну и что? Мы — Европа!

«Какой же ты тупой», — удивился Виктор, но вслух ничего не сказал.

Они были близко друг от друга. Воспользоваться автоматом солдатик не успеет. Может, просто вырубить его, отобрать оружие и застрелить их всех? Кузьмичёв поднял на него глаза. Молодой и глупый мальчишка, практически ровесник Никитки. Кто тебя ждёт дома? Отец, мать, сестра, любимая девушка и друзья? Но что ты тогда забыл здесь? Ты пришёл, если и не убивать, то, по крайней мере, зарабатывать на людском горе. Ты стервятник, падальщик, а падальщиков не жалко. Кузьмичёв незаметно сжал кулак, готовясь нанести удар. Но внезапно…

* * *

Ещё с детства Витя влюбился в горы. Практически каждый год ездил он к бабушке на Кавказ. Из-за учёбы в университете несколько лет он здесь не был. И вот по окончании снова приехал увидеть знакомые и любимые места. Бабушки уже не было в живых, но остались родственники — троюродный брат Махрам, его мать Асият и жена Саяра.

Долгая дорога измотала и первый день ушёл на отдых и разговоры. Селение находилось в горах, внизу простиралась широкая изумрудная долина, ловившая деревьями отблески быстрой реки. Витя выходил во двор и любовался этими видами: снежными вершинами и причудливыми горными хребтами, могучими деревьями и серо-зелёными склонами, иногда белой, а иногда и синей рекой, смывающей всё на своей пути. И, вроде, не поэт, не романтик, а глаз не оторвать. Кто создал эти места? Да, на Донбассе таких пейзажей не увидишь. Можно подумать, что оказался в сказке. Наверняка, в былые времена здесь правил халиф, строил дворцы, сражался с недругами.

За двором слышались крики детворы, да ещё и на непонятном языке. Витя не раз задумывался над причудами судьбы. Вот его родственники живут на Кавказе, типичные представители этого региона, а сам он типичный русский Иван из Луганска.

— Молодец, что приехал, Витенька, — с акцентом сказала тетя Асият и похлопала его по плечу.

В Чечне в самом разгаре была вторая кампания, было опасно. Родители не хотели его отпускать, но Витя чувствовал, что должен был побывать здесь до того, как окончательно простится с юностью. Впереди ждали только беспросветные рабочие будни, без каникул и отдыха. Когда он ещё посетит родину своей бабушки? Может быть, уже никогда. Да и до Чечни было неблизко.

Махрам сиял от радости. «Брат с Украины приехал», — радостно докладывал он встретившимся на его пути сельчанам.

«Хорошо, когда тебя ждут», — думал Виктор. Внутри было спокойно. Хорошо. Так хорошо, как бывает нечасто в жизни. Вот чтобы время застыло, а ты стоишь и тебе радостно.

— Ты жениться ещё не надумал? — подшучивал Махрам. — У моей Саяры сестёр много.

А жена у него действительно была очень красива. Витя даже засмущался.

На следующий день Махрам взял Виктора, и они поехали на «девятке» на рыбалку. Вниз в долину, к реке. Братья долго разговаривали, делились всеми новостями за прошедшие годы, причем, по возможности, именно в хронологическом порядке с момента последней встречи.

Волны били по большим камням, размеренный шум был приятен для уха, умиротворял, успокаивал. Клёв был хорошим, удочки не скучали. Переждав в тени полуденную жару, братья отправились домой. «Девятка» грохотала на крутой дороге, дёргалась, двигатель хрипел. Витя обернулся и посмотрел вниз, на уже проделанный путь. Как бы назад не покатиться, беспокоился он. Махрам только покачал головой. И непонятно как это интерпретировать, то ли как укор родственнику за неверие, то ли сам переживал. Когда дорога выровнялась и стала более-менее горизонтальной, Махрам прибавил газу и видавшая виды колымага помчалась по ухабам, дёргаясь влево-вправо, чтобы не попасть в яму или не врезаться в каменный осколок. Витя мог поклясться, что от автомобиля отлетело немало деталей.

Брат припарковался у недавно покрашенных зелёных ворот. За ними возвышался дом из красного кирпича с серым шифером на крыше. Они вышли, Витя нёс с собой улов, рыба бодро плескалась в ведре. Не заметили ничего необычного, всё было, как всегда. Но не успели братья зайти во двор — двое неизвестных направили на них пистолеты. Кузьмичёв от неожиданности отпустил ведро. Не сильно испугался, но люди с оружием не вселяли доверия. На них были маски с прорезями для глаз.

— В дом! — резко приказал один из них.

Оба были худые, в чёрных спортивных костюмах. Двигались дёргано, резко. Неуверенно, как показалось Вите. Такие не внушали страх сами по себе. Только оружие придавало им силы.

— В чём дело? — попытался наладить с ними диалог Кузьмичёв.

— Рот закрой, иначе я тебя пристрелю, как собаку. Ты жить хочешь?

Дуло пистолета неприятно ударило в спину Вите. Он дёрнулся и зашагал в дом. Махрам молчал, играя желваками. Как бы какой финт не выкинул братец. Может всё плохо закончиться. Асият и Саяра сидели на кровати в слезах, у обеих уже были связаны руки. Витя только сейчас понял, насколько всё серьёзно. Он заметил взгляд Махрама, который оценил состояние матери и жены. Нет, их не трогали, но женщины перенервничали.

— Что ж вы творите, нелюди! У вас что, родителей нет? — закричала тетя Асият.

— Мама, успокойся.

— Сидеть! — скомандовал бандит.

Они послушались и присели на диван.

— Давайте все деньги и всё золото! Ты, русский.

— Я не знаю, где деньги. Я здесь гость.

Незнакомец выругался.

— Тогда ты.

Махрам спокойно встал и под присмотром прошёл в соседнюю комнату. Он пытался по голосу узнать: может, кто из знакомых? Вроде бы, нет. Откуда они тут взялись? Боевики, террористы? Тоже не похоже. Просто бандиты, беспредельщики? Возможно. Знают ли они, что это дом милиционера? Махрам выгреб всё из закромов.

— Положи на стол и отойди.

Грабитель осторожно, не отпуская пистолет, забрал всю добычу. Они вернулись в зал. Женщины продолжали плакать, Виктор был напряжённым, нервным, щёки его покраснели.

— Ключи от машины.

— Забирай эту колымагу! — вспыхнул Махрам, который любил свой автомобиль.

Бандиты, забрав ключи, осторожно начали пятиться и вышли из дома. Они, спотыкаясь, побежали вон из двора, к машине. Завелась она не с первого раза.

Они не знали, что в доме для подобных случаев имеется сюрприз.

Как только грабители вышли, Витя вскочил с дивана, поднял одну из его половин и, отбросив одеяло, взял в руки автомат Калашникова. Приведя его в боевую готовность, он помчался вслед за незнакомцами. Махрам кинулся к шкафу, где была кобура, в которой покоился ПМ. Через мгновение он уже догонял брата.

Кузьмичёв прицелился в машину, подпрыгивавшую на ухабах, и выпустил длинную очередь. Потом ещё и ещё. Патроны быстро закончились. В стёклах и железе автомобиля появились отверстия от пуль, но машина продолжала удаляться.

Подбежал брат и сделал несколько выстрелов, но прекратил, поняв, что это уже не имеет смысла. Авто было слишком далеко.

Они переполошили все село. Такого здесь давно не было. Махрам быстро успокоил подошедших соседей, а Витя вернулся в дом, спрятал автомат и начал успокаивать женщин. Позже к нему присоединился и хозяин дома.

Витя с братом решили, что они продолжат отдыхать. Сегодня. А завтра начнут разгребать. Хотя, собственно, что разгребать-то? Все живы остались — и хорошо. Но нет, здесь это не так работает. Происшествие вышло за рамки дозволенного. Эти непрошенные гости покусились на дом, женщин. Такое Махрам прощать не собирался. Мать и жена — это святое.

Удивительно, но нападавших удалось быстро найти. Для этого пришлось обратиться к авторитетным людям, проявить к ним уважение и преподнести подарки. За считанные дни незнакомцев нашли. Это были два наркомана, задолжавшие и искавшие деньги на погашение долга. После недолгих споров с авторитетными людьми, Махрам добился своего – их жизни были в его руках. За это пришлось заплатить деньгами.

Встреча состоялась в безлюдном, но шумном месте — рядом тяжело бросала вниз свои воды река.

— Я вас достану, — ругался один из наркоманов. — Только попробуйте нас пальцем тронуть!

Он, видимо, не понимал сложившейся ситуации. Думал, что дело обойдётся привычным мордобоем. Но Махрам достал пистолет.

— Нет, ты не должен этого делать, — сказал Витя. И забрал у него оружие. — Так будет лучше. — И шепнул на ухо. — Тебе ещё жить здесь.

Кузьмичёв выстрелил. Хлопок растворился в шуме водопада. Тело упало и покатилось вниз по каменному склону. Птицы, сидевшие на кустах, взмыли ввысь. Птицы — вверх, человек — вниз. Еще два быстрых выстрела, второй отправился вслед за своим товарищем.

Витя не сожалел. Он был силён и молод. Он был прав. Тогда их лица не преследовали его по ночам, грех убийства не жёг душу. Это пришло намного позже, когда к тридцати появилась необъяснимая пустота в сердце. Но в юности нет. This is a man’s world. Слабые и неосторожные погибают. Они сами виноваты. Могли сделать по-другому. Тогда и спрос был бы другой. Но они задели честь, оскорбили своим вторжением женщин. Асият и Саяра не хотели бы быть причиной чей-то гибели, но так сложилось. К счастью, об этом они не узнали.

* * *

Виктор разжал кулак, понурил голову, вспомнив этот случай. Почему в юности всё так? Так легко? Даже отнять жизнь у человека — и то легко.

— Ты говорил что-то про заработать?

Голос молодого украинского солдата отвлёк его. Кузьмичёв посмотрел на юные черты лица этого пацана. Так вот в чём дело, вот почему они такие злые и несговорчивые. Право сильного. Они имеют на это право. Они так считают.

— Да. Давай договоримся? Наладим дорогу. Сейчас я отдам тебе баксы, а в следующий раз заплачу еврами? Хорошо? — пытался все решить миром Виктор. — Чё ты уперся-то? Тебе двести баксов не деньги?

Глеб потер подбородок и кивнул.

— Ладно. Хрен с тобой. Времени и так много на вас потратил. Давай бабки и валите отсюда.

Через несколько километров они выехали на асфальтовую дорогу. Впрочем, на грунтовой было даже лучше, а тут постоянные выбоины и ямы угрожали уничтожить всю ходовую часть автомобиля. Счастливые лица Славика и Юли отражались в зеркале заднего вида. Им не верилось, что они смогли так проскользнуть.

Кузьмичёв посмотрел на Никитку. Тот думал о чём-то своём.

— Сына, ты как?

— А я-то что? — отмахнулся он.

— Не испугался?

— Их что ли? Нет. Была бы возможность, там бы их положил.

Лицо Виктора перекосила гримаса. То ли улыбка, то ли выражение боли. Неприятным сделалось лицо отца. Он покачал головой.

— Нет, сынок. Людей надо любить.

— И этих?

— И этих.

— Да пошли они, уроды.

— А давай, как закончится война, съездим на Кавказ?

— Зачем? — не понял сын. — Что мы там забыли?

— Оттуда твои предки, бабушки и дедушки. Там у тебя родственники, дядя Махрам и тетя Саяра.

— Да ты что? А почему ты раньше не рассказывал?

— Да как-то не довелось. Ежедневная суета.

— Я бы хотел посмотреть на Кавказ.

— Там очень красиво, поверь мне. Наша степь надоела, да? И на море обязательно съездим. С мамой. Главное, чтобы война закончилась.

Светлана РАЗМЫСЛОВИЧ
г.Великие Луки, Псковская область, РФ

Мама троих детей.

Член Союза Писателей России. Участник многих фестивалей, один из координаторов фестиваля «Словенское Поле».

Публиковалась в журналах «Российский Колокол», «Невский альманах», газете «Литературная газета», в сборниках «Словенское Поле», «Из варяг в греки», «Берега». Издано четыре сборника стихов.

От автора:

Эта подборка — тематическая, болезненная, ощутимая не только душой, но и кожей…

В ушедшем 2021-м году в составе делегации российских писателей я впервые побывала в той стороне, где постоянно гремит, — в Донбассе. Нам удалось пообщаться со многими людьми, писателями, жителями, случайными прохожими. Нам — а мне впервые — представился случай отдать дань памяти мирным жителям, погибшим под обстрелами, и тем бойцам, кто осознанно встал на защиту своей Родины; своими глазами увидеть следы происходящего там... Но сказать красиво не получается, да и не нужно это. Нужна только правда, правда о войне и о горе, которое она несёт с собою…

Поэтому я представлю на суд читателей свой Донецкий цикл. Все произнесённые нами слова однажды принесут свои плоды, пусть прорастут и мои.

СТУПАЙ ТУДА...

— Придёшь?
— Приду!

— Куда? Вернись!
Зачем — живым — чужая жизнь?
Чужая смерть и вечный страх?
— Война — не в битвах, — в головах,
в гордыне, в жадности!
Любой,
оставшийся самим собой,
Пойдёт,
чтоб боль — без слёз —
принять.
Чтоб каждого — из всех — обнять...

1. ДОНЕЦК

Окраина. Разрушен мост.
И время — в никуда.
Здесь распрямилась в полный рост —
Беда, беда, беда!
Прибит бетонный лабиринт
К распятию дорог.
Густым родством набрякший бинт
Изводит некролог.
Затишье после девяти —
Набат колоколов.
Погасли фары — вновь ползти —
Тревогой вдоль домов.
Приметы строго обжиты —
Темнеть, неметь и стыть,
С луной переходя на «ты»,
С молитвой — не светить -—
К ней обратясь, как к божеству,
Земля творит обряд.
Сегодня снова поживу —
Четвёртый день подряд...

2.ГОРЛОВКА

Прячу в карман — лето,
Жажду и страх,
Слово.
Гулко гремит где-то,
Рвётся в просвет зова
Дрожь, одолев сердце.
Новый прилёт — ярость:
С резкой строкой — спеться —
Сможет моя жалость.
Крепкой войной — спиться —
Долгий запой — прочим.
Тонкая грань — ситцем

Рвётся по швам — ночью.
Мне — говорить чётко,
Мне — выдавать разом
Горечь такой сводки,
Что, не моргнув глазом,
Перечеркнёт — лето —
Надписью «Стой, мины».
Гром прогремел где-то —
Весть о тебе, милой...

3.ЗАЙЦЕВО
Я у судьбы — пол-оборот,
Я у орудий — цель.
Наводчик медлит — миномёт
Просвечивает в щель.
И видно, как горячий пот —
По кону — в три ручья.
Где кровожадность, мат — не в счёт,
Ещё вчера — своя —
Осёкшись, вспомнил, как закат
Пред жизнью — розовел.
Страна моя!
Сестра моя!
Любовь! Но озверел,
Сжимая с силой рукоять,
Вливаясь в общий ор,
Отрывисто — дикарь:
— Стоять!
Вдоль просеки — дозор.
Из всех дорог — лишь по одной
Работал миномёт.
Я, развернувшись — к тем — спиной,
За шагом шаг — вперёд...

4.ДЕБАЛЬЦЕВО
Запечатан асфальтом
Вчерашний разлом,
Размалёвана гарь
В заострившихся скулах.
Весь изранен осколками
Брошенный дом —
Вспоминаньем живым
О вчерашних разгулах.
И из окон его —
Опустевших глазниц —
Ни слезы, ни упрёка,
Ни света, ни тени.
Только дымом к земле
Опускается ниц
Явь, сожжённая спором
В костре преткновений.
Только ржавые ости
Разбитых витрин —
Как останки — до срока —
Увеченной жизни,
Да могильные плиты —
Грядою морщин —
Пролегли на лице его.
Возраст Отчизны —
Не века достижений,
Не радость побед,
Не земель завоёванных —
Ширь да фасады,
Но детей захороненных —
Каменный след,
Тишь застывшего в горести —
Детского сада.
Всхлипы редкие — в парке
Звучат как форшлаг,
Скоро грянуть мелодии
В траурном вальсе.
Я ль — случайная здесь,
Мне б уйти — просто так,
Но промолвит он тихо:
«Гремит... оставайся...»

5.ЛУГАНСК
Мне всё слышится — гул,
И всё видится — ад,
Точно, лето спугнув,
Поднялся листопад,

Разлетаясь — в разрыв.
И свернувшись — в дугу,
Сквер пригнулся, укрыв
Тех, кто сник: «не могу».

И дороги — внахлёст
Навзничь свесились — ниц.
Мне всем заревом — слёз,
И всем ужасом — лиц

Быть. Пощад не спроси,
В непризнанье — игра.
Одного выноси,
За другого — пора.

Точно град, разозлив
Полдень летнего дня,
Тишину сокрушив,
Бьёт по нервам — меня.

Точно воздуха — смрад —
Не хватило земле,

И за жизнь — наугад —
Я хватаюсь во мгле...

* * *

Я рассуждаю о трепете лепестков,
О первородном грехе, о причудах мира.
А в опустевшем вдруг городе — крах веков
Не пощадил ни истины, ни кумира.

Мирные жители — плитами — вдоль дорог,
Колокола — пустотой —
в поминальном звоне.
Конь изможднный ли,
верный ли — занемог,
Сердце застыло — мёртво —
в земном поклоне.

Не героизмом — любовью — роднит земля,
Верностью — отчей. Надеждой —
едва жива я:
Здравствуйте, люди! Простите
за всё — меня!
Будет и мир здесь! Веруя — убеждаю,

Не опускаясь до жалости. Видит Бог:
Есть в этих людях уставших такая сила —
Что, изможднной — с ней
сделав глубокий вдох,
Жизнь посреди войны — всё же победила!

Так — научившись смеяться, шутить и петь,
Нежить добро — в перерывах
сплошного ада —
Крест их с достоинством — выдержать —
мне б суметь...
«Снова — приедешь?» —
искренней слов — не надо...

* * *

В город, которому сумрачность — не к лицу,
В город, в котором опыта — мудрецу,
В город, с которым веры — не занимать,
В город, который горы свернёт, как мать,
В город, простивший всех, как седой отец,
В город, не обратившийся, как беглец —
Мне возвращаться, Господи, вновь и вновь,
Поздно, увы, познавшей,
что есть — любовь...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

За мужество внезапных встреч,
Ребром поставленную — речь,
Желание других — в себе
Непережитое — сберечь,
Держись, как мирный самолёт —
Согласием своим — на взлёт,
Словами резкими — вперёд!
И выдержку — ловя на слух —
Из двух миров, одной из двух —
Будь:
Светом им и тишиной,
Оконченной — для них — войной,
Одной — великою — страной,
Во здравие, за упокой —
Одной — простреляннoй — строкой
Звучи! — от взглядов оживясь,
Так в первый — как в последний раз,
Не как молитва, как наказ —
Жить! —
Нежностью внезапных встреч,
Надёжностью цветущих греч,
Пронзительностью — их — предтеч.
Покуда поступью тверда —
Ступай туда...

ДЕТЯМ ДОНБАССА

На остывающие воды
Снежинки падают беззвучно.
И этот танец обречённый
Мне останавливает кровь...
А.Полубота

Дети — всех детей —
Снежность — всех снегов.
Люди — всех людей —
Вольность всех — шагов

На одном пути —
Обретутся где? —
Забывай — лети,
Всяк — к своей звезде.

Чёрень чёрных дней —
Велика печаль.
Для пустых саней
Ближе ближних — даль.

След полозьев — вкось,
Вереницу для.
Пошатнёшься — вскользь —
Всех земель — земля!

Всех речей — река!
Тишина — всех тишь.
Всех скорбей — тоска
Предо мной стоишь...

Елизавета ХАПЛАНОВА
г. Макеевка, ДНР

Автор поэтических и публицистических книг, лауреат нескольких литературных премий. Публиковалась в литературных журналах «Молодая гвардия», «Отечественные записки», «Немига литературная», «Северо-Муйские огни», «Пересвет», «Русское эхо», «Огни над Бией», «Территория слова», «Пять стихий» и др. Член Союза писателей России, Международной Славянской литературно-художественной академии (Болгария), зам. председателя Донецкого регионального отделения МСП.

СБЕРЕГИ МЕНЯ, РОССИЯ

Ты — эпоха и мессия,
Я — печали и долги.
Сбереги меня, Россия,
Словно иву у реки,
Словно длань твою и латы,
Сохрани для ратных дней,
Словно флягу — для солдата,
И для путника — ручей.
Окорми стихом Завета,
Дай пройти твой пыльный путь.
Я тебе за всё за это
Пригожусь когда-нибудь.
И прикрою грудью верной,
И вдохну вторую жизнь.
Стану над твоим рассветом
Будни светлые вершить.
Ну а если оборвётся
На тебе моя строка,
Небу русскому всплакнётся, —
И наполнится река…
Не ищу судьбы красивей, —
Век мой странный и благий.
Сбереги меня, Россия…
Для себя же сбереги.

МАРИУПОЛЮ

Не хочу вспоминать, кто на чьей стороне.
Не хочу ни винить, ни жалеть.
Мариуполь, ты плавишься в этом огне,
Где мерилом нежданная смерть.
Сердца зрение с каждой минутой острей,
Предо мною — пылающий стан.
Мариуполь, донецкой войны Колизей,
Возрождения образом стань!

Там, в пучине твоих несгибаемых дней,
Моя детская память живет.
Там — мой брат… И могилы родных
мне людей.
Там — мой сильный и храбрый народ.

И в одном из укрытий, где нет тишины,
Посреди полыханий огня
Есть девчушка, что возрастом
младше войны,
А назвали её в честь меня…

Так за девочку эту, за наших детей
По пришедшему в город врагу
Ты отчаянно, яростно, горестно бей,
На азовском держась берегу.

Здесь никто из солдат не посмеет назад,
Защищая твой порт и завод.
Ведь незримо в строю
и погибший Мазай[12],
Весь Донбасс, и весь русский народ…

[12] Макар Мазай — сталевар Мариупольского металлургического завода имени Ильича, в 1941 году после длительных жестоких пыток был расстрелян за отказ сотрудничать с немцами.

БУДЕМ ЖИТЬ

Мужчине за честь для страны послужить.
В том нет никакого секрета.
Уверенно скажет друзьям:
«Будем жить!» —
И больше ни слова об этом.

О жарких боях не дознается мать,
Об этом не скажут невесте.
Служить так служить! Воевать? — воевать
С достоинством, верой и честью.

Лишь вздрогнет над
ним голубой небосвод,
Завидев солдатскую ярость,
Услышав знакомую фразу: «Вперёд!»,
Что в русской крови прописалась.

И в схватке лихой он, мужчина-боец,
Познает свою же породу.
И грудью пойдёт на летящий свинец,
Не зная ни леса, ни броду.

Но надо дойти. По-другому никак.
Добыть для России победу!
Сквозь дым рукопашных,
сквозь ветер атак.
Сквозь память о подвиге дедов.

Мужчине за честь для страны послужить.
В том нет никакого секрета.
Уверенно скажет друзьям:
«Будем жить!» —
И больше ни слова об этом.

ДОМ

Всё теплее воздух за окном.
Майский вечер шире и светлее…
Я молюсь за опустевший Дом
Так усердно, словно старец в келье.

Потому что должен быть у стен
Запах жизни, отпечаток счастья.
Чтобы мотылёк в окно летел
И касался тонкого запястья...

Чтобы дом не знал отныне бед,
И весну приветствовали птицы.
Чтобы поистерся горький след
в душах тех, кто всё же возвратится…

НА РУСИ

Ладаном пахнет воздух.
Господи мой, прости!
...Из песнопений создан
Тот, кто рождён на Руси.

Небо залито светом
Сквозь череду дождей.
Пахари и поэты —
Дети Руси моей.

Нет, не за лёгким счастьем
К свету бредёт душа...
Свечечка не погаснет,
А за душой — ни гроша!

В этом святая сила
Каждого на Руси.
В шёпоте негасимом:
«Отче наш, иже еси...»

ДЕРЖИТЕСЬ, РЕБЯТА

То ли сон, то ли явь, но летят на Восток
Отчизны снаряды.
И снайперы метят вам точно в висок…
Держитесь, ребята!

Достанет вам сил, чтобы встать и стоять
До полной победы!
Донбасс и Россия — славянская рать,
Здесь общие беды.

Плечо подставляют Самара и Брянск,
Ростов и Саратов…
Держитесь же, Славянск,
Донецк и Луганск!
Держитесь, так надо…

Орёл и Казань, Краснодар и Сургут
Молитвы читают.
…Но земли Донбасса взрывают и бьют,
Пощады не зная.

Российское братство стремится помочь –
Спасибо, что рядом!
Наступит рассвет, канет в прошлое ночь…

Держитесь, ребята!

ВОЛЬНОМУ ВОЛЯ...

Вольному — воля. Иду по оси земной
С малой котомкою, с болью Руси великой.
Милая Родина, что ж потускнели лики,
Что ж ты склонилась низко своей главой?

Путь по оси… Единение всех безумств.
Ты каждой чёрточкой вписана
в суть ладони.
В каждой травинке —
мои полноводья чувств.
В песне любой познаю
свою кровь и корни.

Вольному — воля. Воспрянь, золотая Русь!
Знаю, отринут от света густые тени.
Милая Родина, я за тебя боюсь…
Светлая Русь, я в тебя неизменно верю.

АНГЕЛЫ МНОЖАТСЯ…

28.04.2022 г., в ходе очередного артиллерийского обстрела центра Макеевки, ранены 19 мирных жителей, включая четверых детей. Трое погибших, в том числе два ребенка.

Боль разъедает пространство и душу,
Мечется сердце меж морем и сушей,
Между слезами и тишью больницы,
Где от беды не укрыться... Не спится
Там никому, за холодною стенкой —
Стала недви́жимой тонкая венка…
Прямо в окно, не предчувствуя мая,
Ангел Макеевки в небо взлетает.
Как понимать это время нам, Боже?
Ангелы — множатся, мира — не больше…
В чём равновесие, сила святая?
Горнии кущи детей обретают.
Нам же, земным, кровоточить от боли.
Но возрождать эту жизнь, это поле...
Взращивать пашню упрямо, сурово.
Насмерть держаться — огнём или Словом.

МОЙ ГОРОД

Мой город удаляется за мной,
Струится словом в дальнее пространство,
Простив моих дорог непостоянство,
Простив судьбу, разбитую войной.

В осколках этих — правда и слеза,
И приговор разлуки бесконечной…
И ни одна дорога не излечит
Тех слов, что больше некому сказать.

Накинув на распятье палантин,
Ношу сей груз по солнечной планете.
И улыбаюсь старикам и детям,
И лью слезу за темнотой гардин.

Но он со мной, — скиталец, как и я.
Он, как и я, рождён держать созвездья.
Мы с ним вернёмся —
светлой доброй вестью
К родному Слову, к дедовским полям.

ВЫБОР

Кому-то дым чужих высот,
Кому-то пыль сапог походных.
Кому — острог, кому — свобода.
Кому-то тыл, кому-то фронт.

На каждый дом — своя судьба:
Кому стоять, кому — разруха…
Войне уже вспороли брюхо,
Но продолжается борьба.

На каждый метр моей земли
Идёт охота интервентов.
И нервы вытянутой лентой
Вдоль трасс донецких пролегли.

Кого-то ждёт валютный счёт,
И потому не до трагедий.
Другим — отдать в наследство детям
Родной язык, здоровый род.

Мир взбит, как сливки для безе…
Но встала матушка Россия —
И будет жизнь, и будут силы!
Кому-то Heil, кому-то — Z.

Анна ТОКАРЕВА
г.Егорьевск, Московская область, РФ

Родилась в 1956 году. Окончила Московское областное культурно-просветительное училище. По образованию библиотекарь. Стихи пишет с детства.

Лауреат Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина за 2021 г., литературной премии «Слово -2018», сайта «Российский писатель» за 2017 г., международного литературного конкурса «Золотой диплом», 6-го Международного литературного фестиваля «Славянская лира-2019» (Беларусь).

Награждена, знаком Губернатора Рязанской области «125 лет со дня рождения Сергея Есенина», медалью имени нобелевского лауреата Ивана Бунина, дипломом МОО СП России «За верное служение отечественной литературе».

Автор двух поэтических книг: «Рябина в меду», «От одиночества до счастья». Член Союза писателей России с 2004 года.

РАДИ НАС

Ради нас — и лопух придорожный,
И тюльпана лиловый бокал,
И заря, что легла осторожно
На безмолвие водных зеркал;
И кузнечик, что вечно стрекочет,
И пчелы неуёмная прыть,
И горластый задиристый кочет,
Что мечтает летающим быть...
И коровы дородное вымя,
И доверчивый пульс родника,
И певучее Родины имя
Не на час, не на год – на века.

* * *

Вопли звучат инородные
Песням родным вопреки.
Родина, солнце холодное,
Живы твои кулики.

Время в садах позаброшенных
Вырезать гиблый сушняк,
Вспомнить, что было хорошего,
Вспомнить, что было не так.

Братья и сёстры, мне верится,
В то, что поднимется рать,
В то, что поникшее деревце
Листья расправит опять.

Чтобы цвести безбоязненно
В белом саду по весне,
Чтобы и горе, и праздники
Не насаждались извне.

БОЛОТО

Не по хитрому расчёту,
Добровольно, без пинка
Я хвалю своё болото
С постоянством кулика.

Эта высохшая кочка —
Не роскошный Аюдаг,
Но она моя — и точка.
И со мной — Иван-дурак.

Накормлю его брусникой,
Горьковатою чуть-чуть,
Но с родной земли великой —
В этом вся и соль, и суть.

Не по щучьему веленью —
По хотенью моему
Доживём до воскресенья,
Побеждающего тьму!

* * *

На бескрайней безумной юдоли
Я дарю тебе ласку руки,
Одичалое русское поле,
Где, родное, твои колоски?

Ты грустишь по старинным укладам,
По традициям прошлых веков,
Да по синим пронзительным взглядам
Так любивших тебя васильков,

По линялым рубахам, мозолям
Верных пахарей, преданных жниц…
Одичалое русское поле,
Я былинкою падаю ниц

На дородные сорные травы
И принять никогда не смогу,
Что великая чудо-держава
Покорится смиренно врагу.

РУССКИЙ ДУХ

— Ты ела гурьевскую кашу?
Слыхала я, она вкусна.
— Не доводилось, баба Маша,
Налей-ка щей из чугуна,

Дай деревянную мне ложку,
Зубок ядрёный чеснока,
Посыпь укропчиком картошку,
Плесни парного молока.

А вместо каши той ванильной —
Парёнки реповой кусок…
И вот уже гляжу умильно,
Освобождая поясок.

Наверняка простой крестьянкой
В той, прежней жизни, я была,
Месила тесто спозаранку,
И за водой к колодцу шла,

Ждала любимого с покоса,
Топила баньку горячо,
И расплетала на ночь косы,
Ложась на мужнино плечо.

Тот русский дух даёт мне силы
В лихие новые года.
А то, что каши не вкусила,
Так это, право — ерунда!

* * *

Враг притаился у наших ворот,
Всюду капканы и сети.
Воины русского духа, вперёд!
Вы за Россию в ответе.
Быть иль не быть? Сквозь года и века
Слышатся предков набаты.
Не поддаются врагу никогда
Русского духа солдаты.

Бочка — без обруча, печь — без трубы.
Сильные духом, на битву!
Бьёт барабан, конь встаёт на дыбы,
С вами — Господь и молитва.

* * *

Перезимуем. Не впервой.
Бывало хуже.
Воспрянет буйный травостой,
Теплом разбужен.

И будут плакать клевера
В туманах белых:
Негоже пахарям с утра
Лежать без дела.

И буду я в своём саду
Лелеять всходы,
Лягушек слушать на пруду
И черпать воду.

Прости меня, моя земля,
Простите травы,
Ведь я – не штурман у руля
Больной державы.

Но я на маленьком клочке,
Что возле дома,
Не прозябаю в уголке,
Впадая в кому.

Я здесь – и пахарь, и косарь.
Мотыжу, сею.
И всей душой, как предки встарь,
Люблю Расею.

* * *

Топтался лучик золотой
На подоконнике гостиной.
Просилось солнце на постой,
Но я задёрнула гардины.

Я, воспевающая свет,
Сегодня выбрала темницу.
Шуршу обёртками конфет,
Борюсь с желанием напиться.

Там, на свету, кровит заря.
То – митингуют, то – парады.
Сначала – выберут царя,

Потом – свергать на баррикады.

А я – адамово ребро.
И я хочу быть просто мамой,
Растить детей, ваять добро,
Любить надёжного Адама.

Сижу – отчаянья сестра.
Застыла призраком бесплотным.
На Красной площади – ветра,
Ветра – на площади Болотной.

Ветрами выстужен Майдан.
Дрожат берёзы и каштаны.
И брат по имени Богдан
Готовит пулю для Ивана.

* * *

В засуху вянет подсолнух,
Сохнет без влаги репей.
Брат мой, из пригоршней полных
Вражьего зелья не пей.

Демоны Нового Света
Ломятся в окна и дверь.
Брат мой, не слушай навета.
Сердцу славянскому верь.

Брат мой, криницы и реки
Полны чистейшей воды.
Брызни на сонные веки,
Не доводи до беды.

Нам ли, по крови единым,
Жаждать огня и резни?
Боже, храни Украину.
Боже, Россию храни.

ЯСНАЯ ЗВЕЗДА

Шелестит под сапогами
Ломкая трава.
Поле в рыжей скучной гамме.
Праздник Рождества.
Эх, снежком бы хоть немного
Всё припорошить!
С белой праздничной дорогой
Веселее жить.
Не сыскать на буром поле
Светлого следа..
Но горит над русской долей
Ясная звезда.

* * *

Привет, рождённые на свет!
Готовьтесь к тьме,
К суме, в которой нет монет,
К войне, к тюрьме.

Готовьтесь к подлости друзей,
К любви - врагов,
Из грязи вылезших князей,
И дураков.

На обезумевшей земле,
Брат и сестра,
Посеем в пепле и золе
Цветы добра.

* * *

«Раньше выстрела не падай. –
Ты однажды произнёс. –
Даже если слёзы градом,
Никогда не вешай нос!»

В час бессилия я трушу.
Сердце в пятках, как всегда.
Но девиз твой лечит душу
Так, что пятится беда.

И свалившись носом в яму –
Руки тонкие вразброс,
Я теперь твержу упрямо:
«Не сдавайся, выше нос!»

БЕЛЫЙ СОН, БЕЛЫЙ СВЕТ

Ветер гнёт сырые сучья.
Тает снежная труха.
Звёзды кутаются в тучи,
Словно женщины в меха.

Я иду по снежной каше
И мечтаю об одном:
Пусть вернутся зимы наши,
Пусть не станут белым сном.

Не буянь, не мсти, природа.
Мы наказаны сполна:
Нет советского народа,
И развалена страна.

Белый свет теперь не светел,
Мир разорван на куски.
Бьётся память, словно ветер,
В воспалённые виски…

НАПРЯМИК

То вкривь я иду, то кругами,
То вдруг упираюсь в тупик.
В житейском унылом бедламе
Непросто идти напрямик.

Делиться своим караваем
Трудней, чем шипами обид.
И хата, которая с краю,
Бездушной незнайкой стоит.

Её обогну без досады
И снова пойду прямиком
Туда, где в объятиях сада
Пригрелся родительский дом.

Где добрый хозяин приветлив,
Не держит собак на цепях,
Где в яблоках — гибкие ветви,
А крыши карниз — в голубях.

Где нет устрашающих пугал,
Где тлеет в костре уголёк,
Где каждый тупик или угол —
Уютный родной уголок.

СПОР

Горячий спор возник меж слов:
Которое важней.
Сказало «май»: «Я из цветов,
Из самых ясных дней».

А слово «труд» сказало так:
«Дарю я хлеб к столу,
И лишь отъявленный чудак
Мне не поёт хвалу».

Им возразило «мир»: «Как знать?
Вам без меня не жить,
Не жать, не сеять, не пахать,
Счастливыми не быть».

Но слово тихое одно
Всех усмирило враз:
«Жить без «любви» не суждено
Ни завтра, ни сейчас.

Любовь — начало всех начал.
Везде — и там, и тут.
Да будет тем, кто осознал —
И май, и мир, и труд!»

СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ

Проснувшись во двориках зябких,
Близ яблонь, заборов и стен,
Они золотистые шляпки
Надели, поднявшись с колен.

Немедля — вперёд, за ворота!
Луга и поля полонив,
Покрыли они позолотой
Пространства невспаханных нив.

Незыблема связь поколений,
Незыблема к жизни любовь.
До буйства душистой сирени
Цвести одуванчикам вновь.

Представьте — всё это бывало:
Как я, на простор убежав,
Славянка веночек свивала,
Пыльцою испачкав рукав.

ПЕЧКА

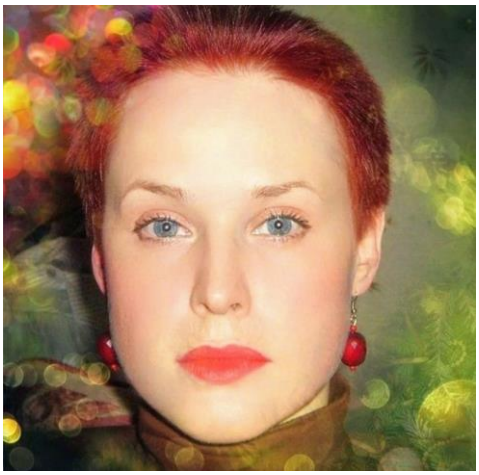
Дрова, присыпанные снегом,
Стреляют в топке и шипят.
Какой восторг, какая нега —
Лежать и слушать снегопад!

Он рвётся в окна, топчет крышу,
А на лежанке — любота.
Шуршат внизу, под печкой, мыши,
Поправ мурчание кота.

В печурке сохнут рукавицы,
В опечье дремлет домовой.
И только мне совсем не спится
В моей избёнке лубяной.

В горшках томятся щи да каша,
Картошка млеет в чугуне.
Скрыт русский дух и сила наша
В живом, покладистом огне.

Ольга ЗАБОРСКАЯ
г.Смоленск, РФ



Родилась 12 октября 1980 года. Окончила Смоленский Государственный Институт Искусств. Член Литературного объединения «Родник» им. Ю.В. Пашкова. Печаталась в коллективных сборниках Союза писателей России, сборниках ЛИТО «Родник», литературных альманахах, периодике.

Лауреат Международного конкурса «Главный стих» (г. Барнаул), финалистка Литературного фестиваля-конкурса «ЛитКузница» (г. Самара), участница литературного проекта «Современник» #поэзиянапоказ.

ВАРЕНИКИ С ВИШНЕЙ

Я не помню ещё такого места, где было бы столько солнечного света. Он лился мягким потоком, на мою детскую голову, слепил глаза. Хотелось лететь, бежать по просёлочной дороге навстречу этому нескончаемому потоку счастья. И я бежала. Летела. Девочка с побитыми коленками и ртом, который перемазан черешневым соком. Лето, солнце и столько надежд впереди.

Маленький островок детства. Затерянный на просторах Украины. Моё первое знакомство с хорошими людьми. Где ты теперь?

Идем по пыльной дороге. На плечах тяжёлые сумки, катим чемоданы. Легкая усталость с поезда. Впереди долгожданный отпуск. Столько нужно узнать, изведать, посмотреть. Но вначале сюда, нырнуть в воспоминания.

— Есть кто дома?

— Оля! Звідки ти тут взялася?

— Приехали. Баба Ганя. Сколько лет.

—Та бачу я. Вимахала ти!

— Муж мой. Андрей.

Баба Ганя помотрела оценивающим взглядом.

— Та що ти тупцюєш як не рідний. Заходь у хату.

У бабы Гани была удивительная особенность. Она могла говорить и по-русски, и по-украински. Но когда волновалась или сердилась, всегда переходила на украинский. Скромная женщина. Всю жизнь проработала в совхозе лекарственных трав, многое пережила. Опыт не за так людям даётся. Я не всегда понимала, когда она сердится, но душевной теплоты ей было не занимать. Сядем вечером. Горилки нальёт. А дед Мыкола обязательно вставит своё твёрдое мужское слово.

— Від нашої горілки голова ніколи не хворітиме. То своє, руками зроблене. Не те, що ваша горілка магазинна.

Я смеюсь, и Андрей смеётся, и Ганя улыбается нам. На столе яичница в сковороде. И желтки такие оранжевые, как солнце.

— Ну, что ты Ольга. Будешь мужа своего варениками угощать. А то на наших хлебах росла, а как вареники делать не знаешь!

— Ну почему не знаю. Я дома делала.

— Не то всё это. Хороший вареник он обязательно должен кружевные края иметь. Тесто по краю, как косичка завивается. То от земли нашей хлебосольной. От климата тёплого. В нём, в этом варенике, вся наша сила и энергия этого края. От хорошей хозяйки, которая такие вареники делает, муж никогда не уйдёт. Учти.

— Баба Ганя, он меня и так любит.

— Любить щось любить, але справжня господиня має гарні вареники вміти ліпити. Завтра і займемося.

Утром собирали вишню в корзинку, вместе с листьями. Помыли обдали кипятком. И принялись за дело.

— Оля, запомни, тесто на вареники крутое не делай. Нужно, чтобы тоненькое оно у тебя было. Поняла?

— Поняла.

— Добре.

— А чтобы вишня *не растяклась*, что делать?

—Усьому вас, москалей, вчити треба! Посыпь мукой и сахару немного добавь. Вот, молодец. Уже лучше получается.

Как красиво бабы Ганины руки лепили вареники. Быстро, слаженно. Вот, покрутила тесто в руках и краешек у вареника лихо в косичку сложился. Тоненький, вишни много, теста мало. Так и должно быть, правильно.

— А теперь ты давай.

— Ну как, баба Ганя?

— На перший раз піде. Ой вижене тебе чоловік із дому за вареники такі!

— А вот и не выгонит!

— Не выгонит думаешь?

— Нет.

— Ну, добре!

Смеёмся. Ставим большую кастрюлю на плиту и варим наши произведения искусства.

— Оля, макитру подай мне.

— А что это такое?

— Горшок. Сколько раз тебе говорить.

— Забыла.

— Забула вона.

Зовём мужчин, угощаем. Те уплетают за обе щёки и нахваливают. Собираются на рыбалку. Наживку готовят. Дед Мыкола со знанием дела даёт советы.

— Наші коропи вашу наживку не братимуть, на горох треба ловити.

— А я на манку ловлю.

— То у вас. Наші коропи до іншої їжі привчені.

Мы садимся с бабой Ганей теребить фасоль. Хорошая уродилась. Крупная, белая.

— Баба Ганя.

— Чего?

— Вы меня простите, что с Сашей не получилось. Ну не по сердцу.

— Оля, хороший у тебя муж. А остальное неважно. Судьба она такая, ведёт человека, а куда приведёт неизвестно. Значит так должно было быть. Забыли. С собой тебе фасоли дам. У вас такой нет. Это же своя. А когда своё, всегда лучше.

— Согласна.

Вечером жарим карпов. Коты крутятся у плиты. Старый кот Мартын и сырой и жареной наелся. А потом пригрелся у меня на коленях и затарахтел. Спокойно. Легко на душе. Сколько приезжала, всегда этот кот в кровати спал со мной. Старенький уже.

— Андрей. Завтра поедем замки смотреть.

— Я на рыбалку хочу на Днестр.

— А замки?

Дед Мыкола слушает наш разговор.

— Поїдеш ти, Андрій, замки дивитися. Бо не народився ще той чоловік, який цю жінку переперечить.

И прав оказался. Поехали смотреть объекты старины. Бродили по улочкам старого города. Забрели на вокзал. Андрей ходит вдоль железнодорожных путей. Собирает абрикосы.

— Представляешь! Тут абрикосы на каждом шагу растут. И эта как её? Ну чёрная такая, на малину похожа.

— Шелковица. Она ещё белая и красная бывает.

— Чудно. Я бы здесь жить остался. Давай абрикосов домой насобираем.

— Баба Ганя даст. Я её сто лет знаю. От неё никогда с пустыми сумками не уезжали.

Заходим в ближайшую кофейню. Пьём кофе, смотрим в окно.

Делимся вечером на кухне впечатлениями с бабкой и дедкой.

— Мы вам лампу соляную купили.

— Навіщо?

— Как зачем. Это подарок. Мы у вас столько гостим.

— Оля, прекрати.

— Это ответный жест, в знак дружбы.

— Ну если в знак дружбы. Тогда ладно. Я там тебе варенье, пять баночек, положила на дорожку. Яблоки, фасоль.

— Пять баночек? Мы это не довезём.

— Нічого, потяг довезе.

— Мы с пересадками поедем. В Брянске быстро нужно, с поезда на поезд перепрыгивать. Как мы с такими баулами?!

— Нічого. Я банки обратно забирать не буду!

Вот как с ней можно спорить? К банкам потом много чего добавилось. И поезд всё-таки довёз. Куда он денется.

Расстояния. Звонки. Поздравления с праздниками. Тоненькая ниточка, которая связывала меня с этими людьми долгие тридцать лет. Обнимались с дедом Мыколой на прощание, в последний приезд так, что отпускать не хотел.

— Оля, що б не сталося. Пам'ятай, тут на тебе завжди люблять і чекають. Тут твоя хата.

— Почему?

— Тому що ти наша.

В такие моменты я всегда удивлялась тому, что мы на разных языках говорим, а понимаем друг друга. Как так? Наверное, для того, чтобы понимать, нужно говорить на языке сердца.

Расстояния. Звонки. Поздравления с праздниками. А потом случилось, то, что случилось. Майдан. Я смотрела по телевизору как люди озлобленно рвут друг друга за разность политических взглядов. Я не болела ни за тех, ни за этих. Я думала о том, что мой маленький островок детства уходит под воду и уже никогда не вернётся. На той стороне, в маленьком украинском селе думали так же. Это было время переосмысления собственной жизни.

А потом не стало Андрея и мне просто не с кем было поделиться своим горем. Я набрала номер.

— Баба Ганя!

— Оля, что случилось?

— Я полгода назад стала вдовой….

— Оля, Оля, як же так! А доця, доця як там твоя? Хоч би разок побачити її.

Поплакали вместе. Обещала звонить, не забывать.

Детство рано или поздно заканчивается и нужно смотреть на жизнь по-взрослому. Решать проблемы. Быть сильной. Но я помню, ту маленькую девочку с побитыми коленками и ртом, измазанным черешневым соком. Она живёт во мне и не даёт сломаться. И солнечный свет горит в сердце всем бедам назло.

А когда я чувствую, что огонёк потухает, иду на кухню и делаю вареники с вишней. Они получаются точно такими, как учила баба Ганя: тонкое тесто, много вишни и края, заплетённые в косичку.

Любовь СЕРДЕЧНАЯ
г.Витебск, Беларусь — Смоленск — Санкт-Петербург, РФ

Член Союза писателей России. С 2013 по 2021 год — руководитель Смоленского областного литературного объединения «РОДНИК» им. Ю. В. Пашкова.

Финалист, лауреат, член жюри многочисленных Всероссийских и Международных конкурсов поэзии и авторской песни. Печатается в коллективных сборниках России, Беларуси, Чехии, Германии и др. Автор 11 книг стихотворений.

КАЛИНОВ МОСТ

Вот река Смородина,
Вот Калинов мост.
За спиною — Родина,
Впереди — погост.

Стой, мой конь, не время!
Тише, погоди:
За плечами — бремя...
Что там впереди?

Скоро враг появится,
Страшен, лют, хитёр:
За спиною — палица,
Впереди — топор.

Задрожала, вроде бы,
От шагов врага
Впереди смородина,
Позади ирга.

Стой, мой конь, терпение!
Стой, не торопись:
Впереди — сражение,
За спиною — жизнь!

Я у этой кромки,
Буду не один:
Позади — потомки,
Предки — впереди.

Вот несётся Чудище
Прямо на меня:
За плечами — рубище,
Впереди — броня.

Сердце, успокойся,
Бой идёт за жизнь:
Позади «Не бойся!»,
Впереди «Держись!»

Ну, вперёд, Савраска!
Да не подведи!
Впереди — развязка,
Сказка — позади.

Что мне осторожность!
Я давно привык:
Впереди — возможность,
Позади — тупик.

Ближе! Ближе! Ближе!
Слышу треск копья,
Падаю и вижу:
Враг мой — это я...

ПРИЧАЛ

1.
Пойдём со мною на причал.
Ты сам, наверно, замечал:
Он пахнет морем...
Ну, пусть не морем, а рекой,
Ручьями, талою водой,
Но только, точно, не тоской,
Не горем...

Пойдём со мною на причал.
Там кот от радости урчал:
Поймал марлина...
Пусть не марлина, а треску,
Тащил по мокрому песку...
Помог мне подлечить тоску
И спину...

Пойдём со мною на причал.
Хочу, чтоб шторм его качал,
Как детский мячик.
Ну, пусть не шторм, а лёгкий бриз...
Вернись, пожалуйста, вернись!
Я без тебя ныряю в высь.
Не плачу!

Сама построю свой причал,
Чтоб всем надеждам отвечал:
С котом, марлином!
Чтоб каждый день меня встречал,
И свежим ветром угощал,
И на руках меня качал
С любимым!

«Отдам в хорошие руки
кота, марлина, причал,
руку и сердце».

2.
Доски, нагретые солнцем, ласкаются к телу.
Волны, прохладу хранящие, манят к себе.
Я на причале, и мне никакого нет дела,
Где ты и с кем.
Вспоминаешь ли ты обо мне.

Доски причала нежны,
словно пух тополиный.
Волны поют про пиратов, русалок, китов...
Я и забыла, что как-то болела ангиной,
Ты притащил апельсин и охапку цветов...

Что же доска так скрипит
и скрипит нестерпимо,
Что же волна меня хочет
с причала слизать?
Парус вдали показался. Ко мне или мимо?
За горизонт ускользнул...
Порвалось — не связать...

Эй! Выше нос! Я на море!
И киснуть не дело.
Пусть повезёт в этой жизни и мне, и тебе.
Доски, нагретые солнцем, ласкаются к телу.
Волны, прохладу хранящие, манят к себе.

3.
...Нет, я не плакала. Причал
Метался, рвался, выл, кричал
От горя.
А кот на нём всю ночь сидел
И всё глядел, глядел, глядел
На море...

А волны пенились у ног
И мне шептали: «Как он мог!»
Ласкали.
И соловей запел совой.
А ветер бился головой
О скалы...

Я не рыдала, не звала.
Я просто сына назвала
Илюшей...
Конечно, ты. А кто ещё?
Нет. Не надейся. Не прощён.
Не слушай!..

Пойдём со мною на причал...

ГОРОД РОДНОЙ

Город родной, я — к тебе: залечи мои раны,
Мамка и нянька, и сват, и товарищ и брат.
Помнишь, как ты наполнял
мне богатством карманы:
Камешки, стёклышки,
шишечки старых оград…

Клал на коленку разбитую листик зелёный,
Ссадины смазывал йодом одну за другой,
Щедро поил из колонки
прозрачной, студёной,
Бьющей ревущим фонтаном
живою водой…

Это же ты вынимал мне репьи из косичек,
И на заборе спасал от дворовых собак,
Ты приглашал на кормушку
знакомых синичек,
Прятал меня от «врагов»
на забытый чердак…

Город родной, я – к тебе: залечи мои раны.
Ты же умеешь справляться с любою бедой:
Что тебе, город, туманы, бураны, обманы!
Дай отыскать мне колонку с живою водой!

Александр ЛУЧИН
г.Смоленск, РФ

Родился в 1959 году. Окончил Смоленский государственный педагогический институт. Стихи публиковались в коллективных сборниках: «Портрет времени», «Смоляне – Пушкину», «Смоленская лира – антология XX век», «Годовые кольца», в журналах «Годы» и «Вдохновение», в альманахе «Под часами» и в других периодических изданиях. Автор трех поэтических сборников.

Член Союза российских писателей и Смоленского областного объединения православных писателей при кафедральном Свято-Успенском соборе.

Награжден Благодарственным письмом губернатора Смоленской области, Почётной грамотой Администрации Смоленской области за многолетнюю литературную деятельность и большой личный вклад в патриотическое воспитание молодежи.

Лауреат Литературной премии им. М. В. Исаковского.

ZACTABA

Возвожу из стихов Заставу,
Тёмным силам я ставлю Заслон.
Чтобы строки, согласно Уставу,
Как солдаты, сражались со злом.
Против подлости, зависти, скверны
Ощетинились рифмы — штыки.
За Любовь, За Надежду, За Веру
Бились насмерть Святые Полки.
А когда ударяет тревогу
Безошибочный Сердце — Набат,
Обращаюсь за помощью к Богу,
Чтоб прислал мне Небесных Солдат.

* * *

Яблоня-время на землю роняет
В срок предназначенный яблоко-год.
Дольки мгновений распределяет
С ветви сорвавшийся в прошлое плод.

Сколько моих?.. Сосчитать бы, не сбиться,
В битве с забвеньем не пасть без следа.
Падает яблоко раненой птицей,
Чтобы уже не взлететь никогда.

Только лишь память-гонец из былого
Всё возвратит до последнего дня...
Падают яблоки снова и снова,
Бремя свое возложив на меня.

ЗВЁЗДНЫЕ СТРАНИЦЫ

Я листаю звездные страницы
Книги, не прочитанной никем.
И опять моя комета мчится
Против правил вечных теорем.

Через грани света и столетья
Бесконечность, как ты далека!
Две прямые — память и забвенье —
Там пересеклись наверняка.

Перекресток вечности и мига —
Времени незыблемый удел —
Вобрала и сохранила книга —
Теоремы душ людских и тел.

Книга-вечность неподвластна тленью,
Что для бесконечности года?
В мире все подвергнуто забвенью,
Только память сердца — никогда!

* * *

Красным полем несется в карьер.
Лошадь белая с гривою синей
И берёт за барьером барьер,
Состязаясь в конкуре, Россия.

Ни узды, ни седла, ни стремян,
Золотые сверкают подковы,
Уважаю за то россиян,
Что к любым испытаньям готовы.

Рысь, галоп.
Удалая езда.
Мчит лошадушка, сил не жалея.
Никому её не обуздать —
Не найдётся такого жокея.

НЕ ПРИШЁЛ СОЛДАТ С ВОЙНЫ

Не пришел с войны солдат.
Покосился дом.
Не расцвел весною сад
Под родным окном.
Закручинилась луна
Поздним вечером.
Что ж ты сделала, война,
С человечеством?

Там, где птицы пели
И ручьи звенели,
Шелестели платьица берез,
Вьюги зазвенели
Холодом шрапнели
И ударил гибели мороз.
Вымерзли истоки.
Только слез потоки
По сугробам скорби понеслись.
Половодье грусти
Затопило устье
У реки, которой имя — Жизнь.

Но река, назло беде,
Без конца течет,
Растворяется в воде
Огорчений лед.
Только мне порой ночной
Стали сниться сны,
Будто это я домой
Не пришел с войны.

ПАМЯТЬ-ТРОЙКА

Память-тройка снова мчится вспять,
По сугробам времени несется.
У крыльца меня встречает мать
И от счастья плачет и смеется.

И отец, как прежде молодой,
Наливает за приезд по полной.
Счастлив я в кругу семьи родной.
Отчего же грустно мне и больно?

Тропку заповедную мою
Замело. И не доехать в гости.
Я один на росстани стою,
Лишь кресты темнеют на погосте.

УЧАСТЬ

Сумерки запутались в позёмке.
Кони пали.
И замёрз ямщик.
Из возка я вышел в поле тёмном
И пошёл сквозь вьюгу напрямик.

Брел я наугад, теряя силы.
Падал,
Полз,
Вставал — и снова в путь.
Вился в небе ворон белокрылый,
На мою нацеливаясь грудь.

Далека,
Трудна была дорога.
Лютый ветер становился злей.
И упал я, не дойдя немного
До твоих приветливых дверей.

Ты нашла меня перед рассветом
И укрыла в доме от пурги...
Я тогда не ведал,
Что поэтом
Быть труднее,
Чем писать стихи.

СОН

Снова вижу во сне, как по полю времен
Я на белом коне в бой веду эскадрон.
А навстречу ко мне с кавалькадой чужой
Мчится всадник в броне,
конь под ним вороной.

Вот сойдемся сейчас в поединке ночном
И, как было не раз, поле кровью зальем.
Нам бы в ножны мечи: страшен алый потоп,
Но кричи, не кричи — не услышит никто.

А быть может, мой сон кто-то смотрит, как я,
Спит, намаявшись, он после трудного дня.
Жмется в страхе к стене —
не задело б клинком —
Тот, который во сне на коне вороном.

Сон прервать не дано.
Если в нем наша смерть,
Нам его все равно предстоит досмотреть,
Как кино про войну,
только с разных сторон...
Разорвав тишину, чей-то слышится стон.

Я, проснувшись в ночи, сон хочу возвратить,
Чтобы, спрятав мечи, жизнь ему сохранить.
Чтоб не знал о войне, кто, намаявшись, спит,
Но который во сне в поединке убит...

Алеся КАЗМЕРЧУК
г.Луганск, ЛНР

В 2016 году победитель, в 2018 году финалист литературного конкурса «Молодые голоса» (ЛНР); шорт-листер международного литературного конкурса «Большой финал 2017-2018»; победитель Фестиваля «Муза Новороссии» в 2018 году (в номинации «Гражданская и духовно-философская лирика»); участник фестивалей «Берега дружбы», «Центр Европы», «Страна березового ситца». Автор поэтического сборника «Столица сердца» (2021, Луганск).

* * *

Не стреляйте, пожалуйста,
там живёт моя мать.
Там живут сотни матерей.
В чём они виноваты?!
Жизни людей под прицел
подвели автоматный,
Их едва повзрослевшие дети идут защищать.
Как когда-то в войну уходили и их отцы,
Чтобы жизнь положить за жизнь. И, неужели,
Каратели, вы их подвиг забыть сумели?
Неужели успели могилы их зарасти?
Война не внемлет числу смертоносных атак.
Всё оплачено, и в бой
ринулись будто пешки,
Управляемые властной рукой бессердечной.
Вас же травят между собою, словно собак.
Записи из дневника юной Анны Франк
Не вырубить топором, — он уже переписан.
Если Бог есть, услышь все эти молитвы,
Не стреляйте, пожалуйста,
дайте дожить до утра.

* * *

Прошу тебя, мама моя, не плачь.
Клади цветы, разожми нежные руки...
Всё носишь старый, отцом подаренный, плащ?
Тебе он на плечи лёг непомерной разлукой.
Посмотри кругом — разбушевался май.
Ты помнишь, как я ломал тебе ветки сирени?..
В парке непойманным был, прости меня, мам,
Ты сетовала всегда: когда я уже повзрослею.
Смотри, как слепо промчались былые года,
А ты, вместо светлой улыбки, одета в чёрное...
Я повзрослел, мама, повзрослел навсегда!
Только жизнь моя больше не знает счёта.
Отчество на камне средь высеченных имён,
Пусть коса войны наткнётся на этот камень!
Я лишь волокно в полотне кровавых знамён,
Только в сердце моём всегда
рдело белое знамя.
Дорогу в эти края найдут журавли,
Но мы улетели навечно бессмертной стаей.
Ты же знаешь: по-другому мы не могли,
Прогоняя смерть с возведённого пьедестала.
Тише. Мама. Прошу. Не бойся. Не плачь.
Мы были горды прощаться
с собственной жизнью!
Но не война — твои слёзы мне вечный палач.
Я умер, чтоб ты жила и моя Отчизна.

* * *

Я проживу не дольше, чем решит Бог.
Не задержусь, когда чёрт разогреет мне печь.
Будет снег засыпать далёкий родной порог,
Только впредь не я стопами его буду жечь.
А растаю под чьим-то сердцем
в шальной весне,
С ожившим ручьём побегу наперегонки.
Выкачу солнце на небо, и в тёмном окне
Разрисую печаль красками от руки…
Я проживу не дольше цветных шаров,
Что в потолок уперлись по волшебству.
Твоих всё дальше и тише звучащих шагов,
Кажется, не пережить. Deja vu.
Я живу меньше взгляда, скользящего по щеке.
Я живу меньше стука
в чьей-то пустой груди.
Чувство в написанной мной сгоряча строке
Оставит меня мёртвую позади.
Я проживу ровно столько, сколько всерьёз,
Кажется, я умираю прямо сейчас.
Помните обо мне, прошу, без слёз.
Я не переживаю. Живу, как в последний час.

Александр МАРФУНИН
пос. Лесной, Московская область, РФ

Поэт. Член Союза писателей России.

Победитель Всероссийского поэтического конкурса «Твои, Россия, сыновья». Лауреат молодежного фестиваля искусств Артиада народов России 2014 года в номинации «Литература. Гильдия профессионалов. Взрослая лига» с формулировкой в почётном дипломе – «За проникновенное воплощение духовного мира русского офицерства».

Автор трёх книг: сборник стихов «Ваша светлость» (М., «Нонпарелъ, 2014), книга в альманахе «Верность и долг - не пустые слова», сборник стихов «Многоточие» («Ъ» Санкт-Петербург 2017).

* * *

В который раз в родимой стороне,
Сошлись два Мира на дорожках узких…
Помилуй, Бог! Мы снова на войне,
Где русские опять стреляют в русских…
Гражданская... Сын, проклятый отцом,
Предстанет поутру перед Всевышним
Защитником Руси, не подлецом,
(И в воинстве Христа не будет лишним,
Презревшим смерть...) Среди лихих годин,
Людская память сохранит страницы
В которых, словно, на холсте картин
Навек застыли даты, судьбы, лица…

* * *

Сводки с фронта душу ранят больно.
Кому — врач, кому — дубовый крест...
Вспомнились твои слова сегодня:
«Нет в Донецке безопасных мест!»

Хладнокровно, нелицеприятно
Всем война устраивает тест,
Собирая жатву плотоядно —
Нет в Донецке безопасных мест...

Коли так — к делам готовясь новым,
Обещаем «доброй воли жест»,
Поминая павших добрым словом...
Нет в Донецке безопасных мест…

«ПЕРВОМУ» *(А.Б. Мозговому)*

Раскисли на Руси дороги,
Вновь дождь кропит земную твердь…
Давным-давно сложил ты строки:
«Неплохо в мае умереть…»
Беда не миновала мимо
Тех мест, где праведным трудом
Предстал над Вечностью незримо
«пророк в Отечестве своём»…

«Здесь Русский дух!» — иных не надо…
Держась на прежнем рубеже
Твоя особая бригада
Вошла в Историю уже,
И потому ты — неподсуден,
Любивший жизнь, презревший смерть,
Поэт, сказавший как-то людям:
«Неплохо в мае умереть…»

ПАСХАЛЬНОЕ

Быль, легенду или, может, сказку —
Что передают из уст в уста
Люди православные на Пасху?
Веру в воскрешение Христа…

В блиндаже среди непокорённых
Библия весомей, чем Устав.
«В этот день Господь
восстал из мёртвых,
Смертию своею смерть поправ…»

Взяв любовь к Отчизне за основу,
Поумерить иноземцев прыть,

Как и ОН, восходим на Голгофу,
Обещая миру: «Будем жить!»

Где, нарушив формы всех эстетик.
Не теряя к жизни интерес,
Я храню надетый мамой крестик
И шепчу: «Воистину воскрес!..»

* * *

Тревогой сердце беспокоя,
Не прекращаю размышлять:
Суть одиночества героя
В том, что нет права выбирать.
Когда Честь к славе безразлична,
Когда Любовь давно не ждёт —
Он, улыбаясь иронично,
Сам совершает шаг вперёд…

Живя на вражеском прицеле
Средь необъявленной войны,
Где чувства, силы на пределе…
И нервы все оголены,
Вновь от воронки до воронки
Ползёт он, голову клоня,
Чтобы, прикрыть собой ребёнка
И вытащить из-под огня…

А завтра с видом несерьёзным
В который раз пойдёт на риск…
И, может, вознесётся к звёздам,
Достав одну на обелиск…
На мраморе под небом тусклым:
«Пускай моя погибнет плоть,
За то, что я родился русским —
Благодарю тебя, Господь!»

* * *

Он, улыбаясь как всегда,
Шутил: «Не надорвитесь, братцы!
Ещё побегаем на танцы,
Касательное — не беда!
Зачем вкололи промедол
Не отошедшему от схватки?
Куда меня на плащ-палатке:
Под крест иль к доктору на стол?
Плесни-ка спирту, старшина,
Да не гляди так недовольно –
Теперь уже почти не больно…
Переживём! Жаль, жизнь одна…»

«Весёлый», с головой в крови,
Шептал: «Легонечко задело…»
А мы его тащили тело,
Молясь беззвучно: «Брат, живи!..»

* * *

В страничках из фотоальбома,
Небрежно брошенных на стол,
Февраль пятнадцатого года —
Война. «Дебальцевский котёл».
Картины прошлого очнулись.
Вновь слышу я, прикрыв глаза,
Стрельбу, лязг техники, стон улиц…
И позабыть уже нельзя
Тот двор, разрушенный из «ГРАДов»,
Где грязный исхудалый пёс
На пепелище ждал хозяев
Не пряча человечьих слёз…

ДВА ДОНЕЦКА
Здесь не ложатся мины
И взрывы не слышны…
Шикарные витрины
Товарами полны.
С детьми гуляют мамы
Укутываясь в мех.
Машины. Рестораны.
Концерты. Диско. Смех…

Здесь нет крест-накрест стёкол
Заклеенных нуждой:
Жизнь в ярком свете окон
Не тронута войной.
А в клёкоте пернатых
Небесных нет угроз.
Нет Жучки на трёх лапах,
Смотрящей как Христос…

Здесь в суете столичной,
Где выходные дни,
Не крестятся привычно:
«Спаси и сохрани!»
И разница столь веска
Меж миром и войной…
Я видел два Донецка,
Но снится — фронтовой…

* * *

Когда, однажды, канув в Лету,
Уйдёт последний ветеран,
Кто нам расскажет про Победу
И непокорный дух славян?
Про полыхающее небо
И бесконечный стон земли?
Про цену жизни? Запах хлеба?
Комбатов, что на смерть вели?
Про «треугольники»? Погоны?
Портянки, сбившиеся с ног?
Штрафные роты? Эшелоны?
Про чуждый Западу Восток?
Про Будапешт, Белград и Прагу?
Про героизм простых солдат?
И что награда «За отвагу»
Бойцу ценней других наград…
Про сахар? Сухари с махоркой?
Чай у подбитого «КВ»?
Нательный крест под гимнастёркой?
О снах в снегу и на траве?
Что рядом с Мужеством —
Сердечность…
Кто вновь спасёт народы стран,
Когда, однажды, канув в Вечность,
Уйдёт последний ветеран?..

ЭТЮД МАЙСКОГО ДНЯ

У рыночной площади звуки фокстрота:
Пришпилив к рубашке Георгия бант,
На низкой скамье средь хмельного народа
Сидел, чуть качаясь, старик-музыкант.

Домашний «первак» — не чета
кальвадосу —
Душа нараспашку: пляс, песни и свист!
Но рюмку налив, прикурив папиросу,
Другое совсем заиграл гармонист.

Мелодии скромной рязанской тальянки
Собрали прохожих в один коллектив,
Когда зазвучал марш
«Прощанье славянки» —
Знакомый старинный военный мотив…

Советские праздники — грустные мысли
Немногих доживших
до нынешних дней…
«Весь пройденный путь мой —
от Волги до Вислы —
Отмечен был гибелью лучших друзей!

Отец пал на Брянском,
а брат на Карельском..
И кум не увидел родное село,
Безвестно пропавший в «кольце»
под Смоленском…
А я возвратился, считай, повезло…

Похлопайте, люди, водителю танка!
Да в такт каблучком, не жалейте сапог!
Споём про «Катюшу»,
отпляшем «Смуглянку»
Поднялся бы с вами, да только
…нет ног…»

* * *

Проходя Судьбы своей дороги,
Задаюсь вопросом: отчего
На Руси поэты — выпивохи?
Пусть не все, но через одного.
Почему, себе года не старя,
Покидают мир сей до поры,
Захлебнувшись в спиртовом угаре,
Вниз летя, как водопад с горы?
С блеском славы, без гроша в кармане,
К Вечности спешат не протрезвев,
Гонят грусть, боль утопив в стакане,
Где душа — пульсирующий нерв…

Пьют они, порой, не потому ли,
Что, сбивая словом чью-то грязь.
Лезут в пекло, ставя грудь под пули,
Даже если жизнь им удалась.
Что тогда уж говорить о горе?
На семь бед — всегда один ответ…
Не жалея нервов, чувств и крови
Дарит людям свой талант поэт
Бескорыстно… Но взметнувшись
к звёздам,
Или оказавшись, вдруг, на дне,
В сотый раз… шутливо и серьёзно
Снова ищет «истину в вине»…

Ирина ЧЕРНИЕНКО
п. Урало-Кавказ, Краснодонский район, ЛНР

Поэт. Прозаик. Публицист.

Работала корреспондентом в газете «Краснодонские вести», научным сотрудником музея «Молодая гвардия», в настоящее время — школьный психолог.

Один из организаторов I поэтического фестиваля «Краснодонские горизонты – 2009».

Печаталась в сборниках литературного объединения «Радуга», ТО СТАН, альманахе МСПУ «Свой вариант», сборниках «Час мужества», «Строки мужества и боли», «Время Донбасса», «За други своя», «Новая Русь» и др. Автор сборника произведений «Слово о Луге», куда вошли стихотворения, проза и публицистика так или иначе связанные с темой малой родины.

ПОГОВОРИЛИ

«Мы проснулись... авианалет!
Грохот, дым и страшно до икоты.
Уничтожен наш родной завод...
Мы остались тупо без работы...»
«Восемь лет, завод клепал войну.
Не пристало *работягам* злиться,
Если совесть спит... за всю страну
Пришло время по утрам молиться»
«...Захищають, ворог не пройде...
Батальоны поднялись стеною...
Москоляки...» и т.п., т.д.
Дальше говорить, увы, не стоит.
Стресс и совесть ныне на весах,
Удивление, гнев, тоска и... страх.
Если совесть заблудилась где-то,
Мир дербаня, превращая в прах,
Тьма желает властвовать над светом.

ЛЕТО 2014

(Отрывок из песни о Луге)

…Песчаный гребень выгнул спину
И, ощетинившись, собрал
Всех витязей в одну дружину,
Чтоб мирно жил и стар, и мал,
Чтоб нечисть подлую отвадить
От хат, колодцев, родников.
На всех дорогах баррикады
Стеной стояли из мешков...
Пора горячая стояла,
По лету плыли смрад и гарь.
Снарядов полчище летало.
Был в чёрных датах календарь.
Что началось — всегда проходит...
Пройдя чистилище побед,
Мы вновь сгребаем, сносим, сводим
Все выжившие «да» и «нет».
И бережно храня былое,
Жизнь вновь наполнит до краёв.
А нам хранить свои устои
И песни майских соловьёв…

В СЕРОЙ ЗОНЕ

«У нас уже тихо сутки...»
Такого ещё не бывало.
Зачем-то бегут минутки,
Свобода иль всё пропало?
За серой полоской
Не слышно разрывов.
Затишье иль зреет буря?
Слёзы бегут и…кровью… и воском...
Небо сегодня хмуро...
Ждать и молиться
Стало не просто
Между... в перерывах...
Жизнь замерла на серой полоске
Ветром — у обрыва...

ВСЁ НАЧАЛОСЬ

Донбасс притих. Всё началось.
И в этом «всё» смешались вдруг
И боль, и гнев, и страх, и злость.
В смертельный круг — и враг, и друг.
Всё началось в февральской день
Смешав «Ура!» со скорбным стоном.
Жизнь поднялась!.. Теперь мишень —
Земля днепровская до Дона!?

ГЕОГРАФИЯ Z

Учу географию. Где Попасная?
У Волновахи жила сестра...
Обстановка на линии очень опасная,
Опасной была она и вчера.
Под Старобельском разбили колонну,
Сняли с флагштока флаг.
Только вот гимн пели не стройно,
Видимо «вільна» следила, — факт.
Кировск свободен? Граница с Донецкой —
Восемь лет клали бетон ...
«Выбьют, — сказала старушка по-детски, —
Не спрячется батальон».
Сёла не наши? Как будто чужие!
Геббельс безмерно рад.
«...Кто оккупанты? Вы же живые!» —
С танка кричал «Камрад»...
«Азов» окружён, и город замер.
Какой же будет исход?
У Мариуполя сито-банер
Кланяется на восток...
Учу географию, по артобстрелам.
Вся Украина в огне.
Ты же сама воевать хотела?..
Мир будто в страшном сне.
Утро (на карте опять продвижение.
Ждут Лисичанск, Рубежное.
Будут сражения, освобождения...)
С верою и надеждою...

ВЕСНА ЖИЗНИ

Ждать и молиться. Молиться и ждать.
Я не военный — мирской человек.
Женское дело любить и рожать,
Жизнь на земле вопреки продолжать...
Падает мартовский снег.
Падает мартовский снег,
Могут вернуться опять холода,
Срезать дерзнувших расти.
Поросль замёрзнет, так было всегда...
Господи милостив, души спаси!
Господи милостив, души спаси,
Дай силу мужества и укрепи
Выполнить долг, защитить сирых, малых.
Тех, кто беснуется, — укроти,
К свету и Богу направь их пути.
Жизнь на земле захромала...
Жизнь на земле захромала.
Первых росточков, увы, не вернуть
С них и начнётся весенний прорыв.
Правила вечной и честной игры
Торят широкий и праведный путь...
Ждать и молиться. Молиться за тех,
Кто, расчищая завалы зимы,
К свету и солнцу толкает из тьмы —
Только вперёд и вверх.

* * *

«С вечера полная тишина,
дождь идёт» в день февральской метели...
А под Киевом ночи без сна...
Говорят, что скворцы прилетели.
У природы особый формат.
В нём есть место глубоких раздумий...
Кто-то в руки берёт автомат.
Рада-зрада... решение думы...
Восемь лет мы никто и нигде!
Моя боль, моё горе — водица!
Отражаются чувства в дожде.
Сколько ж это страдание продлится?
Мир (который не мир) слеп и глух.
Может, горе других на десерт?
...Почему-то обрадовал слух
Птиц весны разудалый концерт...
Началось... лёд, ломаясь, несёт
По речному протоку завалы.
Новый день, новый век настаёт...
...Наконец за людей нас признали...

* * *

Выжить любой ценой!
Где ты шальная идея?
Между тобой и мной
«может…», «боюсь…»,
«не смею…»
Цены взлетают — взрыв.
Пыль и осколков валом.
В поле морщины-рвы…
Крови и стонов — мало?!
Солнце скатилось вниз.
Выжить? Уснуть навеки?
Льются с промокших ресниц
Боли и страха реки…

Оксана ЕГОРЦЕВА
г. Горловка, ДНР

Лауреат региональной премии имени Олега Герасимова, а также нескольких конкурсов и фестивалей. Публиковалась в периодических изданиях Украины, России, Белоруссии и Австралии. Автор поэтических сборников «Багряная осень», «ПРО100», «В_ДОХ» и книжки для детей «Радуга». Является членом литературного объединения «Забой», ответственным секретарём ЛитО авторов Донбасса «Стражи весны» и Горловского отделения Межрегионального союза писателей.

* * *

Летит снаряд… И в воздухе дрожит
Натянутой струною чья-то жизнь.
Мгновенье – и оглохла тишина,
И мир оглох – у нас война! Война!
Безбожно врут и СМИ, и интернет:
«Войны, конечно, на Донбассе нет…»
Тогда куда вновь «скорые» спешат?
И чей солдат в прицеле «калаша»?
Не наигрался в детстве он в войну?
Верните мир! Верните тишину!
Летит снаряд… Судьба неумолима:
Весь мир оглох – а мы кричим, что живы!

* * *

Опять ночные канонады...
Душа от грохота устала!
Лежу и слушаю снаряды,
А рядом дочка шепчет: «Мама,
Укрой меня, — я укрываю. —
Мне страшно, мама, обними...»
Её собою накрываю —
Продлятся сколько эти дни?..

ДУША

Заглядывая мне в глаза,
Спросила дочка мудро:
— Что у тебя болит? — Душа!
— А где она? — Повсюду!
Она во взмахе птичьих крыл,
В рассвете над домами,
В густом тумане, что укрыл
Наш город под дождями.
Она живёт в груди, вот здесь.
— Скажи, она большая?
— Большая. Очень. До небес,
Где ангелы летают…

* * *

Перестали стрелять —
перестала писать о войне.
Тишина... Здесь она
состоит из секунд и мгновений.
На минуту — затишье... Удар!
И относит к стене...
За ночь сотни смертей
и чуть меньше уже воскрешений.

Каждый раз умираешь,
лишь шорох и свист услыхав.
К сожалению, снова война
и она не во сне,
каждый взрыв душу рвёт,
рикошетом по сердцу попав...

Перестали стрелять...
Перестану писать о войне?

ЗАПАХ ЛАДАНА

В чистом воздухе пахнет ладаном,
Умоляю тебя, а надо ли?
У тебя душа – вся наростами,
Разошлись с тобой перекрёстками.
Может, к лучшему всё случается?
Нам бы в храм пойти да покаяться.
За тебя попрошу прощения,
Замолю твои прегрешения,
Отпущу тебя на все стороны,
Из груди вся боль — чёрным вороном…
Поняла душа, успокоилась,
И хорошее всё утроилось,
В Лету канули муки адовы,
Только руки вот пахнут ладаном.

Людмила ГОНТАРЕВА
г.Краснодон, ЛНР

Главный редактор альманаха «Территория слова».

Можно ли с точностью определить, какое твоё стихотворение о войне, а какое нет? Вот уже восемь лет все мы живём в состоянии войны. Восемь лет — между прошлым и будущим, между реальностью и неопределённостью. Какими бы ни были первые строки стихотворения, впоследствии всё съезжает к военной теме. О чём бы ни звучало стихотворение — о природе, о любви, о вере и надежде — всё это о войне. Пока не исцелился мир, стоит ли говорить о собственном душевном равновесии?

Недавно меня попросили сделать подборку стихотворений о новой войне. Разве она новая? Это продолжение трагедии, начавшейся в 2014 году. Поэтому всё написанное ранее, увы, актуально до сих пор.

За несколько лет до 2014-го у многих поэтов Донбасса тема войны витала в произведениях, очень даже гармонично вплетаясь в канву практически любого стихотворения. Поэты они такие, тонкостенные. Очень хочется ощутить приближение мира. Очень хочется…

Произведения 2014-2022 г.

* * *

Эти умные мальчики с крепким словарным запасом,
что бесстрашно в атаку рвутся всем смертям / всем чертям назло…
На груди — Че Гевара, в наушниках — «Сектор газа».
Пуля-дура — понятно: случайно опять повезло.

А затем — ренессанс тоски и триумф бессонниц.
Безутешной рыбой становится вдруг песок.
Ни елейный тон, ни надрывный хор богомолиц
не уменьшат боли. И снова вишневый сок

на седом снегу. И опять беспощадна память
для солдат, что в небесном / земном строю своем до конца.
На ладони — жизнь. Остается взлетать иль падать,
погружаясь в облако страсти / печали /
забвения / веры / свинца…

* * *

Мне снился сон: зима, босые ноги,
расхристанный ветрами Петербург;
там вечный снег разлегся на дороге…
Дом, лестница, перила, небо… Вдруг —
я вниз гляжу. А там — дворы-колодцы;
и стук копыт, и Невский — за углом…

Который год — январь, и нету солнца.
И в битве столько наших полегло
за золото сентябрьского разлива,
за звонкую весеннюю капель…
Я календарь листаю торопливо:
зима, зима, зима… забыт апрель —
расстрелян был в октябрьском переулке.
Я вниз смотрю. Я вижу сон: разбит
весь механизм часов. И только гулкий
на колокольне звон… Спас — на крови…
Легчайшим перышком на землю — время…
Морозный воздух чист и невесом…
Слова молитвы снегопад прогрели —
возможно, будет март… Мне снился сон.

* * *

Это словно кино, как в больном сне —
опоили дурманом нас по весне.
Ну а летом кровавые звезды в ряд
в карауле над городом нашим стоят.

А в полях окопы — шрамом на лицо…
Не послать любимому письмецо.
Сколько километров путь из рая в ад?..
Во степи солдаты без имен лежат.

Танки в Интернете, танки за окном.
Как конструктор «Лего»,
вдруг сложился дом.
По подвалу ходит старый мудрый кот:
в самом безопасном месте он живет.

Город мой контужен, город мой устал…
Кто бы нам страницы эти пролистал…
Но писать спокойно мы обречены
хронику ненужной непростой войны.

* * *

Кто-то новые с радостью носит ботинки,
кто-то упорно копит на пальто…
У Донбасса в сердце сегодня льдинки,
наш Донбасс уютный уже не тот.

От ночного бденья устали веки.
Мы теряем в спорах своих друзей.
Если это истории новой вехи,
значит, каждое утро — большой музей,

где еще находим по телефону
самые близкие голоса,
где молиться нужно родному дому,
что от слез вытирает тебе глаза…

Кто-то очень жестоко размазал кашу
по тарелке времени и в умах.
Наш донбасский уголь — это не сажа.
Здесь — суров характер и велик размах!

Здесь степное поле и свободный ветер.
Здесь крепка и водка, и надежды нить…
Мы с тобой, товарищ, за беду в ответе,
и за счастье тоже по счетам платить…

Только будет утро, и наступит вечер.
Сосчитает небо всех своих бойцов.
Но уже не верим фразе «время лечит»,
ведь над степью радуга
ранена свинцом….

* * *

Бог призвал к себе солдата
неоконченной войны.
Снова пламенем объяты
города родной страны.

И солдат в строю, как прежде.
Бьётся с нечистью лихой.
Пусть снаряды воздух режут
свистом на передовой.

Не готов он был к покою
на перинах-облаках.
Как всегда, с бедой земною
он сражается в веках.

У солдата до Победы —
лишь последний, трудный бой.
А потом — накроет небо,
и по радуге — домой.

* * *

Я вижу души над душным городом;
и мы меж ними — беспечно молоды.
…Внезапно стали земною пылью,
чтобы воскреснуть ковром ковыльным —
в Господних красках и дивных образах —
рекою, птицей, пшеничным колосом.
Наверно, это для всех был выход:
не стать толпою, что бьётся лихо,
что посылает проклятья злобно,
уничтожая себе подобных.
Мы войском тёмным уже не станем —
затея страшная и пустая.
…Внося в историю дни лихие,
нас вспомнят коротко: «…и другие».

* * *

Нас и для круглого стола
уже остались единицы.
В корзине времени — страна.
На кон поставлены столицы,
станицы и страницы книг —
успеть бы написать… Кто знает,
что впереди: минута — миг —
час — выдох — вдох — морозы в мае —
дожди январские — печаль —
закат — рассвет — портрет на полке?...
И как ни вглядывайся вдаль —
лишь контролер и остановки…
Знакомый, но чужой маршрут.
Привычна боль из ниоткуда.
В который раз куранты бьют.
Растут герои и иуды.
Кругами память по воде
расходится. Дрожат ресницы.
Успеть посеять рожь к среде,
чтоб осенью тебе присниться.
Успеть вскопать весь огород —
с картошкой мы перезимуем…
А там и время подойдёт
твоим февральским поцелуям.

* * *

Ветер рвет провода,
с крыш летит черепица,
и скрывает вода
наших улиц границы.

Над степным городком
собирается лихо.
В зазеркалье окон
напряженно и тихо.

Надвигается сушь,
невзирая на грозы.
Мясорубка из душ
на пределе угрозы.

На прицеле — покой,
не задавшийся, в общем.
Мы уходим в запой,
не куем и не ропщем,

и не мелем зерно,
не читаем молитвы…
Мы попали в сезон
мировой шоу-битвы.

* * *

Лечь в траву и закрыть глаза.
Вжаться раной открытой в почву.
Снились алые паруса.
Оказалось — земля кровоточит.

Тих Господь… Только он с креста
видел мир без прикрас и фальши.
Ветер уксусом жег уста,
шли иуды победным маршем.

Сквозь меня прорастет трава.
Мир с войною в хмельном застолье.
Мы теряем в бою слова,
чтоб разлиться немою болью…

«Предчувствие войны»
Произведения, написанные до 2014 года

* * *

Нас расстреляют уже на рассвете.
Волосы треплет слепящий ветер.
День будет тих и пронзительно светел
в этом квадрате, на этой планете.

Вдруг на осколки порвутся струны,
на серых скалах проступят руны,
и поспешим мы по рельсам чугунным
в край, где ацтеки, древляне, гунны.

Алые маки покроют футболки.
Холод почуяв, завоют волки.
Киллер ружьё зачехлит втихомолку
и поспешит на свою остановку.

Эти мгновенья взорвут экраны.
Мы растревожим квартиры, как раны,
где-то меж роликами рекламы
в рамках программы, не очень рано.

Зритель безмолвный за всё в ответе
крика молчанья, увы, не заметит,
качество съёмки, сюжет отметит,
сетуя вслух — у экранов дети.

И не поверив, что всё случилось,
что бесконечность в зрачок просочилась,
примем объятья листвы, словно милость,
падая в осень, что детству снилась.

Крылья к вискам тишиной прикоснутся,
звоном тяжёлым разбитого блюдца.
… Надо успеть на шаги обернуться,
чтобы проснуться, проснуться, проснуться…

* * *

Остаётся всего лишь молиться и ждать,
что метель не собьёт нас с дороги.
Опускается снег на зеркальную гладь,
словно конь на усталые ноги.

Раскололось стекло, и растрескались дни —
ни к чему фолианты столетий.
Снова цирк «Шапито» зажигает огни,
за столом наливают по третьей…

А в мышиной стране
в шесть-пятнадцать подъём.
Бутерброд, сонный чай — и на службу.
…За отвагу и смелость шестую нальём,
а седьмую, восьмую — за дружбу…

Всё метель и метель —
прячь под шапкой глаза,
прячь улыбку, и чувства, и муку.
Заметает зима запредельное «за»,
колыбеля печаль и разлуку.

Остаётся искать эту тонкую грань.
Сумасшествие… Сумрак… Расплата…
Снова Книгу всех книг
не спеша пролистай
от эпиграфа — и до заката.

Сердце бьётся о лёд — значит,
будет весна,
хлынут ливни из скважин замочных.
И полковник дождётся из дома письма,
чтоб читать его вслух между строчек.

Остаётся всего лишь молиться и жить,
свято веруя — время излечит…
Но пульсирует Вечности тонкая нить
неподкупно, бесстрастно, беспечно…

* * *

Там — за углом — бомбежка.
Вышел из дома — ночь.
Где-то в душе окошко:
робкий призыв помочь
сирым и беспросветным,
отверженным и слепым.
На слово сегодня — вето,
от пламени сердца — дым
остался. Блуждает Данко
с беспомощным угольком
по городам-полустанкам.
Порыв его не знаком
ни близким и ни далеким,
ни осенью, ни зимой.
Грозят пустотою строки
с позиции огневой.
Над территорией слова
дождь бесполезный шел —
не грустный и не веселый
безвременья грубый шов.
Где вы, озимые строки,
пышная всходов речь,
тонкая мудрость Востока,
гудящая прозы печь?
Громких томов — пустыня.
И только молчанье — вверх
взмывает. Но небо стынет
и сеет бумажный снег.

Валентина ЧИЗМАР
г.Нови Сад, Сербия

Поэтесса. Доктор философии.

Помимо научно-исследовательской работы, работ по современной философии, на эстетические, этические, религиозные и политические темы, занимается литературной и художественной критикой.

Опубликовала четыре книги: «Ницше и аффирмация жизни» (2010), сборник стихов в переводе с сербского на русинский язык «Нитки бытия» (2010), сборник эссе «Путешествие через миры: философские очерки» (2013) и сборник стихов «Сети бытия» (2017). Готовится к печати философская монография «Мысль в вере и мысль в воле: иррационалистическая антропология Кьеркегора и Ницше».

МЫСЛИ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА О ТВОРЧЕСТВЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

Почему в наше время важно думать о смысле и сущности творения, творческой особенности человека как о его божественной силе, т.е. о том, что он может творить как источник, к которому нужно вернуться, чтобы преодолеть кризис духовного мира, который его окружает? Именно потому, что развитие техники в эпоху информации обеспечивает ограниченные модули для соответствия различным смыслам целого мира, а с ее позитивизмом и прагматизмом анти-спиритизм движется в направлении вытеснения осознания необходимости духовного развития человека. Ответ на этот вопрос кроется еще дальше в том, что в 19-м и 20-м веках, а затем и в 21-м веках происходит кризис творчества, который, помимо других мыслителей, заметил русский философ Николай Бардяев (Николай Александрович Бердяев, 1874-1948). Если мы оглянемся на предыдущие века, то увидим, что Греция выделялась своими творческими усилиями в достижении гармонии материи и формы, т.е. реализуя форму классицизма в литературе, философии, скульптуре и т. д., чтобы античный дух творчества впоследствии испытал новое подтверждение в эпоху Возрождения. Ренессанс, напротив, объединил языческие и христианские принципы, поэтому его творчество раскололось между двумя мирами (Н. Бердяев, Смысл творчества, Белград, Логос, 2014, стр. 202).

Средневековье, в свою очередь, требовало, чтобы творение подчинялось закону искупления, веря, что истинная красота может быть реализована только в другом мире, где творение не существует ради него самого. Это подчинение также проявляется в реализме, который, в отличие от христианского искусства, подчиняется только зримой действительности, земной действительности. Но такая форма творчества, по словам Бердяева, душит творческие порывы. Потому что «творческий акт — это смелый прорыв из этого мира в мир красоты. Художник считает, что «красота реальнее извращенности этого мира» (Н. Бердяев, Смысл творчества, Белград, Логос, 2014, стр. 208). Вера в силу и творческую человеческую природу у Бердяева приобретает религиозный смысл. Он связывает христианское представление о Христе с человеческим творением, счи-

тая, что эта связь становится возможной, когда человек ориентируется на образ Христа, не как на жертву и мученика (когда он подчиняется религиозной идее искупления), а на идею возвращения Христа в образе славы и силы. Именно через такое представление раскрывается творческая тайна бытия, считает Бердяев: «Христос Грядущий никогда не явится тем, которые сами в себе свободным усилием не раскроют иного, творческого образа человека. Лишь подвиг свободного творчества обратит человека к Христу Грядущему, подготовит к видению иного образа Абсолютного Человека. И если для искупления нужно великое послушание, то для творчества нужно великое дерзновение. Лишь великим дерзновением можно узреть Христа Грядущего. В духе послушания навеки будет виден лишь Христос Распятый, лишь аспект Искупителя. Нужна жертва дерзновения, подвиг решимости оттолкнуться от всех безопасных берегов. Нужна добродетель небезопасного положения, способность бесстрашно стать над бездной». (Н. Бердяев, Смысл творчества, Белград, Логос, 2014, стр. 91).

Эта трансформация человека, по Бердяеву, должна произойти внутри человека, чтобы поддержать представление о Боге как Творце и раскрыть, что целью религиозного опыта является христианство (которое не дано только в молитве, аскезе, покаянии, посте) на самом деле концентрируется в религиозном смысле творчества, которое раскроет творческую тайну человека, говорит русский философ. Это будет последнее откровение св. Троицы, когда человеческая природа утвердится в своей божественности, утвердившись как творческая природа. Бердяевская картина творческого начала в человеке на самом деле указывает на его трансцендентную основу, которая находится в Боге-Творце, ибо творческое начало исходит из творческой линии Творца как сущностного признака, запечатленного в каждом материальном существе. Таким образом, с онтологической точки зрения мир создан, как говорит Бердяев, не только «как творение, но и как творческая сущность. В действительности отражается образ и подобие Творца, то есть в самом творении есть творцы. Творческая природа была бы противоположна творческой природе, если бы не имела образа и подобия Творца» (Н. Бердяев, Смысл Творчества, Белград, Логос, 2014, с. 111). Для Бердяева творение также относится к человеческой личности как к тому, что должно быть создано, и это творение происходит в общении с Творцом, Богом, и представляет собой путь свободы. Это вопрос выбора, потому что человек есть существо, принадлежащее двум мирам: «Человек есть одно из явлений этого мира, одна из вещей в их естественном круговом движении; и человек выходит за пределы этого мира как образ и подобие абсолютного существа и превосходит все вещи природного порядка», — указывает Бердяев, подтверждая мысль многих философов о том, что человек есть существо разделенное и противоречивое, одновременно скованное и свободное, и только через свободу определяет себя изнутри (России), вне навязанной детерминации внешнего мира.

Мирьяна МАРКОВИЧ
г. Сремска-Митровица, Сербия

Президент Литературного сообщества Сремска-Митровицы, член Совета директоров Союза писателей Воеводины. Магистр истории и политологии, специалист по политическим партиям и выборам.

Автор 9 поэтических сборников. Стихотворения переведены на множество языков: немецкий, турецкий, английский, шведский, французский, болгарский, японский, русинский, русский, португальский, бенгальский, цыганский и урду.

СИЛЬНЫЕ ЖЕНЩИНЫ ЛЮБОВЬЮ ВЕЩАЮТ
МОЋНЕ ЖЕНЕ ЉУБАВЉУ ЗБОРЕ

РУСИЈО МАЈКО
Где год да одем
осветљаваш мој дан
и моју ноћ,
калдрме
светске теби ме воде,
загрљај твој, моја је моћ.
У трену осаме
заблисташ у оку,
к′о златник у шкрињи
што се од давнина скрива,
у мени степа
као Дон зажубори
и видим Москву
како ме дозива.
И тад, могу само,
за све нас,
љубављу
да ти зборим,
Русијо мајко,
ко чедо те волим.

РОССИЯ-МАТУШКА
Куда ни пойду —
озаряешь мой день
и мою ночь,
мостовые мира
к тебе меня ведут,
объятья твои — моя мощь!
В момент одиночества
Блеснёшь в глазу,
как золотой в сундуке,
он там давным-давно был скрыт,
и вдруг — степь моя,
как Дон забурлит
и я вижу Москву,
что меня так манит.
И тогда лишь смогу
о всех нас
любовью
вещать,
Россия-Матушка,
я — твой ребёнок, нам связь не прервать!

ОЛГА КИЈЕВСКА
(890-969)
Охола, Олга прекрасна,
гради свет
од вере
и крст златни љуби,
славећи
Христово име,
к′о птица
што пева о слободи.

ОЛЬГА КИЕВСКАЯ
(890-969)
Суровая Ольга, прекрасная,
возводит мир
из Веры,
и крест золотой целует,
прославляя
Христа имя,
как птица,
что поёт о свободе.

КАТАРИНА ВЕЛИКА
(1729-1796)
Семирамидо севера,
Русији речима Европу
раздањујеш,
љубав те води
у одаје
безвремености
где
уписујеш
златно доба своје царевине.

МАРИНА ЦВЕТАЈЕВА
(1892-1941)
С′ кофером
од снова,
у потрази за уточиштем
од немила до недрага
поезија
ти беше
домовина,
породица
и пријатељ драг.
Неко је од камена,
неко сребрним сјајем плени,
а ти беше од издаје,
Марина,
слична
варљивој морској пени.

АНА АХМАТОВА
(1889-1966)
Краљица Неве
уронила
у реку поезије
тражећи
уточиште и спас
за речи
што се чворовима
вежу
у стихозборје
које,
у такту балалајке
милује илузије револуционара
у ноћи
узаврелог октобра.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ
(1729-1796)
Семирамида Севера,
России словами Европу
приближаешь,
любовь тебя ведёт
в плен
вечности,
куда
вписываешь
Золотой век своего царствования.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА
(1892-1941)
С чемоданом
мечтаний,
в поисках убежища
от немилого к нелюбимому,
поэзия
для тебя
стала
домом,
семьёй
и другом незримым.
Кто-то сделан из камня,
кто-то серебряным блеском пленяет,
а ты была сделана из измен,
Марина,
из обманчивой пены морской, так бывает...

АННА АХМАТОВА
(1889-1966)
Королева Невы
погрузилась
в реку поэзии
в поисках
убежища и спасения
для слов,
что узелками
связываются
в стихи,
которые
в такт балалайке
ласкают иллюзии революционеров
в ночи
кипящего Октября.

ЗИНАИДА СЕРЕБРЈАКОВА
(1884-1967)
Од туге
слике се нижу
у безброј пастелних боја,
сликајући то небо
што све види
и кад је ноћ
и кад је дан,
Зинаида Серебрјакова
урања у париско плаво,
жудећи
за срећом
која беше само варљиви сан.

ЗИНАИДА СЕРЕБРЯКОВА
(1884-1967)
От тоски
картины нижутся
на бесконечность пастельных цветов,
рисуя это небо,
что всё видит;
и когда ночь,
и когда день,
Зинаида Серебрякова
погружается в парижскую синеву,
спеша
за счастьем,
которое было просто обманчивым сном.

СОФИЈА КОВАЉЕВСКА
(1850-1891)
Одважно и смело
следећи пут бројева
и задатака
које си
с лакоћом решила,
бришући
сумње
оних, што друго умети нису знали.
Путем од ружа и трња
иду само одабрани.
Софија Коваљевска
на понос свог рода
законе мења,
да члан Академије
може бити и жена.

СОФЬЯ КОВАЛЕВСКАЯ
(1850-1891)
Отважно и смело,
следуя путём чисел
и задач, которые ты
с легкостью решала,
стирая
сомнения
тех, кто ничего другого не знал,
шла дорогой роз и шипов,
по которой идут только избранные.
Софья Ковалевская,
к гордости своего рода,
закон изменила так,
что членом Академии
смогла стать и женщина!

АНА ПАВЛОВНА ПАВЛОВА
(1881-1931)
Лабуд сам тужни
што плеше плес смрти
у загрљају сенки,
трагам
за парчетом среће
на врховима
снова и маште,
јер
тамо је тај свет
који
ме силовито мами.

АННА ПАВЛОВА
(1881-1931)
Я — лебедь грустный,
танцующий танец смерти
в объятьях тени,
ищущий
частички счастья
на вершинах
снов и воображения,
потому что
там есть тот мир,
что так
меня сильно манит.

МАРИЈА СКОБЦОВА
(1891-1945)
Марија,
уточиште
бегунцима беспућа и очаја,
зрно наде
уз шољицу топлог чаја руже Прованс,
док о Достојевском
усне јој зборе,
она верује
да постоји неки бољи свет.

ИРИНА НЕПОКОЈЧИЦКАЈА
(1909-1948)
Отаџбино моја,
жудим за твојим крилом,
странкиња сам
и самој себи страна,
принцезу Тиберијеву
у сновима призивам
док сузама
дарујем
камени цвет
граду,
који је вреднији од цареве кћери.

МАРИНА ОЛЕЊИНА
(1897-1963)
Ноћ
грли град,
шкрипе кораци,
јаук балерине,
стопало
у снегу,
отужно јутро,
укус горчине,
рука узима
вајарско длето
у жељи
да
уметност
однесе победу
над
хиром
лудила!

МАРИЯ СКОБЦОВА (МАТЬ МАРИЯ)
(1891-1945)
Мария,
пристанище
беглецов потерянных и отчаявшихся,
крупица надежды
с чашечкой тёплого чая из роз Прованса,
и, пока о Достоевском
её уста вещают,
она верит,
что существует где-то лучший мир.

ИРИНА НЕПОКОЙЧИЦКАЯ
(1909-1948)
Отчизна моя,
по объятьям твоим скучаю,
я — иностранка
и самой себе я чужая,
принцессу Тиберия
во снах призываю,
в слезах
дарю
каменный цветок
городу,
что ценнее дочери царской.

МАРИНА ОЛЕНИНА
(балерина и хореограф Белградского Национального театра)
(1897-1963)
Ночь
обнимает город,
скрипят шаги,
стон балерины,
стопа
в снегу,
грустное утро,
горечи вкус,
рука берёт
скульптура долото,
желая,
чтобы
искусство
одержало победу
над
прихотью
безумия!

ВАЛЕНТИНА ТЕРЕШКОВА
(1937-)
Владарка свемира
открива
тај чудесни свет
који у своја
пространства
призива
одабране
док
јој венама
тече
Волга
и њено
Јарославље.

Ирина РОДНИНА
(1949-)
С лакоћом
осваја
ледени брег
доказујући
да немогуће не постоји
само, ако
се довољно жели.
Снагом љубави
пали
пламен победе
којим
Русију слави.

КНЯГИНЯ СЕРБСКАЯ
Распалось всё сербское
на кусочки,
вожди дальше себя не видят,
проклятье
разъедает всё сильней.

Стоишь гордая,
окаменевшая.

Нужно по крупицам всё собрать
для нового начала,
защитить
потерянное давно.

Миг — это вечность,
княгиня сербская.
Сила любви твоей через века вещает,
мука, княгиня,
ты сама в неволе.

ВАЛЕНТИНА ТЕРЕШКОВА
(1937)
Властительница Вселенной
открывает
тот чудесный мир,
который в свои
пространства
призывает
избранных,
а
по её венам
течёт
Волга
и её
Ярославль.

ИРИНА РОДНИНА
(1949)
С лёгкостью
осваивает
ледяные берега,
доказывая,
что нет невозможного,
если имеешь
желание сильное.
Силой любви
зажигает
пламя победы,
которым
Россию славит!

КНЕГИЊО СЕРБСКА
Расуло се сербско
на комате,
великаши од себе не видеше даље,
проклетство
нагриза све јаче.

Стојиш горда,
окамењена.

Сакупити прашину ништавила треба
у нови почетак,
одбранити
изгубљено давно.

Трен је вечност кнегињо сербска.

Снага љубави твоје вековно збори,
мука је кнегињо,
сама си у невољи.

ЕЛЕНА АНЖУЙСКАЯ
(1236-1314)
Тяжёлое время в долину сошло,
и все мои ожидания и надежды
стремятся в утро,
что запахом сирени дурманит.
Каждое слово
в книгохранилищах
о нашем существовании
от Строймира и Гойника,
в золотой вязи памяти сохранила.

СИМОНИДА НЕМАНИЧ
(1294-1345)
Во имя мира
на алтарь
возложили меня,
и стала я Милутиновой верной любовью.
Пусть молодость моя
завещает поколениям
прославлять
светородное имя Неманича.

КНЯГИНЯ МИЛИЦА ХРЕБЕЛЬЯНОВИЧ
(1335-1405)
Я, крепость живая,
которую воздвигли
в тяжелейший момент
сербского существования.
Лазарь мне завет оставил:
защищать от раскола,
как зеницу ока своего,
сербскую державу и сербский род.

МОНАХИНЯ ЕФИМИЯ —
ЕЛЕНА МРНЯВЧЕВИЧ
(около 1350 — после 1405)
Слово моё омывает
золотой нитью
голову Лазаря,
в саду пионов,
венцом мученика
его венчая, к Богу его вознося.
И каждый стих мой
остаётся тем,
кто верит, что любовь
выше всех зол!

ЈЕЛЕНА АНЖУЈСКА
(1236-1314)
Тегобно време у долину уливам
и све моје слутње и надања,
вапим за јутром што
мирисом јоргована опија.
Свако слово
што у књигохранилиштима
од Стројимира и Гојника наше постање
у златовез сећања похрањује.

СИМОНИДА НЕМАЊИЋ
(1294-1345)
У име мира
на олтар
положише мене
и постах Милутинова верна љуба.
Нек младост моја
заветује поколења
да прослављају
светородно име Немањића.

КНЕГИЊА МИЛИЦА ХРЕБЕЉАНОВИЋ
(1335-1405)
Бедем сам живи
што велмоштво збира
у трену најтежем
српског постања.
Лазар ми аманет остави
од расула да браним
ко зеницу ока свога
српску државу и српски род.

МОНАХИЊА ЈЕФИМИЈА —
ЈЕЛЕНА МРЊАВЧЕВИЋ
(око 1350 — после 1405)
Реч ми умива
златном нити
главу Лазареву,
у башти божура
га венцем
мученика овенчавајући
што се к Богу успиње.
И сваки стих мој
остаје онима
који верују да је љубав
изнад зала свих.

Дивна БИЕЛИЧ
г. Нови Сад, Сербия

Член Союза писателей Сербии, Союза писателей Воеводины и почетный член Союза писателей Белграда.

Окончила Педагогическую академию в Нови-Саде, педагогический факультет в Сомборе и получила степень магистра на Факультете политических наук (кафедра социологии культуры, коммуникации и журналистики) в Белграде.

Работала журналистом, ведущей и педагогом. Является автором образовательно-художественной программы «Буратино и Калимерка».
Основатель ассоциации «Творческое общество Панония» 2015 г

.

АФОРИЗМЫ

*

Всякому воскресению предшествует распятие.

*

Если бы Ева знала, насколько полезны яблоки, точно бы не стала делиться со своим спутником.

*

Если бы в патриархальности не было бреши, Кларе Цеткин не было бы куда влезть.

*

И так Бог сотворил обезьяну, а она вышла из-под контроля.

*

Белое Поле – самая светлая точка Черногории.

*

Любовь творит чудеса. Ненависть – чудовищ!

*

Сербы стали сверхъестественными существами. Всё ещё существуют.

*

Мир не может измениться, ведь все мнят себя совершенными.

*

Пригожая жена как революция. Кто-то бы и хотел увлечь её за собой, но – не хватает храбрости.

*

Народные пословицы не всегда точны. Как и народ.

*

В светлое будущее более других веруют те, кому и сейчас неплохо.

*

Из-за политической сцены театр теряет своего зрителя.

Перевод Павла Тихомирова.

Веселинка СТОЙКОВИЧ
г.Вранье, Сербия

Поэт, прозаик, эссеист, переводчик, краевед.

Произведения публиковались в газетах, журналах, сборниках, антологиях, альманахах, на интернет-порталах; были переведены на русский язык, французский, немецкий, английский, венгерский, испанский, португальский, литовский, польский, словенский, македонский, болгарский, румынский, цыганский, узбекский…

Имеет награды: в Сербии, Македонии, Болгарии, России, Франции. Автор 12 опубликованных книг.

СЕРБИЯ

Сербия —
Земля свободолюбивая,
Земля тысячелетняя.

Сербия — земля дубов, земля великанов,
Голубых волн, горных водопадов,
Широких равнин, золотых хлебов,
Чистых рек, жемчужных озёр,
Судоходных вод, рыбных промыслов.
Сосны и ели, красивые пейзажи,
Ясень и бук, лань и волк,
Фиалки и пионы, ласточки и соколы,
Месяц и звёзды,
всевозможные нашествия,
Земля страданий, земля воинов,
Ночные закаты и рассветы.

Сербия — очаг вечной силы,
Порог дома, точёный камень,
Старость гордых, столпы дома,
Мать и отец смотрели в небеса,
Ребята суровые, ловкие, горячие,
Девушки чудные, стройные, гордые,
Дети — любители весёлых игр.
Пахари и землекопы, косари и жнецы,
Вечный календарь счастливых дат.
Земля великанов, земля мельниц,
Мельники, пекари, гончары, кочегары,
Плотники, маляры, лодочники, ювелиры.
Жара и лунный свет, дождь, снег и бури,
Белые стада и пастбища, ульи и сады,
Арбузы, зоны отдыха, поля конопли,
Фасоль и капуста, картошка и перец,
Вишни, сливы, виноград, яблоки и айва,
Лук и грецкие орехи, каштаны и фундук,
Хлеб и торты, праздничные свечи и калачи,
Всевозможные виды сыров и зелени,
Пряжа и плетенье, ткацкие станки
и коврики,
Перевозки и заводилы,
свадьбы и поселения,
Сербия родная благородная,
Сербия священная.

Сербия — алфавиты вечности,
молитвы милосердия,
Древние пирамиды, светлые храмы,
Небесные своды, судостроители,
Широкие мосты, высокие башни,
Колодцы и лебёдки, водоёмы и фонтаны,
Древние книги посвящений,
Сербия славная, православная.

Сербия — великие умы, белые дороги,
Земля свободолюбивая, первозданная,
Сербия гордая, Сербия дерзкая,
Теслианская.

КОЛОКОЛА

Ты слышишь звон колоколов
Воскресным утром,
Этим утром.

И шелест шёлковый шагов
Ты понимаешь
Этим утром.

Покой источников души,
Ты вспоминаешь
Этим утром.

И вздохи тяжкие часов,
Мои, ты знаешь
Этим утром.

И крики сердца моего,
Что стонет, слышишь
Этим утром.

Застыла боль в моих глазах,
Её ты видишь
Этим утром.

Ты слышишь звон колоколов
Воскресным утром,
Этим утром.
Перевод Светланы Пригоцкой.

ДОМ МОЙ

Куда ни пойду, на каждом шагу ты,
Куда ни взгляну, везде ты,
Запою ли, в песне моей ты,
Тост подниму ли, в вине моём ты,
В пляску пойду ли, в каждом движении ты,
Возникнет ли мысль, в ней ты, дом мой.

За плугом ли иду, в борозде ты,
Косой ли взмахну, в покосе ты,
Кирпич ли кладу, кирпич ты,
Перо ли возьму, пушинка ты.
На берегу когда стою, покой ты мой,
В воду когда нырну, с тобой плыву,
Корабль ли меня понесёт, ты тот корабль,
Мечтаю ли, мечта ты моя.
Сникнет ли луч, ты это, дом мой,
В небо звёздное когда лечу,
в душе ты моей,
Солнышко когда мне махнёт, это ты,
Луна когда вздохнёт, это ты,
Звезды ясные вокруг меня,
когда помнишь ты,
Дом мой, это ты.
Птица когда запоёт, голос её твой,
Цветок, когда ароматом дохнет,
сад это твой,
Дерево, когда мне прохладу даёт, это ты.
Камень крепок, основы камень,
это ты, дом мой.
Пшеница и кукуруза, и луга, и огороды,
Сады и виноградники, лесные тропы
Урожаем когда набрякнут,
заскрипят колёса,
Закрома наполнятся, дом мой...
Горы когда расцветут и реки
И стада по ним...
а тополя шелестят, шелестят
Ты это, дом мой.
И в храме колокол звонит...
Начнётся ли дождь, придут ли снега,
Дом мой, заблестят дороги,
Наполнятся колодцы —
плачу я от радости,
От надежды, всё во мне поёт...
И обнимаю я мир, обнимаю, обнимаю,
Дом мой, а ты! — сердце ты его,
Сердце ты моё!

Куда ни пойду, в глазах ты моих,
О чем ни подумаю, в мысли ты моей,
Пою ли, тебе пою,
Слеза ли побежит, то ты,
Люблю ли, в любви ты моей,
Верую ли, вера ты моя,
Радуюсь ли, радость ты моя,
Во всех солнцах небесных ты мне поёшь,
Приветствую ли, тебя приветствую:
Здравствуй, дом мой!

И всё во мне поёт...
И обнимаю я весь мир,
обнимаю, обнимаю —
Дом мой, а ты! — сердце ты его,
Сердце ты моё!

СМИЛУЙСЯ, ГОСПОДИ

Смилуйся, Господи,
Усмири народы.
Вразуми нас, Господи!
Человек человеку да будет Человек!
А Земля милой и единой!

Ты и Мы — едины!
Всё, что видишь,
И чувствуешь, и руками трогаешь,
И ногами меришь,
Всё, что Солнце милует,
Что луна со звездами даруют,
Для нас сотворено,
Для всех сотворено.
Пусть так и будет —
Едино, одно для Тебя и Меня,
Пусть всегда будет с Тобой и со Мной
На века!
С Господом единым
В мире и Любви!
Вечны!
Перевод Софьи Измайловой.

Дионисий-Деян НИКОЛИЧ
г.Белград, Сербия

Поэт, философ, теолог, драматург, сценарист, переводчик, наставник, журналист, редактор, советник, основатель и вице-президент Института национальной стратегии. Член совета директоров Королевского Ордена Рыцарей и Хранителей Манассии, член Друзей Горы Афон — КОРОЛЕВСКИЙ ПОКРОВИТЕЛЬ Его Королевского Высочества принца Уэльского, ПРЕЗИДЕНТ Metropolitan Kallistos of Diokleia.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ АНГЕЛЬСКОГО ХОРА

Aria Arachnophilia

I.

Кто такой человек, чтобы помнить его, Господи?

Благородная печаль и бесчестное слово?
Скрежет, то больше, то меньше?
Молоко: меч или плач? Смех. Уксус и мед.
Тепло замерзшей воды. Обратный порядок.

В хрустальном дворце: силикаты потеряли сознание
И повешенные аргонавты: космонавты?
Сырое руно и золотое дно.
Кровь, огонь и лед. (Опустошенный взгляд).

Ласточки созвездий и галактики аистов:
Узники свободы? (Царство теплой бездны).
Не так ли? — О, да! Воды! И ниже, и выше
Небесного Свода: Златовласый Океан Сладкого Света.

II.

Херувимы и серафимы крестят богов: пара за парой,
в Бездне Бесконечного Восторга. Алтарь — это новое вещество:
Огонь Неопалимой Купины. Горячие кораллы приносят
Сверкающие ласточки на Радость Небесным Розариям: Угли

В сердцах рубинов — в груди дельфинов, бредить: Премудрость Грана́та.
Шепот Грома — гимн беременной клубники —
Кубок Вечного детства:
«Я — это Ты, и Ты — это я, разлук больше нет!»

В виноградниках и чашах мечтают Ангелы и Архангелы
Вдыхая нектар созвездий и амброзию галактик,
Но Дыхание Бога Опьяняет их, и Поверх Бытия:
Они трепещут в Боге, перепуганные и превеселые.

III.

«О, Свята эта Бесконечная и Безначальная Ночь,
Пресветлая Ночь Восьмого Дня на лоне Отца Света!
На крыльях вечной молодости шаг наш божественно легкий,
С плачем и пением мы спешим в Отчий дом».

И мы? Мы входим в Невечерниее Сумерки.
Гимны безмолвия нас Целуют, Поют и Знают
Еще до Сотворения мира — вне времени:
Они омывают нас Святым миром.

Одетые Порфирой Девственных Молний: мы становимся
Не только бесконечными, но и безначальными по благодати:
Золотым Тигром. В Боге:
Каждый — пророк, священник и царь.

IV.

И если мы вознесемся на небеса, и если мы спустимся в ад,
Где бы мы спрятались от Лика твоего Господи?
Мы, Твоей Смерти гвозди. Мы, цветы Твоего Сердца.
Мы, убеленные Твоей Кровью: дочери и сыновья Вечности?

Разве не человек, Господи, пища для твоего голода?
Разве не человек, Господи, Твоя прекрасная рана?
Разве не человек, Господи, для жажды Твоей вино и вода?
Разве не человек, Господи, Твоя Опьяняющая: Ужасающая свобода?

Разве не человек, Господи, ради Твоей Любви, дитя?
Разве не человек, Господи, Тайна Твоя: Чудо Твое
Не имеющее ни Верха ни Низа: Бесконечное Извержение
Бесценного Сокровища детей богов: Твоей Стрелы Стремление?

V.

Куда бежать нашим сердцам от Твоего Сердца, Господи?
В пустыне, где твое Тело и Кровь не пища,
Однако нас кормит: Твоих невыразимых вздохов манна!
Человек — стрела тоски. Любовь — великий воин.

Лавина Вина: Поток — Слеза в глазу-огне: адское дно
Скинии — Роза: Ухо и Лестница Мироносной Улитки:
Бездна Любви: Водоворот Крови и Золотая Сеть — все
Для потерянных сердец: Стучит в Груди Бога.

Паук оплетает сон.
Мушка сердца: видит сон.
О! Эхо Дня!

Золото сна падает
Через паутину небес
В Улыбку Солнца.

Вечность — Невеста
На Лестнице сияния:
Целуются сердца.

Кто такой человек, чтобы помнить его, Господи?

Перевод: Николая Ерёмина (Россия) и Миряна Грбича (Сербия).

Зоран НЕДЕЛЬКОВИЧ
г. Кралево, Сербия

Поэт. Доктор философии и социологии. Член Литературного общества Косово и Метохии, Ассоциации писателей Сербии, Сербского социологического общества. Лауреат премий «Григорий Божович» (2015), «Плакет ЮКС» с изображением Симе Матавулж (2020), победитель конкурса Ассоциации писателей «Уметнички горизонт» из Крагуеваца (2021).

Опубликовал 14 сборников стихов и две монографии в области социологии и культуры.

РОЙ СВЯТОГО САВВЫ

Вы не троньте мои ульи
И крестов не разрушайте,

Не грозите едким дымом,
Пока мёд течёт из храма.

Перед вами рой восстанет -
Мои славные монахи,

Все бесстрашные, как дети.
Камни руки их поднимут.

Выйдут иноки из келий
После праведной молитвы,

Как из сот простые пчёлы.
И невидимые крылья

Их на солнце засияют.
Укрепляемые песней

Звуки мерзкие услышат
И крестами атакуют

Словно жалами злодеев.
И от громкого жужжанья

Убегут враги в испуге
Из Отчизны православной.

Перевод Николая Ерёмина

ЕДИНОРОГ

Кто-то пролил кровь единорога,
когда он рыл

мёрзлую землю
мощным копытом.

В смертельных спазмах,
расширив ноздри,

смотрел на луну,
не веря,

что никогда снова
её не увидит.

Последний вздох
Эхом разнёсся в ущелье.

Ветер перестал выть,
как вожак стаи,

волки замолчали,
снежинки остановились.

По опущенной его шее
вниз по гриве

падали капли серебра,
замирая в лунном свете.

Лавина низверглась,
а мы, сербские солдаты, — за ней

Мы спускаемся неудержимо
с утеса,

Пробираясь
через снег Проклетия[13],

Оставляя позади
падших на марше.

И как сон единорога —
наше возвращение.

Перевод: Валентины Чизмар

СКРИПАЧ

Я верю своим глазам,
Они все видели, хотя и незрячи,

Резню князей
И бунт офицеров,

Бой на Мишаре
И бойню у Лозницы.

Свечи горели,
Словно зеницы,

Для живых и мертвых
Что поднимались и падали,

Я держал в руке
Скрипку, как флаг,

Пел о смерти,
Словно её нет,

У костра
В окружении бойцов.

Для них слепой
Говорил о победе.

Я чувствовал взгляды
Из тьмы тех,

Кто слушал мой голос
Как свет,

(Жаждущий и голодный
Свободы и славы).

Спасибо, Господи,
За то, что я видел

Струны под пальцами
Как пульс

Моей новой
Линии жизни.

[13] Прокле́тие (Проклетије, серб. Проклетије, «проклятие») / Се́веро-Алба́нские А́льпы — горный массив на Балканском полуострове, на границе Албании, Черногории и Сербии (Косово и Метохия).

ТЕРРИТОРИЯ СЛОВА

Za clovo русское

Литературно-художественный альманах
№1 (8) ИЮЛЬ, 2022
Дата выпуска: 08.07.2022

Обратная связь
E-mail: ludmilagontareva@mail.ru

Материалы, присланные на рассмотрение, не рецензируются.
Редколлегия в переписку с авторами не вступает.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Руководитель проекта:
Александр Сигида

Главный редактор:
Людмила Гонтарева

Редактор-корректор:
Анна Вечкасова

Подписано в печать 08.07.2022
Формат 60x84/8
Гарнитура Times New Roman
Усл.печ.листов 22,64

Отпечатано ФЛП Антонова О.С.
г.Луганск, ул.Даля, 3.